

Человек на Балканах
в конце XIX - начале XX вв.

Р.П. Гришина

Лики
модернизации
в Болгарии

ИСРАН
Москва-2008

Учреждение Российской академии наук

Институт славяноведения РАН

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Р. П. ГРИШИНА

**ЛИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ В БОЛГАРИИ
(БЕГ ТРУСЦОЙ ПО ПЕРЕСЕЧЕННОЙ МЕСТНОСТИ)**

Москва
2008

Рецензенты:

доктор исторических наук *Л. В. Горина*,
кандидат исторических наук *И. Ф. Макарова*

Р. П. Гришина. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX веков (бег трусой по пересеченной местности). Серия «Человек на Балканах». М.: Институт славяноведения РАН, 2008. — 256 с.

Что ученые подразумевают под буржуазной модернизацией: масштабную индустриализацию или (и) преобразование «экологического человека» в «человека экономического»? Какое значение в этом процессе они придают складыванию гражданского общества? Каково качество предусловий модернизации в стране, 80% населения которой составляло крестьянство? Эти и другие вопросы транзита социума от архаизма и традиционности к более высокой цивилизации автор рассматривает на примере Болгарии конца XIX — начала XX в., проанализировав большое количество болгарской, российской исторической, социологической, политологической и иной литературы. Использован также сопоставительный материал о ходе модернизационного процесса в соседних с Болгарией странах, что позволяет говорить о сходных чертах экономического и социокультурного развития народов юго-восточной части Балканского полуострова. В ряде случаев автор пытался определить свое отношение к вопросам, остающимся дискуссионными в историографии.

Для интересующихся теорией и практикой буржуазной модернизации в традиционных аграрных обществах, а также социальной, политической и культурной историей Балкан и для других специалистов.

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество в истории» (2006—2008 гг.).

ISBN 978-5-7575-0222-9

© Гришина Р.П., 2008

© Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН, 2008

Предисловие

В течение нескольких лет группа ученых Института славяноведения РАН вела работу над проектом «Балканские народы и процесс модернизации (вторая половина XIX—XX век)». В их задачу входило изучить, в чем заключаются особенности процесса модернизации, его приливы и отливы в балканских странах, сугубо аграрных, с неполной социальной структурой, зависимых внешнеполитически и приступивших к строительству собственной государственности в те годы, когда на Западе идеология либерализма и идея государства-нации достигли расцвета. Другая сторона исследования была связана с попыткой обрисовать, насколько возможно достоверно, характерные проявления ментальности балканского человека, сложившейся в давние времена и подверженной ломке в ходе наступивших модернизационных преобразований. Обращение к изучению проблем мироощущения и ментальности балканских народов при переходе общества от первоначального, во многом архаичного уровня, к цивилизационно более высокому, явилось новым и приоритетным направлением научного исследования. Следуя антропологическому принципу, ученые поставили в центр своего внимания *Homo balkanicus*, что позволило серию изданий публиковать под общей шапкой «Человек на Балканах». Это название было «подарено» коллективу академиком Г. Г. Литавриным, стоявшим у истоков первого сборника статей, который вышел из печати в 2002 г.

За период с 2002 по 2007 г. опубликованы четыре сборника этой серии «Человек на Балканах». Их выходные данные указаны в первой главе настоящей книги. Все они были выпущены в Санкт-Петербурге в издательстве «Алетейя», с связи с чем приходилось слышать о коллективе авторов Института славяноведения РАН как о петербургской группе. Хотелось бы избежать таких недоразумений, когда, например, академика Г. Г. Литаврина относят к петербургским ученым¹.

В предлагаемой вниманию читателя книге рассматриваются главные аспекты модернизационного процесса на примере одной балканской страны — Болгарии. Представленный материал существенно переработан

и обновлен по сравнению с «болгарскими» статьями в указанных сборниках, ряд сюжетов добавлен, а общая канва исторического процесса в этой стране в значительной степени переосмыслена.

Книга носит преимущественно историографический характер, в том смысле, что основана, главным образом, на доступной болгарской историографии последних лет. Именно после того как над историком перестали довлеть марксистско-ленинские догмы и установки, историческая наука Болгарии обогатилась множеством интересных исследований, характеризующихся самостоятельным подходом ученых к явлениям прошлого и настоящего, сопоставлением точек зрения. Несомненно как положительный момент следует рассматривать вступление в круг болгарских исследовательских центров провинциальных институтов, особенно местных музеев.

Историографический срез научного исследования, в основе которого изучение множества конкретно-исторических работ, позволяет перейти от «точечного анализа» к более объемному, «свободному», не обремененному излишними деталями. В частности, позволяет автору увидеть, скажем, процесс модернизации, как в нашем случае, с высоты в виде итогов проделанного ранее предшественниками, «заимствовать» у них (или «опротестовать») уже обозначенные ими тренды развития, не останавливаясь на подробностях. Авторский метод в такой диспозиции состоит в анализе добытых предшественниками результатов, сопоставлении их позиций и обосновании собственной аргументации, а также в выявлении аспектов, нуждающихся в дополнительной или более тщательной разработке.

При таком подходе автору настоящей книги пришлось убедиться в том, что процесс модернизации оказывается настолько сложным и противоречивым, настолько не терпящим простых констатаций «да» и «нет», ибо столь трудноуловимо новое в старом, а старое — в новом, что он посчитал за лучшее применительно к изучаемому предмету говорить не о модернизации, как таковой, а о ее *ликах*. Имея при этом в виду меняющуюся (ближущую) суть понятия «лик»² и вкладываемое в подобном случае в него ощущение неопределенности. Таково мое авторское понимание этой части названия книги. Особенно, если говорить о воздействии модернизационных реформ на изменение сознания человека и конечной цели преобразовательных усилий, как ее понимают теоретики модернизации, — утверждению в социуме стандартов экономического мышления. С этим связано и стремление автора к осторожным формулировкам, нередко в предположительной манере, призывающей читателя, прежде всего, к размышлению.

Это, в частности, относится к вопросу, нередко поднимаемому в печати, о том, почему при прочих равных показателях — одинаково низких на старте, одни страны через 15—20 лет вырываются в перворазрядные, а другие лишь незначительно продвигаются вперед. Английский ученый Л. Харрисон, например, задается вопросом, как объяснить, что в многонациональных странах некоторые этнические группы, действующие в одинаковых для всех экономических условиях, добиваются гораздо более заметных результатов, чем общество в целом. В качестве примера он приводит китайские меньшинства в Таиланде, Малайзии, Индонезии, на Филиппинах, в США, японские меньшинства в Бразилии и США, басков в Испании и Латинской Америке, евреев — во всех государствах их проживания³. Хотя ученые пытаются найти ответ на столь таинственное проявление пассионарности, притом каждый — в зависимости от своего специального образования, общей точки зрения не обнаруживается. Как невозможно с полной достоверностью установить и причины неуспеха в гонке стран за успехом. Это относится и к буржуазной Болгарии.

Книга в целом построена на изучении взаимоотношений Власти и Общества в Болгарии в конце XIX — начале XX в. Подробно рассматриваются вопросы социально-экономических предусловий модернизации в стране, 80% населения которой составляло крестьянство, специфика его хозяйственного уклада, а также другие факторы, тормозившие «быстрое» подключение болгарских земель к общеевропейскому модернизационному процессу (неполная социальная структура, отсутствие потомственной элиты, преобладание крестьянской ментальности, ориентированной на «вечные ценности» в противовес повседневному, опора на коллективизм и патернализм).

Значительное место в книге уделено анализу деталей политической модернизации Княжества Болгария (установление конституционной монархии, формирование парламента и политических партий, введение широкого избирательного права), показано, что «скоростной метод» строительства государственно-политических структур по западноевропейской модели сопровождался появлением нелегитимных органов и организаций, обладавших немалым политическим влиянием и действовавших наряду с законными органами. Их симбиоз, нерасчлененность способствовали консервации изначально низкого уровня политической культуры местного населения и правящих структур, ориентированных по большей части на разрешение конфликтных ситуаций с позиции силы. Автор считает нужным показать, что трудности строительства собственной государственности были не только «техническими» (нехватка финансов и кадров,

деструктивное вмешательство иностранных государств во внутренние дела молодого Княжества Болгария), но и идейно-духовными. Отсюда и «недофункциональность» складывавшейся политической системы, нечетко выполнявшей свою роль в организации политической системы. Отсюда и такое важное обстоятельство, как отсутствие государственной национальной идеи, ее ясного формулирования.

История Болгарии дает богатый материал для творческой дискуссии об общественной и политической роли крестьянства. Такие проблемы широко обсуждаются в российской и мировой историографии. Для Болгарии особенно актуален вопрос о месте этого социального слоя в процессе модернизационных реформ. Иногда кажется, что добиться прогресса нетрудно. «Стоит только отсталой стране, — говорится в предисловии к сборнику статей зарубежных авторов «Культура имеет значение», — сколь бы далеко географически и культурно она ни находилась от ареала западных ценностей, встать на путь рыночной экономики и построения правового государства, и она неизбежно приобретет необходимые ей качества современного общества»⁴. На деле так скорее всего не случается, особенно в крестьянской стране. В частности потому, что крестьянство сопротивляется модернизации, участвуя индивидуально и коллективно в оборонительных и наступательных действиях против государства и его ассоциаций⁵. Что касается болгарского селячества начала XX в., то, сопротивляясь, оно вместе с тем оставалось главной социальной базой все более обуржуазивающегося государства, которая и обеспечивала его устойчивость, несмотря на все кризисы и военные поражения Болгарии. Полагаю, что здесь еще много запутанных и сложных вопросов социально-психологического плана.

Как и в вопросе о роли человеческой воли в ситуации, когда история на рубеже XIX—XX вв. поставила Болгарию и другие балканские государства перед выбором: война или модернизация. Здесь — в дискуссионном, на мой взгляд, военном выборе 1912 г., заключается значение субъективного фактора в решении судьбы страны и народа. Балканские войны 1912—1913 гг. оборвали линию экономического и социокультурного восхождения Болгарии, добытого трудами ее населения за 30 лет после Освобождения. Была ли война неизбежной? Некоторые теоретики модернизации считают, что национализм новых молодых государств как бы естественным образом толкает их на путь территориального расширения (Э. Хобсбаум). Так ли это было в болгарском случае? Этот и другие дискуссионные вопросы, давно уже кажущиеся решенными, автор посчитал нужным поднять в своей работе.

В Приложении публикуется с разрешения автора статья болгарского профессора Ивана Илчева о Сан-Стефанском прелиминарном мирном договоре. Статья небольшая по объему, но емкая, интересная, проливающая новый свет на известное событие. Нетрадиционный подход автора будоражит мысль, и, думаю, знакомство с его работой будет весьма полезным читателю. Нельзя не добавить, что И. Илчев — историк эмоциональный, и в случае некоторого переизбытка его чувств в отношении русского дипломата графа Н. П. Игнатьева мне при переводе пришлось слегка смягчить их выражение.

Работа выполнена в Отделе истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. Выражаю признательность коллективу Отдела за дружеское расположение ко мне, а также за помощь в подготовке рукописи к печати (К. В. Большаковой, М. И. Леньшиной, А. А. Силкину). Особая благодарность участникам обсуждения монографии Т. В. Волокитиной, Л. В. Гориной, А. В. Карасеву, И. Ф. Макаровой, А. Л. Шемякину, сделавшим много ценных замечаний. Благодарю также близких мне людей, родных и друзей.

Примечания

¹ См.: *Хрисанфов В. И., Цуцкарева Е. В.* Проблемы болгаристики в отечественной историографии. 1995—2005 // *Материалы X-х Державинских чтений. Современность и исторические проблемы болгаристики и славистики.* СПб., 2006. С. 26.

² См.: *Словарь русского языка.* М., 1982. Т. 2. В статье «Лик» приводится пример: «Лик земли вечно переменчив».

³ *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Пер. с англ. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона.* М., 2002. С. 24.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ *Тилли Ч.* Сельский конфликт и сопротивление развитию капитализма и государства // *Культура имеет значение...* С. 333—334.

I. С точки зрения теории...

Обращение к теории модернизации, получившей в 50—60-е годы XX в. признание обществоведов многих стран, важно и для современных ученых-балканистов. Она делает, на наш взгляд, возможным приблизиться к ответу на вопрос о причинах, обусловивших невысокое место балканских государств, особенно юго-востока полуострова, в европейской экономической и политической системе в XIX и XX столетиях и не позволивших им, несмотря на все усилия, существенно повысить их статус, преодолеть традиционное отставание.

Как всякая теория, концепт модернизации является некоей умозрительной условностью и не может служить прописью для конкретных действий. Но возникший на основе *практического опыта* ряда «продвинутых» европейских государств, создавших своего рода идеал *западноевропейской цивилизации*, он позволяет выявить некоторые тактические приемы для достижения *цивилизационного успеха*, определить его составляющие. И в то же время осознать всю проблематичность самих модернизационных процессов, их соотношение с «прогрессом человечества», человеческое измерение цены, которую приходится платить за них. А также иметь в виду, что и сама модель западноевропейской цивилизации находится в постоянном движении и изменении и не является чем-то законченным и застывшим¹.

Технологический отрыв Запада от Востока, приобретший к началу XX в. почти абсолютные формы и ставший восприниматься многими политиками и учеными в качестве особой, «центральной», «всемирной» цивилизации, превосходящей все другие общества², поставил проблемы буржуазной модернизации практически в каждой стране.

С точки зрения общего направления движения процесс модернизации общества понимается как переход от состояния традиционности и архаичности к цивилизации западноевропейского уровня. Но было бы неправильно видеть в нем простое линейно-поступательное движение, пишет отечественный философ В. И. Пантин, поскольку сам процесс носит волнообразный характер, претерпевает свои приливы и отливы, чередование реформ и контрреформ³.

Проблем на этом пути в каждой стране возникает великое множество. Сам по себе процесс весьма длителен, растягивается на десятилетия и века и вряд ли имеет исторически обозначенный конец, когда можно сказать: «Всё, дело сделано!» Его внутренняя противоречивость выражается то в быстром наборе темпа преобразований, то во внезапном резком торможении, отклонении в сторону или упорном сохранении традиционности в качестве довлеющего фактора. В таком случае общественная «платформа», на которой «модернизаторская элита» пытается возводить здание более высокой цивилизации, разжижается, приобретает болотистый, «текучий» характер. Масштабное и многостороннее влияние традиционности на все новое, что происходит в обществе, лишает внутренней динамики процесс социальной трансформации, и он в результате может ограничиться лишь некоторым обновлением декораций. Или остановиться на тиражировании неких первоначально достигнутых успехов и укреплении господства слабых, промежуточных форм буржуазной модернизации.

С похожими сложностями столкнулись страны Балканского полуострова, для которых начало модернизационных процессов принято приурочивать примерно к середине — последней трети XIX в. Вопросы модернизации на юго-восточном пространстве Балкан частично были затронуты в сборнике «Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века» (СПб., 2002). В Предисловии к нему отмечены как предмет специального внимания *предусловия* модернизационных процессов, необходимые для успешного развития страны, а также их качества — материальные и психологические. Затем в поле зрения участников разработки проекта были поставлены вопросы специфики модернизации у славянских народов в конце XIX и первой половине XX в., исходя из опыта Албании, Болгарии, Сербии и Греции.

Одной из главных исследовательских задач было выявить основные, принципиальные факторы, способствовавшие успеху модернизации или тормозившие ее ход в той или иной из балканских стран, и приблизиться, таким образом, к пониманию внутренних механизмов модернизационных процессов в юго-восточной части балканского региона. Другая важная задача состояла и состоит в выявлении качества «человеческого материала» на Балканах, ментальности людей, вступающих или вовлекаемых в процесс модернизации, их восприимчивость к новому, к обучению, адаптивные и мобилизационные возможности и т. п. На необходимость учитывать эту сторону явлений обращает специальное внимание В. И. Пантин, отмечая, что «сложность и масштабность модернизационного процесса нигде не проявляется так ярко, как в сфере внутреннего мира че-

ловека, в психологических стрессах и перестройках», когда психология коллективизма, настроения социальной поддержки сменяются психологией самостоятельной, самодеятельной индивидуальности, ибо старый «человеческий материал» не в состоянии быть социокультурно-адекватным при новых правилах бытия⁴. Не менее важным представляется другое его замечание: эта переходная стадия заняла в Западной Европе период более ста лет — от Реформации до Вестфальского мира!

Научный подход к процессам модернизации на Балканах потребовал обращения к праистории.

Опыт изучения Homo balkanicus традиционного общества академиком В. Н. Топоровым и его последователями, как и опыт изучения проблемы «Этнос—народность—нация—государство» применительно к странам Юго-Восточной Европы VI—XV вв. академиком Г. Г. Литавриным, показали необходимость комплексного, междисциплинарного подхода к изучению балканского человека, особенно с учетом антропологического аспекта исследования.

Изучая толщу веков с глубокой древности до наших дней, нащупывая «балканское в балканском»⁵, специалисты ввели в научный оборот понятие «Балканская модель мира» (БММ). При характеристике некоторых ее свойств академик В. Н. Топоров подчеркивает, прежде всего, особенности балканского пространства с его чрезвычайной изрезанностью («ажурностью») береговой линии, с горными вертикалями и долинными горизонталями, с открытостью к семи морям и не только локальными закрытостями на пути к северу. «Балканское пространство, — пишет он, — в его географическом (уже — ландшафтном) и природно-экологическом аспекте (...) выступает как **мать** всего порождаемого им в себе самом, как подлинная **матрица**, в соответствии с которой штампуется человеческая жизнь. «Балканский» модус жизни в течение тысячелетий как раз и определяется структурой этой матрицы — балканским пространством, хотя и не только им»⁶. Чем глубже в древность, тем выше степень этой детерминированности. Геофизические и природные условия Балкан объясняют, по мнению ученого, характер расселения и формы поселений и социальной организации населения, а также род его занятий, т. е. тот тип культуры, который стал основным и передавался как типично балканская институция во времени⁷. Собственно говоря, в такой парадигме ученые работали с античных времен, работают и сейчас⁸, отмечая «влияние географических условий, особенно климата, на физический тип, обычаи и нравы», даже на образ правления, уровень культуры и хозяйственного развития⁹.

Свои особенности на Балканах имела и сфера *культурно-исторического*. В. Н. Топоров фиксирует внимание на том, что население полуострова (а наши знания, пишет он, с известной надежностью простираются до III—II тысячелетий до н. э.) *всегда было полиэтнично*; отношения были разными, в том числе, и резко враждебными, но так или иначе определенное равновесие восстанавливалось, хотя бы на бытовом уровне. «Следовательно, — заключает академик, — Номо balkanicus исходил из признания таких антитетических идей, как стабильное и изменяющееся, архаизм и инновация, свое и чужое (или, модернизируя, *Я и другой*)»¹⁰. Это было своего рода «балканской философией»: балканское «Я» амбивалентно, умеет работать — в зависимости от ситуации — в двух не только разных, но и противоположных режимах, при одном из которых нечто жертвуется, при другом же — возмещается, компенсируется. Но это и практика: балканский житель — то преследователь, то преследуемый; то убийца, то жертва; то мирный земледелец, то разбойник.

Такой Номо balkanicus, строящий свою жизнь в согласии с природой и развивающий свою культуру «в той мере, в какой природа освобождает для нее место»*, дожил, по мнению В. Н. Топорова, чуть ли не до рубежа XIX—XX вв. А именно тогда страны Балканского полуострова ощутили себя в положении вынужденных догонять (и не только экономически) своих соседей по европейскому континенту, уже прошедших к тому времени определенные стадии капиталистической модернизации.

Насколько же они были подготовлены к такой гонке, материально и психологически?

Один из первых, если не первый, ученых, обратившихся к теории модернизации, М. Вебер уделил отдельное, самостоятельное внимание проблеме духовных предпосылок генезиса капитализма, перехода от традиционного общества к буржуазному, поставил вопрос об определяющей

* Не могу не сказать о предложении болгарского ученого В. Тепавичарова называть человека примитивного общества, живущего в согласии с природой, «*экологическим человеком*» (Тепавичаров В. Възраст и власт в родово-племенните общества // Етнологията на границата на два века. Велико-Търново, 2000. С. 177). Как же далеко отстоит этот экологический человек от «человека экономического», можно сказать, — венца модернизации! А началом пути было «заполнение ландшафта», его хозяйственное освоение этносом. Э. С. Кульпин считает этот момент — «ключевым в истории общества и государства, а также и в истории природы, если сопровождается кардинальными изменениями, такими как превращение естественного ландшафта в антропогенный» (Кульпин Э. С., Пантин В. И. Две великие распахки в судьбе Западной и Восточной Европы. М., 1993. С. 4).

роли социально-культурных факторов в формировании «системы общезначимых мотиваций предпринимательской деятельности буржуазного типа»¹¹.

Конечно, исходным моментом, толчком к трансформации всей жизни традиционного общества, как это было в Западной и Центральной Европе, является *исчерпание ресурсов экстенсивного развития аграрной экономики*; из возникающего на этом фоне кризиса общественного сознания, отражающего потребности зарождающегося гражданского общества, происходят важные изменения в социокультурной сфере и, в частности, в такой интимной, подчас иррациональной, области, как религия.

Веберовский анализ результатов Реформации XVI—XVII вв., распространения «пуританской этики», приведших к формированию в людях нового отношения к труду, к «труду постоянному, неутомимому, квалифицированному», и к получаемому в итоге богатству, но получаемому не ради самого богатства, а «для Бога», создает почти наглядное представление о произошедшем в это время накоплении энергии человеческого духа огромной силы, которая и позволила европейской цивилизации совершить прорыв в буквальном смысле слова в новое измерение. Недаром М. Вебер называет это время «героической эпохой капитализма»¹².

Заявляя, что у колыбели современного «экономического человека» стояло пуританство, М. Вебер поясняет: «Повсюду, где утверждалось пуританское мироощущение, оно при всех обстоятельствах способствовало установлению буржуазного *рационального* с экономической точки зрения образа жизни, что, конечно, имеет неизмеримо большее значение, чем простое стимулирование капиталовложений»¹³.

Исходным пунктом протестантской этики и ее сравнительно быстрого, хотя и не без ожесточенной борьбы, распространения было обращение к массовой религиозности тогдашних людей, чувства которых к Богу при этом никоим образом не оскорблялись, а, скорее наоборот, возносились, ибо подчеркивалось: «Не для утех плоти и грешных радостей, но *для Бога следует вам трудиться и богатеть*». И более пространно: «Если Бог указывает вам путь, следуя которому вы *можете* без ущерба для души своей и, не вредя другим, законным способом *заработать больше*, чем на каком-либо ином пути, и вы отвергаете это и избираете менее доходный путь, то вы тем самым *препятствуете осуществлению* одной из целей призвания, вы отказываетесь быть управителем Бога и принимать дары Его для того, чтобы иметь возможность употребить их на благо Ему, когда он того пожелает»¹⁴. В трактовке протестантов труд, таким образом, выходил за рамки обычного и скучного дела, становился целью всей жизни

человека, поставленной Богом, когда, отмечал Вебер, и слова апостола Павла «Не трудящийся да не ест» становятся общезначимым и обязательным предписанием¹⁵.

Новые ценности, новое мироощущение и формировали буржуазный дух «экономического человека» эпохи раннего капитализма, эпохи революционного, по сути, прорыва европейцев Запада. Как же сильно их общественное воспитание того времени отличалось от балканского, особенно там, где преобладало православие. Конечно, национальная церковь балканских народов, на несколько веков попавших под гнет Османской империи, сыграла огромную роль в сохранении и отстаивании их языка и самосознания. Но к моменту освобождения от власти турок в XIX в., открывавшего сравнительно широкие возможности для самостоятельного развития, православная этика, хотя и не собранная, как таковая, в письменные рекомендации, продолжала культивировать в пастве «нестяжание», презрение к богатству, героизацию бедных и больных¹⁶.

К сожалению, в историографии существует известный пробел в изучении жизни балканских народов XVI—XVII вв. Это не позволяет составить ясной картины подготовительного этапа в развитии экономических, политических, идеологических и других структур, создававших основу для перехода на Балканах от традиционного общества к буржуазному, внутренним источникам этого процесса. Впрочем, это замечание относится не только и не столько к балканскому региону, сколько к проблеме в целом. Как пишет отечественный ученый М. Н. Кузьмин, «основная трудность здесь — отсутствие у нас сегодня новой парадигмальной характеристики Средневековья, раскрывающей поэтапную динамику этой гигантской исторической эпохи и особенно переходный период кризиса аграрной экономики экстенсивного типа и соответствующих социальных структур и политических форм и переход к интенсивной экономике, процесс синтеза новых форм, открывающих путь к перерастанию общества традиционного типа — в гражданское»¹⁷.

К началу буржуазной модернизации «человек на Балканах» пришел с архаичным социально-психическим багажом. Региональная «матрица традиционализма» не слишком охотно впитывала в себя изменения. Новое время показало, что многие свойства традиционализма, несмотря на их определенное с течением времени размывание и ослабление давления матричной детерминированности, оказались такой силы, что во многом стали диктовать образ и характер модернизационных процессов в регионе. В таком видении мы не одиноки. Изучая сложности и вариации процессов модернизации в разных странах и даже континентах, американ-

ский исследователь Ш. Н. Эйзенштадт отмечал, что модернизация не может в принципе полностью «перемолоть» традиционность и именно последняя во многом предопределяет ход и черты самой модернизации, в то время как приверженность общества собственным традициям действует в качестве стабилизирующего фактора¹⁸.

Укажем на некоторые свойства «балканской матрицы», важные для понимания проблемы. Во-первых, это тип культуры, связанный с землей, ее использованием, и — что очень существенно — с сохранением баланса: человек — природа, а также с отсутствием у человека потребности производить не только ради дня насущного, но и для будущего (земледельческий тип культуры). Болгарский исследователь Р. Аврамов считает, что все экономическое мироздание Болгарии держалось на аграрном цикле (природной цикличности) настолько тесно, что с ним увязывались даже ритмы вступления страны в войны, а именно — после завершения сельскохозяйственных работ¹⁹. Такой же цикличности придерживались болгарские коммунистические лидеры при планировании вооруженных восстаний в 1920-е годы.

Во-вторых, социальная организация общества, ориентированного на коллективизм и патернализм, отсутствие выделенной личности (индивидуальности). В-третьих, такие свойства ментальности, как природный (бытовой) демократизм, идеализм, романтизм. В-четвертых, отсутствие массового образования. Наконец, полиэтничность, сохраняющаяся практически до наших дней²⁰. Все эти черты были неразделимо связаны между собой. И в новую эпоху, когда «капитализм превратил историю во всемирную»²¹, оказалось, что их конгломерат не мог не стать своего рода камнем преткновения на пути успешного развития процессов модернизации с ее индустриализацией, культом индивидуализма, строительства нации и национального государства, с ее идеологией национализма. И в XIX в., и на протяжении почти всего XX в. для юго-восточных балканских государств оставалась характерной неполная социальная структура, сохранение огромного массива крестьянства — до 70—80% всего населения; не решались до конца аграрные проблемы, между тем как именно *аграрная реформа считается одним из важнейших предусловий модернизации*.

Особенность ситуации для стран юго-востока Балкан состояла в том, что они, получив (или закрепив) право на свободное государственное развитие в результате, почти без исключений, вмешательства великих держав (так было и в 1878 г., и в 1918—1919 гг., и в 1944—1945 гг.), оказались в положении, когда, с одной стороны, подвергались благотворному модер-

низационному влиянию извне, но, с другой стороны, становились объектом манипулирования в стремлении этих «великих» максимально использовать в собственных интересах выгоды геостратегического положения Балкан.

* * *

Одним из отправных моментов при изучении темы «Государство и его институты в балканском преломлении» — важной для понимания механизма модернизации в регионе — служит четкое понимание, что *синдром отягощенной социально-экономической наследственности и степень цивилизационно-культурного развития самого «балканского человека»* непосредственным образом отразились на том, какого рода государства могли появиться (и появились) на политической карте Европы в то время.

Конечно, определенный предварительный задел в деле государственного строительства у балканских народов имелся, но с приобретением в 1878 г. статуса самостоятельных княжеств Сербией, Румынией и Черногорией, а также статуса полунезависимого княжества — Болгарией картина изменилась кардинально. Согласно решениям Берлинского конгресса, вновь образуемые на Балканах государства должны были налаживать свою жизнь «в смысле европейского строя». К такой перемене применимо употребляемое отечественным автором М. В. Беловым понятие «*институциональной революции*»²², поскольку новое государственное строительство должно было сопровождаться фактическим внедрением на балканской почве западной политической модели с ее важнейшими новыми конструктивными элементами — конституционным порядком, парламентом, системой политических партий и другими либерально-демократическими институтами.

Весь этот процесс почти полностью подпадает под понятие вестернизации. И не случайно специалисты называют государственно-политические атрибуты новых балканских государств имитирующими, заимствованными²³.

Сейчас можно только размышлять, был ли институциональной революцией прерван ход самостоятельного, естественного развития балканских народов и строительства ими собственной государственности. Или, наоборот, ему был придан дополнительный импульс, в частности, в связи с тем, что повсюду на Балканах уже имелась, пусть тонкая, прослойка интеллектуалов-западников. Или, пуще того, — возможен и такой вариант: указание Берлинского конгресса совершенно не отвечало потреб-

ностям существования балканского населения*. Но что получилось, то получилось.

Следует при этом иметь в виду, что любая пересадка формы на новую почву меняет, и иногда очень существенно, содержание явления. В рассматриваемом случае это особенно актуально, так как формировавшиеся в балканских государствах властные структуры не располагали рядом важных ресурсов, как, например, развитое правосознание населения, политическая культура, интеллектуальная среда и т. п. И если *экономический менталитет* балканцев в пору, когда они уже вступили на путь модернизации, характеризовался такими чертами, как кооперативизм, этатизм, коррупция²⁴, то их *политический менталитет*, естественно, не мог находиться в отрыве от этой базы. Он состоял, как отмечают специалисты, из компонентов, генетически и исторически связанных с понятиями общинности, соборности, локального патриотизма (в основном уже преодоленных на Западе) и в гораздо меньшей степени с понятием государственности.

Свой аспект в формировании политического менталитета балканцев имело осознание ими своей многосторонней зависимости от более крупных и цивилизационно устоявшихся «великих держав». Даже в XX в. это положение находило отражение в лексике, например, сербов, болгар, говоривших о своих странах как о «державицах», т. е. уменьшительно, принижено. На этом фоне естественным было формирование другой крайности в их самоидентификации, вроде развития идей «Великой Греции», «Великой Сербии», «Великой Румынии», «Великой Болгарии» и даже «Великой Албании». Такая изначальная неустойчивость, психологически свойственная как неуверенным в себе людям, так, очевидно, и отдельным народам, глубинно отражалась на характере балканских общественных и политических отношений и в XIX, и в XX вв.

* Размышляя по этому поводу, болгарский ученый В. Проданов приходит к выводу, что при догоняющем типе развития следует говорить об *экзогенной* обусловленности процесса в балканских государствах, в отличие от его *эндогенного* характера, т. е. связанного преимущественно с внутренними факторами, в крупных западноевропейских странах. Именно сильная зависимость процесса модернизации на Балканах от внешних обстоятельств создавала, по его мнению, «высокую степень *неорганичности и принудительности* развития (курсив мой. — Р. Г.)». См.: *Проданов В.* Догоняща модернизация и насилие (Опит за обяснение на покушенията, насилието и политиката в България. 1878—1947) // *Историята — професия и съдба. Сборник в чест на 60-годишнината на член-кореспондент д. ист. науки Георги Марков.* София, 2008. С. 36.

Сходным по значению фактором можно считать и сознание малости, малочисленности большинства балканских народов. В 1880 г., как отмечают некоторые авторы, население Сербии составляло 1,9 млн человек, Болгарии — 2,8 млн, Греции — 1,7 млн²⁵, словенцы насчитывали около 1 млн человек.

Не без связи с этими обстоятельствами проблема создания государственности для каждого из балканских народов и осознания ее важности населением представляла как весьма сложная и трудоемкая. И не только с точки зрения «технической» (создания системы государственных атрибутов, органов управления, парламентов, партий и других институтов, в том числе монархического), но и с точки зрения идейно-духовной, в частности выращивания-воспитания «государственнического чувства». По мнению отечественного социолога А. И. Панова, именно оно является определяющей, главной чертой политического менталитета нации²⁶.

Говоря серьезно, отпущенного на это балканским странам исторического времени (примерно с середины XIX до середины XX в.) было предельно мало. Особенно, если учесть, что юго-восточные балканские территории и их население «пропустили» несколько культурных эпох, которые в свое время пережила Западная Европа. Болгарский ученый Р. Аврамов справедливо отмечает, что корни цивилизационных различий уходят ко времени разделения Римской империи, византийскому влиянию, религиозной схизме, османскому владычеству; при всех этих континентальных и глобальных событиях Болгария, например, оказывалась «по другую сторону», не там, где формировалось нынешнее понятие западной культурной идентичности. Утверждая, что «такие столетние циклы» не проходят бесследно, он относит нехватку нескольких слоев культурного развития не только к Болгарии, но к балканскому региону в целом²⁷.

Государственническое сознание трудно воспитывалось не только в пассивной массе преобладавшего слоя балканского населения — крестьянстве, но и среди формировавшегося управленческого аппарата. Значительная его часть главным для себя считала приблизиться к власти и получить (и получать!) от этого привилегии. Из такой касты трудно формировались активные силы, которые могли бы стать носителями социальных реформ, мало кто из них заботился о действительных нуждах государства. Чувство гражданственности и ответственности на всех этажах общества вырабатывалось очень медленно. Из-за недостатка квалифицированных кадров стадия становления управленческого аппарата бесконечно затягивалась, общество в юго-восточных балканских странах до Первой мировой войны

в целом оставалось аморфным. То есть складывавшиеся в балканских странах *партийно-политические системы* являлись как бы «недофункциональными», ибо далеко не в полной мере выполняли свою роль фактора, организующего политическую жизнь государства. Будь то забота о его внутренней стабильности, или осуществление связи между высшими правящими структурами и населением, или выработка идейных программ, политическое просвещение народа, или стремление стать выразителями социальных интересов тех или иных групп населения.

Удивительно, но необходимость такой работы поняла католическая Церковь. Уже в начале XX в. в католичестве возникло так называемое социальное направление. Резко критикуя либеральные идеи и жесткость мер экономической модернизации, «социальные католики» не выступили против нее как таковой, но попытались самортизировать беспорядочность ее ударов по населению путем создания специальных социальных программ, поощрения кооперирования и т. п. И не осталась внакладе: влияние и авторитет католической церкви выросли не только за счет увеличения ее паствы, но и благодаря ее роли в общественной, а затем и в политической жизни.

Само государство на Балканах, его правительственные сферы, естественно, характеризовались примерно теми же качествами, что и партийно-политические системы. Из пут архаичных представлений было трудно освободиться даже правителям, находившимся на самом вершине. Преобладали ценностные ориентации (семья, религия, язык, собственное прошлое), а не целевые²⁸. Действительно, выработка, скажем, *государственной цели*, ее формулирование и гражданское осознание, мобилизация народа на ее достижение, — такая задача в конце XIX — начале XX в. в лучшем случае обговаривалась или обсуждалась политиками и идеологами, но не ставилась в полной мере как непосредственная, актуальная. Особенно это относится к области внутренних проблем модернизации.

Пожалуй, единственная цель, которую, кому раньше из балканских государств, кому попозже, удалось четко сформулировать, оказалась военной. И это не случайно. Ряд авторов отмечает, как изначально присущую милитаризованность сознания балканцев и связывает ее в первую очередь с необходимостью для них постоянно обороняться от османских завоевателей. Возможно, к этому следует присовокупить и влияние первичной матрицы, впитавшей в себя особенности жизни горцев. Поэтому *четничество* — формирование и уход в горы небольших вооруженных групп — родилось естественно и превращалось почти в повседневную практику. Поначалу с целью охраны населения. Но эта архаичная гражданствен-

ность с течением времени породнилась с разбойничеством, а к рубежу XIX—XX вв. романтические герои все чаще стали возглавлять четы, занимавшиеся террором и насилием уже в политических целях. Им даже удавалось устанавливать, на части территории, собственное управление (Внутренняя Македоно-Одринская Революционная Организация — ВМОРО). Так что для государственной практики ряда балканских государств стало обычным опираться на действующие нелегально четы и другие неконституционные образования, входить с ними в контакт, а также использовать заговорщиков, тайные комитеты, способные на многие деяния, вплоть до совершения государственного переворота. Беда, что общество не сопротивлялось такой практике, скорее, наоборот, идейно понимало ее и принимало, внутренне срашивалось с нею. Что и говорить, политическая модернизация зачастую сопровождалась не красивыми улыбками, а уродливыми гримасами.

Функционирование нелегитимных, *парегосударственных органов власти* наряду с законными, конституционными являлось, по-видимому, следствием *модернизационной встряски* в ходе «пристраивания» западной государственно-политической модели на почву, недостаточно подготовленную и слишком простонародную для такой сложной структуры. Возможно, в еще большей мере это было связано с проявлением свойств первичной, традиционной матрицы, что выражалось, в частности, во внедрении балканской амбивалентной философии в действия уже не отдельного человека или некоей групповой общности, а в деятельность государства, в государственной практике.

Из всех управленческих структур, при слабости, как правило, государственной власти, быстрее всего в новых балканских государствах стало развиваться военное ведомство. Офицерство как общественная группа людей, более грамотная и специально обученная и потому способная четко мыслить, хотя и в узком направлении, умевшая в силу жизненных обстоятельств определять цели и задачи не только в рамках своей компетенции, быстро вышла на первые роли, в, казалось бы, несвойственной ей политической сфере. Офицерский корпус начал ощущать себя гарантом национального суверенитета и независимости своей страны.

Военных, считавших себя носителями национальной идеи, осуществления которой следует добиваться, чего бы это ни стоило, не устраивали бесконечные рассуждения в обществе по поводу нерешенности национального вопроса (как оказалось, в каждой из балканских стран), словесно постоянно подогреваемые интеллектуальными и политическими кругами, как и создание многочисленных проектов славянского объединения,

в том числе в виде федерации (и большинство из них — без достаточной аргументации). Ибо вся эта деятельность ограничивалась говорением, обсуждением, даже написанием отдельных программ. И отсутствием конкретных действий.

Лишь на переломе веков, и особенно после событий 1908 г., необходимость борьбы за «национальный идеал» все более стала осознаваться и в радикальных политических кругах как главная государственная задача. Однако далеко не всем обществом. И не всеми правящими структурами. Правительства, на которые резко нападали экстремисты, как на неимеющих должной энергии для осуществления национальных идеалов, но которым предстояло принимать роковые решения, колебались, находясь под давлением с разных сторон. В результате верх взяли самые решительные из офицерского корпуса и нелегальных «патриотических» организаций. Война — для решения национального вопроса, для соединения с братьями, оставшимися за пределами национального государства, и за приобретение территорий, на которых они проживают, стала неизбежной.

Замечательно сформулировал тезис о действиях военных в государствах со слабой властью современный военный обозреватель А. Жилин: «Когда власть не может четко сформулировать государственные приоритеты и игнорирует проблемы армии, — пишет он, — армия воспринимает это как угрозу стране и пускается на поиски альтернативы существующей власти»²⁹.

Балканские войны 1912—1913 гг., а затем Первая мировая война изменили и карту Европы, и ход модернизационных процессов на Балканах. В конце концов, не балканцы, а версальские «миротворцы» решили в 1920 г. этнотерриториальные балканские проблемы, не вникая в них по существу и раскрыв Балканы по собственному разумению. И, в результате, обострив до крайности отношения балканских государств между собой. Они грубо и произвольно сшили отдельные куски территории белыми нитками, так что даже созданное крупное государственное образование — Королевство Сербов, хорватов, словенцев — не ушло от жесткой внутренней конфронтации и разнонаправленности устремлений вошедших в него народов.

* * *

В ходе исследования темы «Человек на Балканах и процессы модернизации», проводившегося группой ученых Института славяноведения РАН, возникла необходимость расширить (дополнить) методологию изу-

чения движения общества от *архаичного, традиционного к цивилизационно более высокому*.

Первичная общепринятая «формула» модернизации: от аграрного общества к индустриальному — теоретически обозначала главный вектор движения. Изучение подробностей — «технических» деталей и практической сложности модернизационного преобразования, неоднозначности составляющих его компонентов — вызвало к жизни новые теоретические разработки. Как пишет уже упоминавшийся В. И. Пантин, первоначально существенными чертами теории модернизации были *универсализм* и предположение *о линейно-поступательном характере* общественного развития в целом; ссылаясь на раннюю работу Ш. Н. Эйзенштадта и других приверженцев подобной точки зрения, В. И. Пантин продолжает: тем самым фактически постулировалось, что процесс модернизации направлен в одну точку, независимо от исходного состояния общества, его цивилизационной принадлежности, культурных традиций и других характеристик³⁰. В ходе дальнейших разысканий обществоведы разных стран выстраивали новые модели или обновляли прежние. Наибольшую популярность и долговременность среди них приобрела *теория «догоняющего развития»*. Но, как оказалось, и она не снимала главного вопроса практической жизни, свидетельствовавшей: государства, отставшие в социально-экономическом отношении, в реальности масштабно *индустриализироваться* не могут. Им не под силу догнать *постоянно удаляющуюся цель*. Ограниченность, условность любой теории заставляла ученых мучительно искать — где ошибка: в самой теории или в «не идеальности» изучаемых объектов³¹.

Накопленный опыт работы по проекту «Человек на Балканах и процессы модернизации» позволяет утверждать, что модель «догоняющей модернизации» неплохо работает на ранней стадии процесса, на «перегоне», когда группа интеллектуалов или политиков в данной стране осознает необходимость существенного реформирования общества. Здесь положительную в целом роль может играть и практика «вестернизации», заимствования. Но в дальнейшем накопление заимствований становится непродуктивным, слишком перегружающим национальную идентичность, что приводит общество в состояние психологического «раздрая», неустойчивости, неуверенности. Появляется ощущение необходимости сменить тактику, а в определенной мере и стратегию.

Ученые социологи определяют это время как нуждающееся в выдвигании на очередь дня *собственных* для каждой страны *национальных задач (национальной идеи)*³², сосредоточении на них. Способность пра-

вильно (с учетом исторической перспективы) сформулировать и поставить такие задачи, а также мобилизовать общество на их решение, на достижение определенной цели становится существенным компонентом процесса модернизации. И здесь важен фактор *социокультурного состояния* общества. Включая роль субъективно-личностной стороны культуры — ее творцов, ее потребителей, ее духовных и других авторитетов (все они нередко выступают «агентами модернизации»), а также — *культивирующихся в обществе идей и ценностей*.

Социокультурный подход к изучению модернизационного процесса отличается конкретизацией внимания на Человеке, его роли и поведения в периоды социальных преобразований, создания новой системы личных и общественных ценностей (социальных норм). Воздействие культуры на человека при этом огромно — она не только воспитывает, но и формирует цивилизацию. В том же направлении работают пресса, печать, театр, массовые зрелищные мероприятия и т. п.

Процесс, по мнению ученых-социологов, имеет *сознательное* наполнение: идея, предмет, желание, чтобы стать ценностью, должны пройти через сознание человека, группы людей, общества в целом. В конечном счете, речь идет о *трансформации сознания* человека, о появлении «экономического человека» — рационалистически действующего индивидуума, перед которым человек патерналистского типа (близкий к «экологическому») отступает. Часть социологов, раздвигая привычные «экономические» рамки дихотомии: *модернизация — индустриализация*, делает «заход» с другого угла и видит результатом модернизационных усилий строительство не столько индустриального, *сколько гражданского общества*.

В идеале социокультурная трансформация охватывает в новейшее время все слои общества. Труднее всего процесс развивается в крестьянской среде, где нередко возникает своеобразная инерционная стена. Что неудивительно, ибо, как свидетельствует научная систематика, естественный отбор, действующий на протяжении столетий, направлен, в первую очередь, на сохранение естественных характеристик вида, а не на закрепление отклонений. Хотя это наблюдение относится к животному миру, пример, пусть условно, может быть приближен и к истории развития человеческого общества: он делает более понятным понимание силы и устойчивости традиционализма, его влияния на жизнь людей. Вместе с тем, думается, вряд ли правильно ограничивать воздействие социально-культурных новшеств только на сознание человека: их аура, по-своему заполняя воздушное пространство общества, *действует и на бессознательном уровне*, способствуя тем самым определенным подвижкам в природной ментальности социума.

На уровне решения конкретных научных задач, в частности, для лучшего уяснения сути модернизации на Балканах, нами был признан продуктивным отказ от концентрации внимания только на *Homo balkanicus*. На очередь дня вышло привлечение исследовательского *сопоставительного* материала из иных частей незападной, а именно Восточной и Средней — Европы — т. е. ее регионов, более или менее близких (социально родственных) юго-восточным Балканам, главным образом, по параметру сравнительно высокого удельного веса крестьянства в составе населения. Это — польские, российские, венгерские земли; отдельное внимание было уделено цивилизующей роли Австро-Венгрии в отношении хорватского, словенского, венгерского народов, что позволило установить своеобразную градацию социокультурных позиций самого *Homo balkanicus* на полуострове — в зависимости от степени его территориальной приближенности или удаленности от центров западноевропейской цивилизации.

Богатство материала, добытого «лабораторным путем» профессионалами разных специальностей — историками, социологами, литературоведами, философами, культурологами, этнологами и др., позволило на пограничье этих наук (дело именно в *пограничье* наук, т. е. в их определенном взаимопроникновении, а не в *стыке*, как принято говорить) значительно расширить рамки научного знания.

Среди наиболее существенных выводов проведенного исследования можно выделить следующее: ход процесса модернизации на территории Балканского полуострова (примерно с середины XIX в. до 40-х годов XX в.) был неравномерным: более интенсивным — на хорватских и словенских землях, как приграничных с «настоящей Европой». Свою особенность имел «заход» Европы на южную оконечность полуострова (греческие острова и черноморское побережье) — через Константинополь, как «провинциальный отголосок столичной моды в Османской империи»³³.

Помимо этого, важный результат принесло изучение проблемы организации образовательного процесса, как в начальной и средней, так и в высшей школе. Стремление модернизирующихся государств обеспечить всеобщую грамотность населения, повысить уровень образованности людей является едва ли не главным исходным основанием для успеха модернизационных реформ. Нужно подчеркнуть, что институт государственной школы несёт чрезвычайно серьезную функцию: школа, осуществляя прямое и опосредствованное *влияние на сознание всего общества*, выступает своеобразным *инструментом* модернизации. Здесь заметим, что другим таким инструментом является *армия*. Будучи обязательными, а значит в той или иной степени принудительными, оба этих института оказывают *дисциплинирующее воздействие* на общество.

Относительно самой проблемы образования выяснилось, что, несмотря на разность исследуемых стран по многим параметрам, в конце XIX — начале XX в. они имели много общего в постановке, организации и подходах к ее решению. В частности, в отношении обучения сельского населения центральным стал вопрос — как избежать прямого принуждения и воспитать в людях *потребность в образовании*. Общий для крестьян негатив в этом плане определялся мотивом, что дети нужны в хозяйстве, для присмотра за скотиной, что в школах не обучают ремеслу, не дают в руки самостоятельного дела. Крестьянам казалась достаточной церковно-приходская школа; школа же, работающая по единому плану, представлялась чужеродной. Но больше всего отпугивал *страх перед разрушением традиции*, нарушением преемственности поколений в семье, нравственных устоев села.

Для сельского социума это были далеко не риторические вопросы — время реформ поставило перед немалой его частью *проблему выживания (неразорения, неуничтожения)* в качестве насущной. Крестьянам приходилось искать собственные пути, чтобы приспособиться к обновлявшейся жизни. В частности, они с вниманием относились к обещаниям учить в школах навыкам ремесла, «нужным в крестьянском быту». Любопытно, что в 1896 г. на отчете курского губернатора, «вносившего» похожее предложение, российский император с раздражением написал: «Сколько раз я уже настаивал на этом!»³⁴

Сравнительно-сопоставительный подход к изучению одного и того же явления в разных странах позволил сделать интересные наблюдения. Например, в отношении Болгарии и Венгрии — стран, потерпевших поражение в Первой мировой войне. Оказавшись по условиям мирных договоров 1919—1920 гг. лишенными многих экономических ресурсов и рычагов, правящие круги этих стран направили значительную часть модернизационных усилий именно на область образования. Так, в Болгарии 11,4%³⁵ от общего «действительного расхода государства» в 1925/26 финансовом году было предоставлено Министерству просвещения (на 6,5% больше, чем в 1921/22 г.). Причем, нарастание фактических расходов по этому ведомству в указанные годы происходило постепенно, но постоянно, в то время как по Министерству иностранных дел, наоборот, сокращалось. Показательно, что данные по Министерству внутренних дел тоже дают прирост, но лишь на 1,9%, хотя на указанный период пришлось и государственный переворот 1923 г. и последовавшая за ним двухлетняя гражданская война.

Подобная тенденция государственной поддержки системы образования отмечалась и в Венгрии, особенно в отношении элитарного образования, что определялось не столько экономической потребностью страны, сколько озабоченностью государства своим престижем. В результате в обеих странах возникло перепроизводство сравнительно высоко образованной интеллигенции.

Однако наличие слоя такой интеллигенции не обеспечивало, во всяком случае, в южнобалканском регионе, формирования квалифицированного управленческого аппарата. Верно замечено, что образование — это еще не культура. Особенно, если говорить о политической культуре, уровень которой на протяжении многих десятилетий оставался на Балканах весьма низким. Главное же — устойчивости «новых» балканских «державиц» мешала внутренняя несбалансированность государственно-политических структур (сосуществование легальных учреждений с полуполициальными, нелегальными, подпольными) с их непредсказуемостью. Механизма выращивания чиновников для высоких постов и с высокой гражданской ответственностью, как правило, не существовало.

Следствием был тот факт, что правящие круги балканских государств ни до Первой мировой войны, ни после нее так и не овладели способностью выдвигать назревшие, настоятельные и адекватные уровню развития страны и ее населения национальные проекты. Скорее, они были склонны к поспешным, по существу, волюнтаристским действиям эмоционального характера. Свою роль играла существенная деталь: милитаризованное первородное сознание представителей власти в «новых» балканских государствах легко завораживалось националистическими, завоевательными «великодержавными» программами как главными для каждой балканской страны, только что появившейся в XIX или XX в. на политической карте Европы. Эта заразительная тенденция проявила себя и при провозглашении в 1912 г. независимого Албанского государства немедленной заявкой на строительство «Великой Албании». Хотя, как показывают некоторые новейшие материалы³⁶, освоение албанцами новых территорий осуществлялось не столько в силу провозглашенной великодержавной доктрины, сколько естественным (и потому, возможно, более сильным, *предопределенным*) способом — миграционным.

«Верстовой столб», стоявший на развилке XIX—XX вв., как бы сигнализировал балканским управленцам: настало время определить для страны стратегически важные цели — внешне- или внутривосточные. Они *избрали в качестве первоочередных, приоритетных внешнеполитические*: национальная идея получила здесь выражение в виде борьбы за

целостное объединение народа. Отметим, что конкретный сопоставительный материал по небалканским странам подкрепляет высказанный нами ранее тезис о том, что в ранний период существования «новых» балканских государств, при более точном учете тогдашней реальности, следовало бы сосредоточить усилия правящих кругов в первую очередь на *внутренних проблемах*, а не на внешних. Этот тезис идет вразрез и с устоявшимся в историографии «революционным» отношением к вопросу, и с наличной практикой XIX—XX вв. Но вряд ли ныне кто будет спорить, что культивируемый десятилетиями великодержавный «национальный идеал» уводил южные балканские народы в сторону от их важнейших *действительно национальных задач* — от экономического и социально-культурного модернизационного строительства своих государств. Что же до полного, целостного объединения болгарского или сербского народов, из-за чего случились жесточайшие войны, открывшие собой двадцатый век, то первого так и не произошло, а из второго в 1990-е годы получилось то, чего никто в начале XX в. не мог даже предположить. Как здесь не вспомнить отечественного ученого Г. Д. Гачева и его замечание о «самоцентрированности» населения балканских уголков³⁷, позволяющее предположить, что такая самоцентрированность мистически, независимо от мечтаний этих народов, становилась *главным препятствием к целостному объединению* каждого из них, к превращению родных укромных уголков во что-то им несвойственное — крупное, целое*.

* Как здесь не вспомнить восприятие физической географии Балкан академиком В. Н. Топоровым! В связи с замечанием Г. Гачева интересно привести наблюдение русского историка С. М. Соловьева по поводу того, как ландшафт может влиять на форму и характер складывания государства; в «Истории России с древнейших времен» он писал: «Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Черного до Белого и от Балтийского до Каспийского моря путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышенностей, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям, к однообразию в обычаях, нравах, верованиях, что исключает враждебные столкновения... и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними». Цит. по: *Баньных С. Г.* Географический детерминизм от Льва Мечникова до Льва Гумилева. Исторические очерки. Екатеринбург, 1997. С. 26.

Сопоставьте с балканским ландшафтом: что же может «предписывать» гористая местность строящемуся государству!

Использование сравнительно-сопоставительного метода позволило выявить значительную разность, и даже контрастность, в темпах и деталях модернизационного процесса на Балканах и в других странах Восточной Европы. Контрастны относительно быстрые темпы изменения ментальности польского крестьянина и приближения его к «человеку экономическому» по сравнению с темпами такого продвижения человека южнобалканского. Среди факторов влияния в данном случае — во-первых, географическое местоположение польского крестьянина, а именно: восточное *пограничье* западного мира, во-вторых, меньший удельный вес крестьянства в составе населения — примерно 60%, что близко к положению во Франции в то время (а не 80—90%, как на Балканах); в-третьих, ослабление после поражения восстания 1863 г. позиций сторонников силового решения польского вопроса и переключение внимания общественности Царства Польского на решение внутренних проблем, в частности связанных с проведением в 1864 г. аграрной реформы, в первую очередь. Все это вместе взятое позволило польскому крестьянству перейти от маневрирования на предмет выживания к использованию благоприятной конъюнктуры для *улучшения качества жизни*. Контрастно состояние образования в ряде балканских государств, не рассчитанного на подготовку управленческого персонала, с положением в Австро-Венгерской монархии, где уже в XVIII в. на основе продуманной тактики велась интенсивная подготовка управленческого аппарата.

По-своему контрастной явилась также роль церкви в трудный для любого общества переходный период от архаики к более высокой цивилизации. Если в польских землях, да и в хорватских тоже, католические священники, близкие к пастве, нередко становились социальными лидерами, а паства готова была следовать за ними, то православная церковь, например, в Болгарии и Черногории даже не ставила себе подобных задач (да и не могла ставить, исходя из принятой в православии цезаропапистской модели отношения к государству), оставаясь в целом пассивным общественным атрибутом (по принципу: «ряса должна быть нейтральной!»).

Прием контрастного сопоставления помогает лучше понять индивидуальный путь развития каждой исследуемой страны, стремящейся влиться в модернизационный поток (или действующей в этом отношении бессознательно), степень ее модернизованности на определенном историческом отрезке, успехи и неудачи субъектов (агентов) модернизации.

Безусловно, мы далеки от мысли делать конечные, «несгибаемые» выводы, но рассчитываем скорее склонить читателя к размышлению. Часть вопросов не могла получить и не получила окончательного разрешения,

но сама их постановка может послужить подспорьем для других исследователей. По меньшей мере, констатация о крайней застылости некоторых факторов общественного развития юго-восточных балканских земель, некоей психологической зацикленности, слишком медленно и мелко проявляющейся здесь креативности заставляет вспомнить о *теории длинных волн в капиталистической экономике* Н. Д. Кондратьева, его предшественников и последователей. И в связи с этим подумать о возможности существования других «длинных волн», скажем, — эволюционных.

Конечно, процесс модернизации очень не прост и не может полностью «перемолоть» традиционность. Тем более труден для исследователя всякий поиск «нового в старом, а старого в новом», учитывая еще, что модернизация не может иметь линейно-поступательного характера, а обладает своими циклами и волнами. При этом значение фактора «застылости», т. е. определенного застоя, как представляется, нельзя упрощать и относить к сугубо отрицательным явлениям. Основой «застылости» могут выступать как социально-экономические, так и личностно-психологические причины. В первом случае речь идет о том, что «укладная разобщенность» не придает модернизирующемуся обществу уверенности для последующего поступательного движения. Действительно, юго-восточные балканские общества — это не фукуямовские «общества доверия». Здесь для подавляющей части населения важно сформировать, обеспечить себе определенные условия *выживания*, понимаемые как некий *социальный резерв*, особенно для непредвиденных обстоятельств.

С другой стороны, остановке-застоя может способствовать достижение человеком (группой, слоем населения) определенного положения, которое сознанием воспринимается как удовлетворительное, достаточное. Примером может служить отношение крестьян к мелкой собственности, как обеспечивающей, пусть не высокий, но известный жизненный стандарт. Ведь образовав сеть потребительских кооперативов, сельское население уже сделало шаг вперед, назад теперь не вернуться, но продвигаться дальше — страшно, рискованно. И здесь включается бессознательное, принимающее *пассивную адаптацию* как наиболее рациональное поведение.

Мысль о возможности «длинных волн» в развитии общества заставляет думать и о том, что все теории модернизации находятся с этим явлением в определенном противоречии: авторы их недостаточно, видимо, учитывая фактор времени и пространства, особенно для стран незападной Европы, подспудно все-таки пытаются подтолкнуть чужую историю. И едва ли не как откровение звучат голоса российских специалистов.

В. Г. Федотова, например, пишет: Германия, несмотря на наличие главного фактора модернизации — протестантской этики — стала частью Запада лишь после Второй мировой войны³⁸. Еще более определенен известный отечественный крестьяновед В. П. Данилов, считавший, что лишь в 1960—1980-е годы социальные сдвиги во французской деревне стали приобретать всеобщий характер — это были результаты социальной трансформации, начавшейся в 30—40-е годы XIX в.³⁹

Если хорошо посчитать, то, возможно, указанные временные «координаты» и заключают в себе «длинные» германскую и французскую социальные волны? А балканской волне предстоит еще биться и биться...

Следует сказать, что указанное противоречие теоретически снимается в случае обращения к интенсивно развивающимся в последние несколько лет представлениям о *глобальной истории*, т. е. о процессе формирования человечества как глобальной общности. Начало процесса, пишет, например, уже цитировавшийся выше В. И. Пантин в другой своей работе⁴⁰, «теряется в глубине веков и тысячелетий» и имеет свою историю со множеством этапов. В контексте нашего исследования представляется важным, что ученые-«глобалисты» предполагают в процессе *не только поступательную*, но и *волновую* (циклическую) составляющую. Последняя, по мнению В. И. Пантина, описывает подъемы и спады глобальной интеграции. Говоря о долговременных циклах глобализации, «состоящих из двух также весьма протяженных волн», и обозначая их как волны дифференциации и волны интеграции, автор считает их «*необходимыми созидательными эпохами, на протяжении которых постоянно возникает нечто новое*»⁴¹.

При таком подходе явление модернизации воспринимается в качестве всего лишь «детали» (одной из «деталей») процесса глобализации, и многие ее особенности, при изучении отдельных стран, могут быть объяснены продолжительностью «сверхдлинных» волн дифференциации и интеграции, каждую из которых специалисты определяют в 500—600 лет⁴².

Обращение ученых к представлениям о глобальной истории, анализ «глобальных метатрендов» позволяет, по их мнению, избежать узости европоцентризма, обнаруживать периодические перемещения центра мирового развития с Востока на Запад и с Запада на Восток и, в частности, предположить возможное исчерпание в ближайшие 50—100 лет волны интеграции, которая наблюдается на современном этапе глобализации (не принимаемой многими современными народами из-за ее однополюсности).

Примечания

¹ Эволюция политических институтов на Западе. Предисловие. М., 1999. С. 3—4.

² *Никифоров К. В.* Парламентаризм в Сербии в XX века // *Славяноведение*. 2004. № 3. С. 8.

³ *Пантин В. И.* Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997. С. 5.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ См., например: В поисках «балканского» на Балканах. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1999.

⁶ *Топоров В. Н.* Балканский макроконтекст и древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация (общий взгляд) // *Восток и Запад в балканской картине мира*. М., 2007. С. 15.

⁷ Там же.

⁸ С 1990-х годов по проблемам социоестественной истории успешно работает в России группа специалистов во главе с Э. С. Кульпиным. Под его редакцией вышли в свет уже более 20 выпусков издания «Человек и природа», посвященных различным аспектам темы.

⁹ *Столярова Т. Ф.* Географический детерминизм и социоестественная история // *Ландшафт и этнос*. М., 1999. С. 61.

¹⁰ *Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 18.

¹¹ *Зарубина Н. Н.* Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998. С. 3.

¹² *Вебер М.* Протестантская этика. Сб. статей. М., 1973. Ч. 2. С. 91.

¹³ Там же. С. 101.

¹⁴ Там же. С. 87.

¹⁵ Там же. С. 82.

¹⁶ Исследуя воздействие религиозных установок на выбор пути развития общества в протестантских странах Запада и в православной России, Э. С. Кульпин приходит к выводу, что, если принять *спасение* главным в идеологии религиозного человека, то протестанты стремились получить его через *труд* во славу Бога, в то время как в России во главу угла было поставлено *служение Богу*; другой первоочередной ценностью здесь являлось *Государство*. Вместе взятые эти ценностные установки и оказались решающими, при выходе страны в XVII в. из социально-экологического кризиса, в определении пути развития российского социума именно как экстенсивного (См.: *Кульпин Э. С.* Первый социально-экологический кризис в России // *Материалы II-й конференции «Человек и природа — проблемы социоестественной истории»*. М., 1994. Вып. 2.).

¹⁷ *Кузьмин М. Н.* Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // *Вопросы философии*. 1997. № 2. С. 58.

¹⁸ См.: *Пантин В. И.* Указ. соч. С. 79.

¹⁹ *Аврамов Р.* Стопанский XX век на България. София, 2001. С. 50.

²⁰ *Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 18; *Федотова В. Г.* Модернизация «другой Европы». М., 1997. С. 36—37.

²¹ *Федотова В. Г.* Указ. соч. С. 53.

²² См. *Белов М. В.* Проблема институционализации и легитимации власти в Сербии. 1804—1830 гг. // Человек на Балканах. Государство и его институты. Гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.). СПб., 2006.

²³ См., например, *Никифоров К. В.* Указ. соч.

²⁴ *Аврамов Р.* Указ. соч. С. 107.

²⁵ *The Balkans in Transition. Essays on the Development of Balkan Life and Politics since the Eighteenth Century.* Berkeley; Los Angeles. 1963. P. 347.

²⁶ *Панов А. И.* Офицерский корпус и политические процессы в обществе: мировой опыт и российская действительность. М., 2000. С. 46; см. также *Ануфриев Е. А.* Политический менталитет как фактор общественной жизни // Политология. М., 1999.

²⁷ *Аврамов Р.* Указ. соч. С. 81.

²⁸ *Федотова В. Г.* Указ. соч. С. 244.

²⁹ *Жилин А.* Бунтовщики — не одиночки // *Шлыков В.* Гражданский контроль над вооруженными силами. Иностраный опыт и специфика России. М., 1999. С. 127.

³⁰ *Пантин В. И.* Указ. соч. С. 76—77.

³¹ См.: *Шугаев М.* Научное знание о тварности мира // Библия и наука. М., 2006. С. 225. (Постановка вопроса.)

³² *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 106—107.

³³ См.: *Злыднева Н. В.* Мотив Европы как знак модернизации на Балканах: живопись «Алафранга» // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007. С. 58.

³⁴ Цит. по: *Минаков А. С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов о кустарных промыслах крестьян (по материалам губерний Черноземного центра на рубеже XIX—XX вв.) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. XXX сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы. М., 2006. С. 67.

³⁵ Статистически годишник на Царство България. София, 1927. С. 370—371.

³⁶ См.: *Игнатъев Р. Н.* «Метанастасические движения», «культурные пояса» и «психические типы» Йована Цвиича в связи с балканской модернизацией // Человек на Балканах. Социокультурные измерения...

³⁷ *Гачев Г.* Космогония Балкан // В поисках «балканского» на Балканах. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1999. С. 64.

³⁸ *Федотова В. Г.* Указ. соч. С. 63.

³⁹ <http://ruralworlds.msses.ru> С. 7.

⁴⁰ *Пантин В. И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003. С. 5.

⁴¹ Там же. С. 9—10.

⁴² Там же. С. 266.

II. Между традицией и модерном

1. Модернизация по-балкански: диктует матрица

Модернизированность означает стабильность, модернизация — нестабильность.

С. Хантингтон

Для лучшего понимания особенностей процесса модернизации в Болгарии необходимо объяснить его предысторию, остановившись, правда, только на некоторых, наиболее важных для нашей темы аспектах вопроса.

Установление в середине XIV в. турецкого владычества на Балканском полуострове явилось тяжелым испытанием для местного христианского населения, подпавшего в результате под почти 500-летний гнет. На протяжении всего этого времени на местах не прекращались политический произвол и насилие, религиозная дискриминация, хотя этого не требовала официальная государственная доктрина. В огромной полиэтнической империи была разработана классификация населения по религиозному признаку¹ и в соответствии с ней устанавливалась система автономных или полуавтономных миллетов² — особых территориальных образований, где жило то или иное иноверное население, управляемое главой местной церкви. Для административного управления христианским, например, миллетом, султан заключал договор с патриархом, становившимся таким образом турецким чиновником. Патриарх осуществлял высшую духовную власть над православными миллета. Само же население, живущее сохранившимися с древности сельскими общинами (болгарская феодальная знать была уничтожена турками при завоевании), получало возможность продолжить автономное существование в рамках Турецкой империи.

Катастрофа потери болгарскими независимости не сопровождалась подобной же катастрофой в области экономической. Феодальные системы и завоевателей, и завоеванных являлись однопорядковыми. Так что «прямое заимствование турецкой администрацией некоторых местных форм и институтов или приспособление их к османской феодальной организации» не было чем-то системно противоречивым. Наоборот, пишет известный болгарский специалист в этой области Елена Грозданова, такая мера

облегчала положение завоевателей³. Одним из важнейших заимствованных институтов и явилась стародавняя болгарская сельская община, я бы сказала, — хранительница матричной (традиционной) хозяйственной и управленческой культуры. Согласно нормам обычного права, община управлялась выборным главой, регулировала и судила споры, затрагивавшие вопросы семьи и брака, наследства, общих дел и хозяйствования, и некоторые другие. Для османской же власти она была особенно важна как инструмент сбора налогов: на нее налагалась общая, коллективная ответственность по их распределению и уплате. Налоги приходилось платить государству — собственнику земли, и местным феодалам. В пользу государства устанавливался также специальный налог на немусульман — «джизье».

В общине господствовали патриархальные отношения добрососедства и взаимопомощи. Специалисты (и, среди них, академик Христо Христов) отмечают, что, хотя сельская община вписалась в османскую административную систему (а, по большому счету, по-видимому, и в саму ткань османского общества), именно благодаря этому институту и почти полностью его автономному существованию, болгарской народности удалось сохранить себя, свои обычаи и традиции народной жизни.

Тем не менее проживание христиан совместно с мусульманами, нередко в одном селе, не могло не накладывать на болгар, на образ их жизни свою печать. В таком случае сельская община подразделялась на две религиозные группы, каждая во главе со своим старшиной, но все остальное они делали сообща. В разнородных в религиозно-этническом отношении селах⁴ население совместно владело землями своего поселения, пастбищами, лесосеками, водопоями, было связано между собой заботой об общем хозяйстве. «Следовательно, — заключает Е. Грозданова, — жителям нужно было, независимо от их различия по языку, вере и обычаям, вместе обсуждать и принимать решения по некоторым вопросам организации труда и охране поселения от посягательств, а также из-за их коллективной ответственности за происшествия на их территории»⁵. Соприкосновению и взаимодействию между ними способствовало и то, что многие налоги и повинности были для них, по существу, одни и те же, хотя и назывались по-разному.

Такое смешение людского феодально зависимого контингента, занятого практически одним и тем же — земледельческим трудом, и не могло предполагать какого-то целесообразного их размежевания на сословия, классы, группы. Единственное очевидное различие — вера, религия. «В своей обычной трудовой повседневности они были, прежде всего,

крестьянами, — подчеркивает Е. Грозданова, — причем феодально зависимыми крестьянами. И только после этого — мусульманами или христианами, турками или болгарами»⁶.

Столь тесные контакты в процессе труда и в повседневном существовании на протяжении жизни не менее 100 сменившихся за годы турецкого ига поколений отразились на некоторых сторонах болгарского быта, например на внутреннем убранстве дома (низкие турецкие диваны), организации семейного обеда (сидя на подушках на полу в полуподвальном помещении), на национальной кухне и т. п. Со временем набирал силу и процесс исламизации части болгарского населения. Нередко добровольный или в силу сложившихся обстоятельств, он иногда принимал характер насильственного, а в XVI и XVII вв. еще и сопровождался несколькими массовыми кампаниями⁷. В одних случаях принятие ислама не затрагивало родной болгарский язык и быт населения, в других — было шагом к отуречиванию (туркизации), т. е. к полной ассимиляции и вхождению болгар по рождению в турецкий этнос. Османские власти, естественно, поощряли такой переход социальными и служебными благодарностями.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. застала в болгарских землях свыше 500 тыс. исламизированных болгар, то есть принявших ислам, но сохранивших родной язык⁸. Число отуреченных болгар или находившихся в процессе ассимиляции «было значительно больше», утверждает в той же энциклопедической статье. Эти данные дают приблизительное представление о давлении исламо-турецкого фактора на этническое сознание болгар, если учесть, что все население болгарских земель того времени исчислялось примерно тремя миллионами.

«Из-за столетий рабства, беспросветности, из-за отсутствия реальных перспектив нормального развития, — пишет болгарский ученый Николай Генчев, — болгарин выработал в себе менталитет, ставший типичным для него как *Homo sapiens*. Он не интересуется общим, общественным, в лучшем случае участвует в жизни общества поверхностно, ради приличия. Болгарин блюдет свой личный интерес, любит получить даром: устроиться в жизни, иметь хороший дом, хорошую жену, здоровых детей, наживать и копить на “черные дни”, не противоречить тому, кто сегодня сильный — по поговорке “склоненную голову меч не сечет”, быть лояльным, а при возможности — и близким к власти, потому что, как при турках, так и при коммунистах, власть предоставляет службу, деньги, безопасность, “владеет и хлебом и ножом”, она может сделать тебя знатным, она может и опозорить»⁹.

В XVIII и особенно в XIX в. развитие товарно-денежных отношений на просторах огромной империи и зарождение стремления у части правящих кругов султаната к европеизации Турции привели к появлению некоторых реформаторских планов¹⁰. В 1825 г. султан Махмуд II провозгласил принцип обязательного начального образования для всех своих подданных, не нашедший, правда, возможности для реализации. В 1869 г. был принят закон о народном образовании и трех степенях его организации, в основу которого легло французское законодательство о просвещении¹¹. Школы должны были быть раздельными для мусульман и христиан (на двух первоначальных ступенях обучения).

Гюльханский хатт-и шериф 1839 г. и хатт-и хумайюн 1856 г. стали основными актами реформ Танзимата, которые предпринимались с целью предотвратить распад империи. Ими провозглашались равенство в гражданских и политических правах немусульман с мусульманами, безопасности жизни и чести, охрана личности и имущества, гласность суда, ограничение действия шариатских норм на немусульман¹², распределение и взимание налогов в зависимости от имущественного положения и т. п. Распространение западных принципов буржуазного права вносило в жизнь османского общества свежую струю. Однако они не только не носили системного характера, оставляя феодальным нормам по-прежнему большой простор, но, встретив сильнейшее сопротивление традиционалистов, трудно доходили до конкретной реализации.

Тем не менее важно отметить, что в болгарских землях документы о нововведениях центральной власти были известны. Акт 1856 г., переведенный на болгарский язык, был опубликован в Константинополе как служебное правительственное издание¹³. А для разъяснения мусульманам принятых постановлений в Румелию и Анатолию посылались специальные люди¹⁴.

В 1864 г. благодаря административной реформе возникла новая система управления имперской территорией: появились вилайеты (области), делившиеся в свою очередь на санджаки (округа), а те — на казы (околии). В результате реформы в административном управлении выросло количество болгарских чиновников. Часть из них достигла высокого положения, среди них — Драган Цанков, который будет неоднократно упомянут в дальнейшем изложении.

Болгарские земли были одной из богатейших провинций империи. Отсюда поставлялись продовольственные товары в Константинополь и другие имперские центры, а также в Италию, Францию, Великобританию, Австро-Венгрию. С развитием товарно-денежных отношений мусульман-

ские феодалы стремились расширить свои земельные владения за счет крестьянских. Но и среди крестьян были богатые хозяева¹⁵. В результате земельной реформы и уравнивания всего населения в гражданских правах объективно укрепилось право крестьян распоряжаться своим участком (купля-продажа), хотя верховным собственником земли по-прежнему оставалось государство. Возможность большей свободы в обращении со своей условной земельной собственностью, вплоть до ее продажи, способствовала имущественному расслоению крестьянства. Появились владельцы участков в 200—400 дюнюмов. О богатстве населения, например, в селах вокруг Козлодую (Оряховская каза) говорят такие данные: в 1871 г. они передали государству в качестве натурального налога 1340 т (в современном исчислении) зерна. Другие села этой казы находились примерно в таком же состоянии¹⁶.

В 1864—1868 гг. управление Дунайским вилайетом находилось в руках реформатора Мидхата-паши. С его именем связано появление в болгарских землях крестьянских («земледельческих») касс взаимопомощи, проекты благоустройства. Но также и *смешанных турецко-болгарских школ*. Собственно говоря, еще в 1860 г. вышел правительственный указ о допуске христиан в мусульманские школы, но тогда провести его в жизнь не удалось. Ученые связывают такое направление политики турецких властей с их стремлением реализовать зародившуюся в первой половине XIX в. доктрину османизма — доктрину единства всех подданных османского государства без религиозных и этнических различий¹⁷. В 1869 г. Мидхат-паша уже в качестве председателя Государственного совета добился принятия Закона о народном образовании, согласно которому все школы стали делиться на две категории: государственные и частные. Для открытия частных школ, в основном немусульманских, требовалось получение своего рода лицензии¹⁸.

Но еще раньше — со второй четверти XIX в. — в болгарских землях возникло и получило размах движение за «новоболгарское просвещение». Стали создаваться начальные школы, а вслед за ними и школы более высокого уровня образования — так называемые классные. Сельские и городские общины, сохранившие себя в соответствии с реформами Танзимата в качестве самоуправляющихся административных единиц, держали руководство школами в своих руках. Разложение феодальных отношений в недрах Османской империи, ослабление их пут в административном отношении создавало благоприятные возможности для возрождения духа болгарского народа.

* * *

Процесс внутреннего, сознательного высвобождения личности из-под давящего османского гнета, начавшийся еще в недрах Оттоманской империи, чему способствовали некоторые реформы турецких властей, а также сравнительно интенсивное для Востока развитие рыночных отношений, усилился после Берлинского конгресса 1878 г. Согласно его решениям, полную независимость от Турции получили Сербия, с 1830-х годов имевшая статус автономного Княжества, а также Румыния, освободившаяся наконец от тяготивших ее вассальных отношений с Османской империей, и Черногория. Еще раньше — в 1830 г. была провозглашена независимость Греческого государства.

Огромное значение постановления Берлинского конгресса, подведшего международные итоги Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., имели и для Болгарии. Хотя сравнительно с названными балканскими странами они получились гораздо более скромными: независимости Болгарии не было предоставлено, а предназначенные ей территории оказались разделенными на две неравноправные части — Княжество Болгария и Восточную Румелию. «Разделителем» между ними служили (в примитивном описании) протянувшиеся с запада на восток горы Стара-Планины.

Княжество Болгария приобретало статус автономного государства, находящегося под верховной властью турецкого султана, но со своим правителем. Решая судьбу болгарского народа, европейские арбитры сохранили для него действие неравноправных договоров, которые Порта в свое время заключила с европейскими странами. И до окончания их срока Болгария должна была оставаться их участницей, не имея права заключать в это время какие-либо новые международные соглашения. Кроме того, ей приходилось участвовать в погашении государственных долгов Турции.

Областной статус Восточной Румелии определялся как еще более низкий, хотя в хозяйственном и культурном отношении она превосходила Княжество. Ей даровалась лишь административная автономия при сохранении прямой политической и военной власти султана. Область возглавлялась генерал-губернатором — христианином, назначение которого оставалось в руках Порты, но по согласованию с великими державами.

В проекции была еще и третья часть — Македония и Одринская Фракия, населенные, как считали болгары, их соплеменниками. По решениям Берлинского конгресса, эти земли целиком оставались в распоряжении турецких властей.

В социальном плане Освобождение Болгарии от османского ига сыграло революционную роль. Бегство турок, особенно из северо-восточной части Болгарии, где турецкие поселения преобладали, послужило сигналом к аграрному перевороту, переходу земли в руки болгар. В некоторых местах турки выселялись целыми селами¹⁹. Земля высвобождалась еще и за счет мусульман, погибших за годы войны или умерших от болезней. Считается, что всего до 1880 г. турецкое население сократилось примерно на 100 тысяч²⁰. События сопровождались интенсивным передвижением в Княжество Болгария населения из южных районов, из Одринской Фракии. Одновременно спускалась с гор часть болгарских семей, в свое время загнанных туда турками, и теперь хотевших поселиться на плодородных равнинах. Происходило, как отмечал еще К. Иречек, «неудержимое распространение» болгар по всей стране. Часть земли крестьяне самочинно захватывали вслед за бросавшими ее турками и тут же спешили ее запахать. Люди побогаче приобретали землю за деньги, стараясь скупить, как можно, больше.

С ликвидацией турецкой полуфеодальной системы Болгария за сравнительно короткий срок превратилась в страну мелких собственников, составлявших до 80% населения. Болгарские селяне в сопоставлении с российским крестьянством в 1861 г. смогли получить не только землю, но и, не менее важное, — физическую свободу от крупных турецких землевладельцев, к которым, они, как правило, не испытывали личной привязанности, в отличие опять-таки от довольно распространенного российского феномена. А посему в Княжестве Болгария и в Восточной Румелии часть крестьян сумела полнее и в большей мере, чем русские, ощутить сладость воздуха свободы.

В результате аграрного переворота, сопровождавшегося бегством турок, греков и некоторых иных, болгарское крестьянство получило дополнительное количество земли. Но самое главное — частная собственность на землю была признана *de jure* и *de facto*, т. е. появились, в отличие от турецкого времени гарантии того, что теперь никто силой не может захватить землю крестьянина. «Впервые крестьянин превращался в неограниченного собственника со всеми вытекающими из этого обстоятельства социальными и психологическими последствиями», — подчеркивает важность момента Николай Генчев²¹. Другой болгарский исследователь — Евгения Иванова, сравнивая положение сельчан в Болгарии и Сербии с положением несвободных категорий людей в России и в США, где примерно в то же время произошла отмена крепостного права, в первом слу-

чае, и рабства — во втором, пишет: угнетаемые группы населения в этих великих государствах могли только мечтать о статусе своих балканских собратьев²².

Сколько же «весил» экономически статус «неограниченного собственника» в слабо развитых балканских странах? Отмечая одну из главных особенностей сербского социума — его аграрный характер, отечественный ученый А. Л. Шемякин пишет: на протяжении всего периода независимости страны доля крестьянства в структуре населения не опускалась ниже 87%; это означало, что по данному показателю Сербия «опережала» своих соседей — Румынию, Болгарию, Грецию. При этом ее компактно-континентальное положение создавало практически «стерильную» социальную модель, без вкрапления иных общественно-хозяйственных типов, например, морского, особенно характерного для Греции²³. Указывая, что сельское население — свободные собственники своих участков, благодаря радикальному разрешению аграрного вопроса в 1835 г., — было наделено землей довольно равномерно, А. Л. Шемякин считает необходимым подчеркнуть другую особенность сербского социума, а именно: оно не обладало полной социальной структурой. «Сербское общество, — утверждает исследователь, — было исторически лишено аристократической и буржуазной надстроек. В нем имелось как бы два полюса — с одной стороны, крайне малочисленная (вышедшая из «низов») элита, с другой — однородная крестьянская масса»²⁴.

Что касается болгарских крестьян, то их не заставила себя ждать горечь разочарований. Хотя значительная часть покинутых турками земель (по большому счету исконно болгарских) была присвоена «революционным путем» в ходе Русско-Турецкой войны или вскоре после нее, немедленно встала проблема *выкупа* бывшей османской собственности: турки опирались в своих требованиях, прежде всего, на благоволение к ним со стороны Австро-Венгрии и Великобритании (при довольно неопределенной позиции России в данном вопросе). Благодаря их поддержке, болгарам не удалось добиться на официальном уровне запрещения возвращаться в новое Болгарское государство — Княжество Болгария — туркам, даже тем, кто имел отношение к бесчинствам и издевательствам над местным населением в период до Освобождения²⁵.

Откуда болгарские крестьяне брали деньги на выкуп земли? Конечно, в революционной неразберихе тех лет что-то из захваченного удалось утаить и таким образом получить участок безвозмездно, что-то легализовать через специально созданные комиссии. Осталось не известным, кроме того, должны ли были расплатиться селяне западных и северо-западных

районов Княжества за выкупные суммы, внесенные за них «либеральным» правительством Драгана Цанкова. Но за исключением этих «ослабленных» во всех остальных случаях крестьянам предстояли денежные выплаты, для чего приходилось брать деньги в долг у ростовщиков, корчмарей и других частных кредиторов под весьма высокий процент — от 24 до 100%²⁶. Распространение получила и наиболее уродливая форма кредита — под будущий урожай («зеленичарство»).

Общая сумма выплаченного бывшим собственникам в разных источниках варьируется и, скорее всего, из-за отсутствия учета в революционное время точно определена быть не может. В экономической литературе указывается, что при условии быстрого роста цен на землю в 1880—1890-х годах, выкуп ее в целом стоил болгарам около 100 млн левов золотом²⁷. Правда, как велика эта сумма, представить сегодня довольно трудно.

Но как бы то ни было, выкупные выплаты стали своего рода *контрибуцией*, оказавшейся наложенной на Болгарию (так или иначе, но одержавшую *победу* в борьбе за независимость) в пользу побежденного — Османской империи: влиятельным международным силам мало показалось жертв, принесенных Россией. Подобных расходов не знали, например, сербские сельчане: в 1830-е годы сербскому государству, тогда автономному в составе той же Османской империи, было позволено фактически взять на себя феодальные повинности крестьян, присовокупив их к сумме, ежегодно выплачивавшейся Сербским княжеством султану как суверену²⁸.

Освобожденная в конце 1870-х годов Болгария, представлявшая собой, грубо говоря, большое сельское поселение с редкими городками, как никто нуждалась в финансовой поддержке, хотя бы для того, чтобы попытаться встать на ноги в условиях, когда строительство модернизированных европейских стран находилось в самом разгаре. И даже своих балканских соседей Болгарии приходилось догонять.

Спустя несколько лет — в 1895 г. — один из лидеров Либеральной партии Петко Каравелов, осуждая то отрицательное, что несет с собою капитализм, скажет: «Мы идем с необыкновенной быстротой тем же путем, которым незадолго до нас шли Греция и Сербия»²⁹.

Не готовое в достаточной степени к участию в игре рыночной экономики новорожденное болгарское государство из-за вынужденной «контрибуции» лишилось и тех минимальных средств, что могли бы поспособствовать возможному более интенсивному развитию страны. Обстоятельство, ставшее одним из факторов, формировавших хозяйственные тенденции в последующие годы.

* * *

Провозглашенная Тырновской конституцией 1879 г. буржуазная демократия пришлась по вкусу политически неискушенной руководящей болгарской элите, представители которой с увлечением кинулись в новые волны: спустя два десятка лет об атмосфере того времени они говорили как о пропитанной «наивным политическим идеализмом». Он-то дескать и «бросил граждан в ожесточенную борьбу с живыми представителями старого — с чорбаджиями и консерваторами...»³⁰

Политический идеализм был свойственен и элитам других балканских стран. Здесь по мере освобождения в XIX в. из-под власти османов новые государственно-политические системы благодаря свойствам родной матрицы стали выстраиваться, как правило, по самым передовым в то время в Западной Европе моделям. Заимствование слепо переносилось на мало подготовленную почву. Преобладавший в балканском политическом мире природный идеализм позволял местной руководящей элите надеяться, что именно современные европейские политические *институты* и *доктрины* способны как создать нужный климат в стране для социальных и экономических изменений, так и *непосредственно вызвать их*. Амбицией же было получить доступ в семью европейских государств³¹.

Вряд ли продуктивно совершенно отрицать значение принятия демократических конституций и норм государственной жизни для политического воспитания какого-либо балканского народа, вступившего в середине или в конце XIX в. на новый путь. Даже притом, что их схожесть с политическими институтами Запада не могла не быть во многих отношениях лишь внешней: это относится и к органам власти (законодательной и исполнительной), и к партиям.

Сравнительно с западными образцами все они при своем функционировании оставались в определенной степени неполноценными не только в годы своего становления, но и на протяжении не одного последующего десятилетия. Как замечают философы, любая пересадка форм приводит к изменению содержания, хотя и в каждом случае по-своему. Но главное заключалось во внутреннем несоответствии привнесенных норм цивилизационному уровню новообразованных государств, степени развития в них гражданского общества. Двадцать лет спустя после принятия Тырновской конституции болгарский экономист Крыстю Крыстев отмечал: «У нас действительно институты самых передовых государств XIX века, но наши собственные идеи государства относятся к XV и XVI векам»³².

Примерно такую же констатацию можно обнаружить в статье болгарского социалиста П. Джидрова, появившейся в 1928 г. Он писал: «С зари нашего Освобождения и поныне болгарский народ пытается приспособиться к созданным политическим формам и институтам и, хотя нельзя отрицать достигнутый громадный прогресс, мы должны констатировать, что и до сих пор еще не существует необходимого соответствия между государственной организацией и общественной структурой»³³.

Вместе с тем некоторые поспешно перенятые демократические политические нормы (иногда даже более широкие, чем в самих странах Запада) таили в себе непосредственную опасность для стратегии модернизации, о которой современные балканские авторы нередко пишут, как о сознательно избранной политиками XIX в. Опасность крылась, на мой взгляд, в первую очередь в предоставлении всеобщего избирательного права мужчинам, достигшим совершеннолетия.

Советская историография традиционно оценивала подобное избирательное право в высшей степени положительно. Впрочем, и до сих пор некоторые болгарские авторы испытывают гордость оттого, что введением в 1879 г. всеобщего избирательного права при равном, прямом и тайном голосовании Болгария обогнала Великобританию, Голландию, Люксембург, Данию и Швецию, где, дескать, всеобщее избирательное право для всех совершеннолетних мужчин было введено только накануне или после Первой мировой войны³⁴.

В западных же странах, как известно, подход к этой норме политической жизни определялся очень серьезным и осмотрительным отношением к ней, ведь выборы являются одной из главных процедур для организации власти. Именно поэтому там вводилось множество цензов — возрастные, образовательные, имущественные, связанные с местожительством и т. п. Медленное и постепенное движение к перспективе всеобщего избирательного права, растянулось на Западе на столетия, пока не сформировалось гражданское общество, более или менее сбалансированное. И это не было случайным. Ибо что на практике означало наделение таким правом поистине бескрайнего, как в нашем балканском случае, массива крестьянства — необразованного, социально недифференцированного, незаинтересованного в буржуазной модернизации, боящегося ее и защищающегося от нее? Ведь именно крестьяне — мелкие свободные собственники составили, согласно балканским конституциям, основную часть электората. И их представители в созданных демократическим путем парламентах не спешили принимать непопулярные решения.

Например, об изъятии доходов от сельскохозяйственных излишков и вложении их в промышленность, что отвечало бы (согласно теории) стратегическим задачам модернизации. Вследствие чего, как утверждают авторы одного современного исследования балканской политической модели, успешный ход модернизации оказался невозможным для Болгарии, Греции и Сербии³⁵. Впрочем, это была не единственная причина.

Кстати, в Болгарии в 1879 г. имела место дискуссия в Учредительном собрании, которое было создано для конституирования нового государства — Княжества Болгария. В ходе ее позиции так называемых консерваторов и либералов существенно разошлись. Консерваторы — представители крупной торговли и предприятий, обучавшиеся, главным образом, в западных университетах, — призывали к постепенности реформ, выступали за двухпалатный парламент, за введение избирательного, имущественного и образовательного цензов, за меньшее количество депутатских мест, словом, за действия согласно поговорке: лучше меньше, да лучше. Они исходили из понимания, что человек, не умеющий написать своего имени и прочитать Конституцию, не должен вмешиваться в управление государством. Либералы же, представлявшие мелких сельских и городских собственников, были против всякого ограничения свободы народа³⁶. В конечном счете, в атмосфере эйфории, восторга, идеализма, воцарившейся в стране после освобождения от власти турок, победили эгалитарные настроения большинства депутатов.

Характерно непосредственное впечатление от событий того времени английского журналиста Дж. Фарли, писавшего о быстрой кристаллизации политического антагонизма между «умеренными» и «экстремистами» в Болгарии, сопровождавшегося огромным ростом авторитета «либералов». Объяснение он находил в «политической неподготовленности и незрелости народа», иллюстрируя свое наблюдение картиной заседаний болгарского парламента первого созыва, на скамьях которого сидели крестьяне, с открытыми ртами слушавшие взрывные речи «левицы»³⁷. Не менее красноречив в своих путевых записках известный историк-славист К. Иречек: «Трудно представить более жалкую карикатуру на современный европейский парламентаризм, — писал он. — В [Народном] Собрании в Софии было гораздо меньше интеллигентов. И среди множества полуинтеллигентной публики насчитывалось всего человек 12, которые могли бы высказать мнение по какому-либо законопроекту, требующему знания и здравомыслия. Остальные были крестьянами, говорившими на заседаниях бессмыслицу (как воевода Цеко) или просто спавшими»³⁸.

Любопытна социологическая концепция *легитимизации власти* в новых балканских государствах, возникших в XIX в., которую предложила болгарский автор Диана Мишкова. Проведя большую и кропотливую изыскательскую работу на примере Сербии и Румынии, а также частично Болгарии и Греции, она показала, что при всей внешней схожести этих стран — безусловно аграрный характер и преобладание крестьянства в социальной структуре — подход к выработке принципов управления и организации власти был в них, по крайней мере, двояким. В первом случае — в Сербии, Греции, а затем и в Болгарии, пишет Д. Мишкова, мелкий собственник ожидал от власти, прежде всего, низких налогов, а также защиты от рыночной стихии; и правящие — в целях легитимизации своей власти — *вынуждены* были соотноситься с традиционными взглядами. «Таковы социальные измерения перехода от традиционной к современной легитимности», — делает она вывод.

Смысл этого утверждения — новой элите, не имевшей за собой исторического веса в виде родовой аристократии, пришлось «разделить власть» с крестьянской массой, и, более того, «политически нейтрализовать крестьянство», благодаря чему было предотвращено создание «восходящей земельной аристократии», которая, как можно предположить, с высоты завоеванных ею сильных экономических позиций, могла бы предъявить претензии на собственную власть. Столь важный результат был достигнут, во-первых, путем сохранения за крестьянами их права собственности на землю (а в Сербии и оружия); во-вторых, отзывчивости на социальные ожидания селян (низкие налоги, гарантированный минимум земли, даже в случае угрозы потерять ее из-за невозможности выплатить долг); и, в-третьих, предоставлением полных политических прав (право выбора тех, кто будет управлять крестьянской страной)³⁹.

В Румынии, имевшей, в отличие от других постосманских балканских государств, более выраженный социальный профиль, в частности, там было крупное боярское землевладение, дело обстояло по-другому. Местные либералы, опираясь, как пишет Д. Мишкова, на французскую управленческую философию, стали делать ставку не на народную демократию как идеал отсталой «сельской» нации, а на представительное управление высокообразованных и социально обеспеченных групп. Результатом явилось введение «ограничительной политической системы». Она существовала до первых лет XX в.: лишь крестьянское восстание 1907 г. — самое крупное в Европе в том столетии — заставило правящую элиту провести

две реформы — аграрную и избирательную, но и это произошло не сразу. Румыния последней из балканских стран решилась на радикальные экономические уступки массам сельских производителей, а также откликнулась на необходимость дать им полные политические права⁴⁰.

Рассуждения Д. Мишковой привлекательны и ценны тем, что открывают первопричины разного уровня жизни и стандартов поведения в указанных балканских странах. Их, пожалуй, лучше всего характеризует удивление «румьнского наблюдателя», обнаружившего в 1913 г. большой контраст между хорошим материальным положением болгарских крестьян и бедностью Княжества Болгария⁴¹. В Румынии все было наоборот. На контрастную ситуацию обратила внимание и русская военная разведка. В одном из докладов императору Николаю II от 19 февраля 1901 г. сообщалось: «Экономическое положение населения в Болгарии относительно прекрасное. В стране безземельного пролетариата не имеется; каждый болгарин имеет землю, сад, виноградник, несколько штук крупного и мелкого рогатого скота и положение его совсем не таково, как, например, в Румынии, где земля главным образом принадлежит крупным собственникам и где большинство населения рабы»⁴².

И все же трудно избавиться от впечатления об определенной схематизации Д. Мишковой явлений балканской постосманской социальной и политической жизни. Думается, что, например, «народная демократия» являлась совершенно естественным и, вероятно, единственно возможным в Сербии вариантом устройства власти, где местная элита по ментальности мало чем отличалась от простого народа⁴³. То же, полагаю, можно сказать о Болгарии. И как-то трудно себе представить, что носители власти в этих странах предварительно занимались «социальной инженерией». К тому же указанные Д. Мишковой «три крестьянских легитимационных условия» были «предъявлены» в той же Болгарии значительно позже того, как уже сложились основные контуры архитектуры государственной власти.

* * *

Накопление некоторого политического опыта стало приносить вскоре после Освобождения результаты, близкие, однако, к разочарованию. Показательна в этом отношении редакционная статья пловдивской газеты «Южна България» (Восточная Румелия) от 6 января 1883 г.:

«Все помнят, как началось устройство нашей Области, — говорилось в ней. — В то блаженное время с самонадеянностью народа-младенца, не испробовавшего свои силы, бросились мы как можно быстрее и лучше налаживать правительственную машину, создали сразу все службы, которые требовал Органический устав, поставили чиновников, определив им большие зарплаты, открыли сразу все суды, наполнив их разного рода судейскими, и что было результатом всего этого? Многочисленный чиновничий класс, который, как ожидалось, станет руководящей силой народа, ибо в него вошло все, что было интеллигентного, вместо того, чтобы укрепляться и прогрессивно развиваться, начал чахнуть и ослабевать. Население стало роптать под тяжестью значительно усложнившейся системы управления, поглощающей огромные средства и, следовательно, требующей обременительных налогов, страна быстро двигалась к финансовому провалу — а это червь, поедающий и выпивающий жизненные силы любого народа. Как поздно увидели мы пропасть, разверзшуюся перед нами, и как мало сделали для ликвидации ее!»⁴⁴ В статье давались конкретные предложения и пожелания, как исправить положение, как вести ситуацию в понятные и привычные рамки: «Мы не стесняемся сказать, что мы за самую *упрощенную* систему управления (курсив мой. — Р. Г.)».

Под упрощением системы управления понималось, прежде всего, ее *сужение*, ограничение управленческих задач двумя приоритетами, а именно заботой об «умственно-нравственном возвышении [народа? правителей? — Р. Г.]» и о военном образовании. В связи с чем в материале указывалась на потребность в людях двух категорий — в просвещенных учителях и в хороших преподавателях военного дела.

Направление мысли авторов статьи становится ясным при обозначении ими характера занятий названных специалистов: призвание учителей, говорилось в печатном органе, состоит в просвещении и воспитании народа и указании ему пути, по которому следует идти, и вести эту работу нужно во всех краях отечества — по обе стороны гор Балкана до Дуная, а также по обе стороны реки Вардар и Охридскому озеру. Военное же образование — «это вопрос о нашей армии», это жизненная необходимость для каждого болгарина⁴⁵.

Напомним, что в 1883 г. Восточная Румелия административно была отделена от Княжества Болгария, и ей только в 1885 г. предстояло воссоединиться с ним. Проблема «сбора» воедино всех болгарских земель, освобождения братьев-единоплеменников оставалась в то время острой и ощущалась руководителями Области как первостепенная, вытесняя на

периферию их сознания задачу приспособления к политической реальности, к складывающейся государственности, как это следует из расстановки акцентов в редакционной статье.

Содержание ее является проекцией главных *идей* эпохи болгарского Возрождения — эпохи, оказавшей огромное влияние на вызревание элементов национальной идентичности болгарского «племени», особенно в связи с проблемой национального освобождения из-под иноземного гнета. Духовный подъем конца XVIII — середины XIX в. в болгарских землях был устремлен, главным образом, в сферу образования и просвещения, интереса к собственной истории и нес на себе налет *самоинициативы* болгарского населения, подвижнического труда учителей и духовенства. Привычные правила общинной жизни, ее самоорганизации и самоуправления подверглись в эти десятилетия некоторому обогащению. Укреплялся национальный дух населения, возникали организационные очаги его воспитания и пропаганды, что способствовало формированию основ самоидентификации народа, его стремления осознать себя самого в уже наступавших условиях Нового времени.

Одной из особенностей эпохи стало формирование некоторых новых («возрожденческих») традиций, которые заняли свое место наряду с прежними, архаичными. Возрожденческие традиции оказались не менее живучими и сосуществовали одновременно с прежними, матричными. Подобный феномен связан, по всей видимости, с тем, что «возрожденческие» идеи, даже неся в себе нечто новое, принципиально-сущностно не выходили за рамки стародавних установлений, не отрицали их. И потому обновление господствовавшей архаичной традиции не стало ее переломом: новации по-прежнему покоились на все той же матричной основе. И в реальности происходило воспроизводство все тех же основных черт, лишь несколько измененных в некоторой части.

К возрожденческим новациям относят, в частности, так называемую народную школу и многое из того, что связано с вопросами вооружения народа. После Освобождения 1878 г. оба этих тезиса мы находим не только в вышеприведенной статье в газете «Южна България», но и в идеологии большинства болгарских партий, возникших в конце XIX в. В ряде случаев именно этим двум тезисам отводились первые места в партийных программах.

Уже пройдя в Княжестве Болгария достаточно сложный, почти 20-летний политический путь, один из известных партийных лидеров Петко Каравелов почти с умилением писал в 1895 г.: «Если есть, чем мы можем

действительно гордиться, — так это появлением народных школ в турецкое время*. Они возникли самобытно и имели огромное значение не только для учащихся, но и для воспитания всего народа. Они с гордостью могут сказать, мы создали Болгарию! Школа была соединительной точкой, вокруг которой группировались граждане; управление школами было первой школой самоуправления и в других делах. В нашей народной школе издавна был освящен принцип, который не так легко провести повсюду, — бесплатное первоначальное образование бедных»⁴⁶. Сеть народных школ содержалась за счет общин и находилась под управлением и контролем попечительских советов.

Когда же перед страной встали проблемы модернизации, горделивое отношение болгарских политиков к «народной школе» превратилось в первостепенное внимание к народному просвещению: школа (образование) стала пониматься как едва ли не главный рычаг в деле преобразования страны и ее грядущего процветания. Что и отразили программные документы буквально всех новоявленных после Освобождения партий, и о чем позже П. Каравелов уже с явным скептицизмом замечал: «У нас почти все надеются на школы, *ожидают от них подъема экономического благосостояния народа*» (курсив мой. — Р. Г.)⁴⁷.

В связи с подходом к народному просвещению как «основе развития народа», а к школе как обязанной не только подготовить достойных служащих для общественной и государственной жизни, но и «дать нам умных и знающих работников в сфере частной деятельности», ибо «от

* Показательно мнение болгарского автора Х. Мишкова по этому поводу. Говоря о модернизации на Балканах в XIX в., он указывает, что она «продвигалась» различными путями: благодаря влиянию *европейскому* (опосредованно), *российскому* (важному для православных народов) и, «как ни парадоксально», — со стороны *Османской империи*. Хотя Империя — отсталая и загнивающая, пишет Х. Мишков, считалась тормозом развития, Танзимат в сущности стал фактором, иногда непосредственно поощрявшим модернизацию, или делавшим ее возможной. Так, Органическим законом о народном образовании 1869 г. Высокая Порта учреждала в каждом населенном пункте школы, отдельно для мусульман и христиан. Их посещение объявлялось обязательным для мальчиков и девочек 6—10 лет. «Выходит, — заключает Х. Мишков, — что болгарская система просвещения, которой наша нация с основанием гордится, продуцирована политикой Османского государства». Конечно, говорит он далее, административный аппарат Империи был неэффективным, «и болгары создали свою образовательную систему своими силами и средствами, но правда заключается в том, что национальная культура Возрождения не появилась бы, если бы Империя целенаправленно действовала против нее». (Черно море между Истока и Запада. София, 2003. С. 214).

этого будет во многом зависеть и экономическое положение народа»⁴⁸, партийные идеологи единодушно, хотя и в разных вариациях, высказывались за обязательность бесплатного начального (4-летнего) образования для всех детей без различия пола, веры и народности, которое при поддержке общин было бы доступно и для бедных детей.

При этом «модернизаторам» хотелось сохранить «народную школу», не модернизируя ее. У ряда политиков вызвали возмущение попытки поставить школьное образование под государственный контроль, сделать его единообразным, а не только обязательным. Высказывались мнения, что «просвещение народа шло бы лучше, если бы у нас не было Министерства просвещения, которое начало свою деятельность с открытия максимально возможного числа средних учебных заведений, не думая о том, найдется ли для них достаточно подготовленных учителей, а также вводя единообразие в предметы, в само преподавание и даже в учебники, что является ни чем иным, как бюрократией. Министерские чиновники не хотели использовать наши школьные настоятельства, столь проявившие себя в турецкое время, и стремились, как можно скорее, взять народные школы под свое прямое управление»⁴⁹.

Ностальгия по романтической возрожденческой поре, когда важные вопросы управления решались в значительной мере на местном уровне, эмоционально подпитывала в народе сознание первостепенной важности общинных корней. Это чувство было свойственно в том числе и действующим политикам, многократно обращавшимся в своей практике к вопросам местного самоуправления и идее его расширения.

Такая идея присутствовала в программах почти всех болгарских политических партий периода их становления. Радикальная партия, например, требовала в 1894 г. децентрализации администрации и расширения местного самоуправления, введения референдума в крупных общинах; подобная мысль повторялась в проекте программы «молодых демократов» в 1902 г. В 1908 г. с развернутым обоснованием такой постановки вопроса выступила Младо-либеральная партия. В ее программе говорилось: «Так как у нас нет господ и рабов, и все мы равны, и каждый, кто трудится и бережлив, может стать зажиточным, чтобы наш народ преуспевал и сделал себя богатым, а государство было мирным и сильным, для всего этого *должна быть полная свобода, которая обеспечена только тогда, когда общины и околийские советы находятся в руках народа, и у правительства нет права вмешиваться в их работу, кроме простого контроля* (курсив мой. — Р. Г.), а таким правом обладает любой член общины и любой гражданин околии». Младо-либералы в статье 2-й своей программы настаива-

ли на а) полном самоуправлении общин, б) создании околийских советов, в обязанности которых должна входить забота о развитии в околии здравоохранения, путей сообщения, экономики, земледелия, школьного дела⁵⁰.

Проблема не теряла остроты и в последующие годы: Дополнительным материалом для недовольства служил быстрый рост численности чиновничества, старавшегося заполнить собой «все уголки» всех структур управления. О необходимости упрощения государственного механизма, введения экзаменационного ценза для чиновников, «одной своей множественностью наносящих рану стране», и о переводе управления общин на «широкую внутреннюю автономию» указывалось в программе Народно-либеральной партии, принятой в июле 1911 г.⁵¹

Явное неприятие вызывало, кроме того, появление новых структур в судебной системе из-за их несоответствия прежним, «обычным» нормам. В частности, введение института судебных заседателей — «этого недоношенного ребенка» — связывалось с опасением, что такой суд не будет защищать слабых от посягательств сильных. Особенно остро воспринимались многочисленные нововведения в министерстве правосудия, в котором, «как ни в одном другом, было проведено множество чужих (иностраных) законов, навязанных болгарскому народу и не соответствующих его быту, интересам и желаниям»⁵².

В ходе политических дискуссий критике подвергалась сама «техника» обзаведения новыми законами, когда «педантичные профессора, недолго думая, берут какой-нибудь бельгийский закон, переводят его, как попало на болгарский язык — и вот тебе новый болгарский закон». К таким, например, относили закон о наследстве, по которому правом наследовать землю стали наделяться и дети женского пола. Это не только не соответствовало обычаю, но и создавало угрозу для дополнительного дробления родительских участков, в то время как требованием дня было преодоление или хотя бы сокращение уже существовавшей парцелляции земли.

Настойчивое обращение к проблемам государственно-политического и общественного устройства страны, предложения по его реорганизации в сторону дальнейшей демократизации и учета устоявшихся традиций стало отличительной практикой буквально всех идеологов болгарских партий, даже когда лицо некоторых из них приобретало все более «буржуазное» выражение⁵³. Стремлением было — коль уж должен народ жить в рамках осовремененного государства, пусть оно будет как можно ближе к прежним, привычным и понятным правилам и обычаям. А потому в разных комбинациях высказывались идеи защиты Тырновской конституции, отстаивания принципа народовластия, расширения политической

демократии вплоть до предоставления избирательного права «неимеющим его», увеличения числа депутатов Народного собрания, введения пропорциональной избирательной системы, а также прямого участия народа в управлении через референдум (для контраста вспомним о румынской «ограничительной системе»). О постоянном внимании к расширению и углублению школьного образования, мы уже говорили. Приведем только еще одну цитату из программы Народно-либеральной партии, авторство которой приписывается Симеону Радеву, известному общественному деятелю и влиятельному публицисту. В разделе Просвещение в программе говорилось: «1. Болгарский народ, возродившийся благодаря просвещению и могущий выполнить свою миссию на Балканском полуострове, главным образом, посредством своей культуры, должен принести величайшие жертвы для развития и успеха учебного дела»⁵⁴. Эта идея оказалась очень важной для формирования одной из черт ментальности болгарина Нового времени. О ее развитии скажем несколько позже.

Примечания

¹ *Весела З.* К вопросу о положении христианской церкви в Османском государстве // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 124.

² *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм — панисламизм). XIX — начало XX в. М., 1985. С. 202.

³ *Грозданова Е.* Българската селска община през XV—XVIII в. София, 1879. С. 5.

⁴ Е. Грозданова указывает на такие варианты разнородных поселений: 1) села с однородным болгарским христианским населением, 2) села с однородным болгарским же, но магометанским населением; 3) со смешанным болгарским же и христианским, и магометанским населением; 4) со смешанным болгарским христианским и турецким (в том числе мусульманским) населением; 5) с однородным в религиозном отношении турецким (в том числе отуреченным и тюркским) населением (См.: *Грозданова Е.* Указ. соч. С. 53).

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 55.

⁷ Энциклопедия на България. София, 1986. Т. V. С. 331.

⁸ Там же. С. 337.

⁹ *Генчев Н.* Избрани произведения. Спомени. София, 2005. Т. 5. С. 292.

¹⁰ Учреждение постоянных турецких посольств в Вене, Лондоне, Париже, Берлине и знакомство молодых дипломатов с европейскими порядками подвигло эту небольшую группу патриотов «еще до Танзимата обсуждать вопросы о внутренних преобразованиях в Турции». (*Шабанов Ф. Ш.* Государственный строй и правовая система в Турции в период Танзимата. Баку, 1967. С. 29.)

¹¹ *Желтяков А. Д., Петросян Ю. А.* История просвещения в Турции. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1965. С. 32.

¹² До Танзимата договорные отношения между подданными империи регулировались исключительно на основе постановлений шариата» — на арабском языке (*Шабанов Ф. Ш.* Указ соч. С. 151).

¹³ История на България. Т. VI. Българско Възраждане. 1856—1878. София, 1987. С. 29.

¹⁴ *Шабанов Ф. Ш.* Указ. соч. С. 40.

¹⁵ История на България. Т. VI. С. 39—41.

¹⁶ Там же. С. 44—45.

¹⁷ *Фадеева И. Л.* Указ. соч. С. 203.

¹⁸ *Сафрастьян Р. А.* Доктрина османизма в политической жизни Османской империи. 50—70-е годы XIX в. Ереван, 1985. С. 55—56.

¹⁹ *Любенова Т.* Исторически и социални причини за демографското обвързване на Кюстендилския и Търговищкия край. 1878—1960 // Известия на исторически музей. Кюстендил, 2005. Т. XI. С. 62.

²⁰ История на България. София, 1991. Т. 7. С. 92—93.

²¹ *Генчев Н.* Очерци социално-психологически типове в българската история. София, 1987. С. 69.

²² *Иванова Е.* Балканите: съжителство на вековете. Изследване върху (не)състояването на балканската модерност. София, 2005. С. 155.

²³ *Шемякин А. Л.* Сербское общество на рубеже XIX—XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 32.

²⁴ Там же. С. 33.

²⁵ Стопанска история на България. 681—1981. София. 1981. С. 217, 222.

²⁶ *Петрова Д.* Българският земеделски народен съюз. 1899—1944. София. 1999. С. 5.

²⁷ Стопанска история... С. 225.

²⁸ *Стојанчевич В., Милићевич Јо., Попов Ч., Јовановић Р., Екмечич М.* Историја српског народа. Београд, 1891. Кн. 5. Т. 1; *Љушић Р.* Срби 19 века. Избрани радови. Београд, 1994. С. 81—83.

²⁹ Програми, програмни документи и уставни на буржоазните партии в България. 1879—1918 / Съст. В. Николова и Д. Саздов. София. 1992. С. 172.

³⁰ Програма Демократической партии. Декабрь 1903 г. // Програми, програмни документи... С. 225.

³¹ *Мишкова Д.* Европейски идеи и институции в политическата система на България. 1878—1914 // Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. София, 1999. С. 13.

³² Цит. по: *Аврамов Р.* Стопанският XX век на България. София, 2001. С. 34.

³³ *Джидров П.* За проблемите на българско село // Архив за стопанска и социална политика. Год. IV. София, 1928. Кн. 2. С. 111.

³⁴ *Цветков П.* Демокрацията и нейните алтернативи в България между двете световни войни // 120 години изпълнителна власт в България. София, 1999. С. 177.

³⁵ *Рудометов В., Николов С.* Корените на балканския политически модел: пагубно съчетание между национализъм и слаборазвитост // Социологически проблеми. София, 1999. № 3—4. С. 146—147.

³⁶ *Мишкова Д.* Указ. соч. С. 17.

³⁷ См.: *Генов Р.* Началото на българския национализъм през погледа на английски и американски автори // Европа и България. Сборник в памет на проф. Христо Гандев. София, 2000. С. 303—304.

³⁸ Цит. по: *Митева И.* Българският румелийски елит в Първото областно събрание // Модерният историк... С. 113.

³⁹ *Мишкова Д.* Приспособяване на свободата. Модерност — легитимност в Сърбия и Румъния през XIX в. София, 2006. С. 221.

⁴⁰ Там же. С. 225.

⁴¹ *Иванова Е.* Указ. соч. С. 169.

⁴² Цит. по: *Улуян Ар. А.* Взгляд имперской России на Балканы (начало XX в.) // Человек на Балканах. Государство и его институты. Grimасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.). СПб., 2006. С. 335.

⁴³ *Шемякин А. Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности. СПб., 2004. С. 15.

⁴⁴ Програми, програмни документи... С. 67.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Програми, програмни документи... С. 185.

⁴⁷ Там же. С. 169.

⁴⁸ Там же. С. 23.

⁴⁹ Там же. С. 183.

⁵⁰ Там же. С. 154, 206, 297.

⁵¹ Там же. С. 101.

⁵² Там же. С. 182.

⁵³ Примером может служить включение кметских судов в новую систему судопроизводства в Княжестве. В отличие от «бельгийского» закона о наследстве кметский суд, занимавшийся на селе гражданскими делами, соответствовал традиционному представлению крестьян о судебной власти. Идея состояла в том, считает болгарский автор М. Манолова, чтобы, сохраняя богатые традиции в области правораздачи, обеспечить населению близкое его правовой культуре правосудие. Законами 1882 и 1886 гг., регулировавшими права общины, местное самоуправление было введено в определенные рамки, но кметская юрисдикция сохранялась — общинный суд провозглашался первой инстанцией, не пройдя которую, нельзя было обращаться в более высокую. Закон 1886 г. действовал с разными изменениями до 1934 г., но судебная функция общины была ликвидирована уже в 1903 г. (См.: *Манолова М.* Кметската юрисдикция в българската буржоазна държава // Правна мисъл. София, 1977. № 1. С. 82—86.)

⁵⁴ Програми, програмни документи... С. 102.

2. Этатизм в действии

Вопросы о роли и месте государства в организации процесса модернизации особенно важны в тех случаях, когда предстоящие реформы были недостаточно обоснованы (обусловлены) достигнутым к их началу уровнем социального, экономического, культурного и политического развития страны, и опирались преимущественно на заимствование иностранного опыта.

Сравнительный анализ развития форм государства в странах балканского юго-востока показывает, что первоначальный период демократической эйфории был очень недолог, занимал примерно семь—десять лет, а затем неизбежно наступал кризис парламентской демократии, который завершался установлением правления с теми или иными признаками авторитаризма. Так, для Сербии конца XIX в. характерно складывание под завесой парламентских процедур новой «абсолютной власти»¹. Более замысловато описывает ситуацию примерно того же времени в Болгарии Н. Музелис. Тогда, по его мнению, в стране установился режим «олигархического парламентарного управления», в котором доминировала узкая группа людей, сохранивших либеральную, плюралистическую систему представительства, однако исключавшую с политической арены множество представителей низших классов². Подобное, или близкое к нему, сочетание элементов абсолютизма и парламентской демократии оказалось характерным и для Греции: их противоречивый симбиоз, пишет отечественный специалист Ар. А. Улуныян, готражал особенности развития института монархии в Греции, где существование представительного органа в лице парламента было камуфляжем для греческого короля Отона I, умело использовавшего “дарованную” Конституцию (1843 г. — *Р. Г.*) в целях легализации и укрепления собственной власти»³. В последующем — в частности, в разные периоды XX в. — авторитаризм, то усиливаясь, то несколько отступая, стал одной из наиболее характерных черт управления в странах Балканского полуострова.

При отсутствии или ущербном характере *предусловий* модернизации именно государство становится главенствующим в деле реформирования

большинства сфер общественной жизни. В самой стратегии ускоренного становления буржуазных отношений, считает российский военный социолог А. И. Панов, уже заложены предпосылки повышения роли централизованного государства, что обуславливается слабостью инфраструктуры гражданского общества. Происходит усиление тех органов государственного аппарата, которые являются инструментом исполнительной власти⁴. При проведении же самих реформ роль государства, как правило, возрастает.

Речь идет не только об этатизме как вмешательстве государства в хозяйственные процессы, о чем подробнее будет сказано ниже. Здесь же следует иметь в виду другой важный аспект, а именно строительство самого молодого государства, его структур, аппарата, становление политической системы, формирование политического класса, офицерского корпуса и т. п., то есть всего политического сегмента системы. Естественно, последний не может существовать и функционировать без обслуживания его со стороны чиновничества, интеллигенции. Так появляется армия бюджетников, в том числе штатных, высокооплачиваемых. И для всего этого нужны финансы, притом немалые. Сосредоточена эта армия, главным образом, в городах, но содержится преимущественно за счет сельского населения, вернее, за счет перераспределения доходов с помощью фискального механизма от села к городу. Именно такова траектория движения финансов в модернизирующихся обществах, тем более, что государству необходимо накапливать еще и некие средства для поддержания промышленности, для проведения протекционистских и поощрительных экономических мер, защитной таможенной политики и других этатистских акций. Оба главных объекта внимания этой политики — и государственно-политические структуры, и индустриальные заведения — концентрируются в городе, который тем самым приобретает в глазах крестьян образ голодного спрута. В итоге противостояние города и села как административно-социальных структур получает дополнительную подпитку, что вряд ли может быть оценено как плюс для процесса модернизации.

* * *

Защицало ли государство крестьян? В исторической литературе отмечаются любопытные подробности фискальной политики молодых балканских государств. Например, указывается, что формировавшаяся политическая элита считала необходимым уберечь крестьянство от слишком тяжелого налогового пресса, чтобы сохранить его, во-первых, как электорат, способный голосовать позитивно, а во-вторых, как важнейший

сегмент национальной интеграции, для обеспечения единства общества. В результате, констатируют некоторые иностранные авторы, с течением времени происходило постепенное перекладывание налогового бремени с сельского населения на городское. По их мнению, так было в Греции в 1871—1911 г., а также и в Сербии, благодаря усилиям прежде всего Радикальной партии Н. Пашича⁵. В Болгарии, позже подошедшей к решению такой задачи, упор был якобы сделан на сохранении мелкой земельной собственности путем установления предельного размера владения в десять га⁶, что должно было не позволить успешным крестьянам-собственникам обогащаться за счет поглощения участков бедных собратьев.

Это наблюдение весьма интересно и стоит обратить на него внимание, хотя бы потому, что под указанным углом зрения такой вопрос в отечественной науке раньше не рассматривался. Однако, оно касается дела далеко не простого. Очевидно, во-первых, что одного подобного наблюдения недостаточно для выстраивания однолинейного представления об особенностях налоговой политики балканских государств и для выведения сколько-нибудь определенной закономерности. Во-вторых, конкретные данные по названным странам нуждаются в специальных экспертных оценках. Что касается Болгарии, то цифра в 10 га как «потолок» размера земельного участка, вызывает, по меньшей мере, сомнение, ибо ни в источниках, ни в исторической литературе подобного встречать не приходилось.

В ситуации с налогами на болгарских крестьян вообще-то отмечаются разноречивые тенденции. В конце XIX в., с одной стороны, действительно наблюдалось некоторое снижение налогов на сельское население — с 44,5 млн левов в 1892 г. до 38,2 млн левов в 1900 г.⁷, но при этом, с другой стороны, оказывалось, что сельский землевладелец платил налогов в среднем в 6 раз больше, чем городской ремесленник или человек свободной профессии, и в 2,7 раза больше, чем торговец. Последние данные относятся к 1890 г. и, вероятно, более или менее справедливы и к указанным выше годам. Важным для представления о дифференцированном подходе государства к налогообложению служит наблюдение Ивана Илчева о том, что наиболее высокие прямые налоги платили жители округов, имевших доступ к европейским рынкам, например, Тырновского округа. Самые низкие — жители Кюстендилского и Тренского округов, как наиболее удаленных от рынков⁸.

В целом политика в той или иной мере в интересах селян занимала видное место в *программах* всех, даже самых «буржуазных» и политически реакционных балканских правительств и отдельных партий, в чем можно

видеть не только конъюнктурные политические соображения, но и проявление все той же традиционной «крестьянской» ментальности, — общей для всего населения этого региона, включая его «верхние» слои. «Сетования» некоторых исследователей макропроцессов модернизации на то, что формирующаяся в государстве новая элита быстро отрывается от своих корней, от «родного народа», к болгарскому случаю рассматриваемого времени имеют, на мой взгляд, мало отношения. Как, по-видимому, и к ряду других балканских стран, обладавших такой же неразвитой и малоподвижной социальной структурой.

Правда, обращать внимание на проблемы налогообложения крестьян болгарские политические деятели стали лишь во второй половине 1890-х годов (собственно говоря, возглавляемые ими партии лишь к тому времени стали приобретать более или менее выраженное политическое лицо). Одной из первой высказалась на этот счет в 1894 г. Радикальная партия. В своей программе «радикалы», выступая с позиций защиты «экономически слабых слоев», в общей форме потребовали введения для них прогрессивно-подходного налога и ликвидации косвенных налогов⁹. Годом позже Либеральная (радославистская) партия не преминула упрекнуть правительство Ст. Стамболлова, как не только не сократившего налоги на население, но, наоборот, увеличившего их так, что они «становятся невыносимыми и разрушительными для страны»¹⁰.

Здесь, пожалуй, уместно привести слова уже упоминавшегося П. Каравелова. В 1879 г. он, став одним из лидеров так называемых либералов «первого призыва», немало способствовал как можно более быстрой пересадке на болгарскую почву западных буржуазно-демократических ценностей в политической области. И вот спустя 15 лет, сильно ностальгируя по Княжеству Болгария первых лет его существования, вынужден был констатировать: положение крестьянства к концу XIX в. *ухудшилось*, в частности с 1887 г. налоги с населения в государственную казну почти удвоились, те, что идут в кассы общин — утроились, а для содержания окружающих советов и вовсе введены новые налоги. Так как главный доход страна получает от земледелия, продолжал он, то и налоги легли в основном на крестьян. П. Каравелов отмечал также «снижение экономической силы этого населения», связывая его с падением цен на зерно на мировом рынке. Он признавал, что за последние восемь лет количество рабочих рук в Княжестве увеличилось благодаря росту населения, улучшилась и обработка земли, но также верно, утверждал он, что «прогрессия налогов была выше прогрессии производства»; при действительно низких ценах на хлеб получалось, что народ платит в два раза больше, чем до этого времени.

В результате, подводил он итог, «масса народа не увеличила свой капитал, т. е. орудия производства» и «мы потребляем больше, чем производим»¹¹.

Иными словами, сложившуюся ситуацию Каравелов понимал как крайне неудовлетворительную с точки зрения возможностей крестьянина использовать личные накопления для приобретения орудий труда или их улучшения, что способствовало бы технической модернизации сельскохозяйственного производства.

Петко Каравелов был не одинок в своих ощущениях в подобном восприятии действительности. Современные социологи указывают на возникший в то время *конфликт массового сознания* («жить стало хуже, чем до Освобождения»), причина которого — сохранение натурализованного доосвобожденческого быта и его столкновение с новыми реалиями — с монетарными потребностями, неизвестными моделями и стандартами потребления¹². Впрочем, подобные кризисные оценки заключают в себе, на наш взгляд, немало субъективного и нередко в большой степени зависят от внутреннего психологического настроения каждого современного пишущего специалиста. Пессимисты по своей природе выбирают из документального наследия прошлого преимущественно «черные» страницы, оптимисты — наоборот. Так, оценкам Р. Аврамова фактически противопоставляет свое видение болгарской картины мира того же периода И. Илчев, который пишет: «Если во многих странах витало чувство конца века, то в Болгарии его не было, как не существовало и оснований для этого. То было *время надежд* — скорее не конца, а начала. Болгарский век начался где-то в годы перед Крымской войной. И он все еще продолжался. Никому и в голову не приходило, что скоро наступит его конец. Жалобы случались — когда что-то отсутствовало, но они являлись не плодом потери веры, а не прерванного еще стремления сравняться с «продвинутыми» государствами, условия для развития которых были гораздо более благоприятными. Стенания шли скорее из-за недостаточной быстроты перемен»¹³. Ему вторит Л. Златев, характеризующий годы до начала Балканской войны как окрашенные «стремительным народным оптимизмом»¹⁴. Нелишне в связи с этим вспомнить о «молодежном» составе населения как факторе, несомненно, влиявшем на формирование общественной атмосферы.

Возвращаясь к проблеме налогообложения болгарских крестьян в первые два десятилетия после Освобождения, обнаруживаем, что трудно найти достаточно веские аргументы в пользу тезиса о благоприятной для сельчан государственной политике, которая бы осуществлялась в их пользу и в ущерб городским налогоплательщикам — болгарские власти наме-

ревались защищать своих крестьян по-другому, а именно с помощью мер, *препятствующих их полному разорению*. И ключевое слово здесь — *защищать*. Собственно говоря, иной идеологии, чем прокрестьянская, у болгарских «модернизаторов», как и у большинства других на юго-востоке Балкан, в то время не было, да и не могло быть.

В Болгарии линия защиты крестьянства стала складываться в первые годы после Освобождения. Деятели влиятельной тогда Либеральной партии немало поспособствовали созданию в стране специфической мелко-собственнической земельной системы. Спустя время — в 1903 г. — часть бывших «либералов» свои принципы в деле перераспределения прежней турецкой собственности оценивала так: Либеральная партия испытывала явное *отвращение к крупному землевладению* (спахйству и чифликчиству) и проводила политику, благоприятствовавшую развитию на частных землях *мелкого землевладения*. В соответствии с этим она выкупила феодалные права турецких землевладельцев в Западной Болгарии (преимущественно в Кюстендилском округе) и уступила их местным жителям¹⁵. Вопрос о расплате крестьян с государством за эти земли в контексте данного документа не ставился.

Так с самого начала преобразований «либеральные» политики закладывали ущербную (с точки зрения глобальных задач модернизации) идеологию крестьянского землепользования в Болгарии — хозяйствование на мелком, небольшом участке. Этой политике, отмечали современники, не было чуждо стремление *помешать образованию крупных земельных владений*, во имя чего «либеральное» правительство Драгана Цанкова — чтобы «воспрепятствовать переходу земли в руки спекулянтов и богатшей» — заявило о запрете на покупку участков больше четырех гектар¹⁶. Правда, объявленные правительством меры большого эффекта на практику торговли землей не оказали.

Кроме того, «либералы провозгласили и другой важный принцип — неприкосновенность общественных земель и пастбищ в селах и (заметим!) в городах, отказ передать их в частные руки под предлогом и в надежде», что «при нашем экстенсивном и мелком земледелии принятые меры *спасут от разорения и самого бедного крестьянина*». То есть общественный земельный фонд должен был служить резервом и определенной гарантией для спасения и сохранения крестьянства на основе испытанной общинности.

Подобными были подходы идеологов и других болгарских партий. Даже «молодые демократы», называвшие себя партией экономического прогресса, утверждали в 1902 г. в проекте партийной программы, что

«именно мелкое земледелие, господствующее в стране, является наиболее благоприятной формой для его подъема и обеспечения благосостояния всех участвующих в нем трудовых слоев»¹⁷. При этом «молодые демократы» отстаивали точку зрения, будто «мелкое земледелие отнюдь не приговорено силой экономической эволюции быть поглощенным крупным, ибо имеет свои преимущества перед последним», а потому Демократическая партия «требует сохранить его мелкий характер, развивая его именно в такой форме». Подобной позиции лидеры этой партии придерживались в отношении ремесла, которое, по их мнению, также совсем не обязательно будет поглощено индустрией. Им вторили «либералы»-радослависты, заявлявшие, что отвергают «утопию об обязательном разорении ремесла и замене его фабрикой» и рассчитывавшие на «подъем жизнеспособного ремесла»¹⁸.

Болгарские политики много говорили о необходимости «повысить благосостояние народа», «дать сильный толчок торговле», строить железные дороги, «извлечь уроки из нашей многолетней яловой деятельности для тех, кто хочет работать!», об экономии государственных средств, «всеобщем поощрении местного промышленного производства» и т. п. Но все это звучало случайно и, главное, бессистемно. *Не удается нацунать данных о том, чтобы вообще кто-либо задумывался о перспективной программе развития экономики, о реформах.* Само слово «реформа» в программных документах болгарских партий впервые обнаруживается лишь в Уставе Народно-либеральной партии, принятой на ее съезде в ноябре 1899 г. И говорилось в нем только о реформе отраслей управления: партия выступала за «достижение истинного равновесия между государственными расходами и доходами и за сокращение бесполезных и излишних расходов»; она предлагала делать ставку на осуществление «таких реформ во всех отраслях управления, которые отвечают потребностям страны в культурном, промышленном и торговом отношениях»¹⁹.

Но такие предложения, даже сами по себе не всем приходились по нутру. Некоторые известные в Болгарии своим «либерализмом» личности не могли скрыть скептицизма по поводу новшеств, несших не стабильность для «экономически слабых слоев», а накопление богатства в руках «экономически сильных». Старый деятель П. Каравелов критиковал «болгар, в последнее время охваченных страстью к общественным постройкам»: строят одновременно две железные дороги и две пристани, сетовал он, да еще хотят все дунайское побережье превратить в пристань; нужно ли Болгарии столько общественных построек, продолжал он, ведь «у нас железные дороги построены словно не для перевозки товаров, а чтобы

устраивать для богачей увеселительные прогулки», к тому же только для эксплуатации их требуются дополнительные расходы. Свою отповедь Каравелов кончал словами: «В Болгарии могут иметь специальный интерес в быстрой постройке всех этих вещей только предприниматели, этот совершенно разбалованный класс граждан, которые скоро будут иметь в Народном собрании большинство, и ростовщики, которые останутся в выигрыше, так как большинство людей будет искать деньги под процент»²⁰.

Примеры разнонаправленных действий можно продолжить. И в итоге констатировать, что болгарские политики, столь энергичные в стремлении выстроить модернизированную по западному образцу политическую систему, какой бы несовершенной она ни получалась в их руках, и на имеющейся общекультурной базе, сколько-нибудь серьезных задач в деле реорганизации социально-экономической сферы страны, задач ее реконструкции на ближайшее или отдаленное время не ставили.

Впрочем, наверное, было бы непомерным оптимизмом ждать этого от них. Тем более, что мелкособственнический уклад был не просто совершенно родным для каждого болгарина*, но, главное, и вполне удовлетворительным экономически — и для селян, и для государства. В современной болгарской литературе актуализируется мнение о неправомочности широко распространенной прежде марксистской точки зрения о том, что в Болгарии на переломе XIX—XX вв. происходило разорение мелких хозяев, сопровождаемое концентрацией земли в руках крупных собственников, о неправоте Д. Благоева, доказывавшего необратимость и нарастание этого процесса²¹. Н. Генчев решительно отверг догматическое представление, назвав его иллюзорным. В течение 60 лет буржуазного развития Болгарии, пишет он, ссылаясь на авторитет болгарских экономистов и статистиков прошлого века, крестьянское хозяйство оставалось мелким, с допотопными орудиями труда, но при этом — именно оно являлось главной производительной силой²². Даже иностранцы, приезжавшие в Болгарию в конце XIX в., соглашались, что село выступает как «хребет общества»²³. Тем самым, кажется, они отводили (вечной, по характеристике Н. Генчева, в болгарской истории) фигуре мелкого крестьянина роль представителя *среднего класса*, придававшего политически недостаточно сбалансированному болгарскому обществу определенную устойчивость.

* «Сельская психология из-за преимущественно сельского характера самой Болгарии, — подчеркивает Н. Генчев, — оказывала вплоть до новейшего времени исключительное влияние на общий психический аппарат нации, *воздействуя на поведение всех социальных слоев*, всех до одного произошедших из *утробы болгарского села* (курсив мой. — Р. Г.)». (Генчев Н. Указ. соч. С. 77).

Однако современные иностранные наблюдатели думают по-другому. Обращусь к одному из тезисов статьи берлинского ученого Х. Зундхаусена. Он считает, что политическая элита балканских стран использовала неподходящие стратегии модернизации и что большие шансы на успех имела бы *экономическая модернизация на основе аграрного сектора*. Опираясь на мнение ряда западных экономистов, публиковавшихся в 1960—1970-е годы, Х. Зундхаусен полагает, что «именно успешная аграрная модернизация должна предшествовать успешной индустриализации»²⁴. Но где для этого было взять средства? Такого вопроса берлинский ученый не задает. Думается, что без достаточных финансов никакая «социальная инженерия» сама по себе не могла бы помочь проведению радикальной аграрной реформы.

А потому дело ограничивалось как бы любительской помощью селу со стороны государства — по какому-либо конкретному поводу. В более общей форме она заключалась в пропагандистской деятельности с целью повернуть внимание селян на возможности извлечения из хозяйства большего дохода. Пропагандировались зарубежные сельскохозяйственные машины, частично правительства даже закупали некоторые из них. В селах с начала XX в. стали регулярно организовывать курсы по обращению с новыми орудиями труда; в журналах помещались подробные советы, чертежи. Описывались и рекомендовались неизвестные в Болгарии сельскохозяйственные культуры, считавшиеся высокодоходными. По селам ходили «бродячие учителя» — выпускники сельскохозяйственного училища, пытаясь распространять таким образом элементарные практические знания. Кто хотел, — учился и приобретал сам или вскладчину новую технику, но эти порывы в массовое движение не превратились. Нередки были случаи, когда прибывшая техника оставалась нераспечатанной на складах. Новшества, которые стремились внедрить агрономы, ветеринары и другие специалисты, часто наталкивались на непреодолимую традиционность. Так, агитация за разведение домашней птицы с целью продажи ее на рынке, встретила глухое непонимание, ибо в традиционный стандарт питания сельского жителя птица входила только как деликатес или лекарственная добавка²⁵.

Прогрессу мешало продолжавшееся дробление земельных участков из-за повышенного прироста населения (смертность в начале XX в. снизилась, а рождаемость осталась высокой). И если к 1940-м годам на один трактор приходилось в Великобритании — три крестьянина, в Швеции — пять, Дании — восемь, то в Греции — 218, а в Болгарии — 122 крестьянина²⁶.

Если говорить о «курсе на модернизацию» в политическом смысле, то в Болгарии серьезных препон для этого не возникало. Хотя разработанной модернизационной программы в стране не существовало — не была «составлена, обсуждена и принята», — каждое новое правительство, приходя к власти, что-то предпринимало в этом направлении. И дело постепенно двигалось вперед. Главное, отмечает Д. Мишкова, политической оппозиции этому продвижению вперед не существовало²⁷, чем ситуация резко отличалась от положения в Сербии. Здесь в те же годы сложились совсем другие условия. Концентрированные модернизационные усилия после признания независимости Сербского государства в 1878 г. продолжались лишь до 1883 г., когда были свернуты. Предыдущий 30-летний опыт политической жизни, накопленный сербами до приобретения независимости, не стал «заделом» для дальнейшей продуманной разноплановой политики — этому помешало острое столкновение партийных интересов, увенчавшееся перевесом Радикальной партии и установлением ее фактического главенства в государстве.

С прекращением «реформирования сверху» в 1883 г. в стране возоблудала линия на объединение сербского народа, выраженная в крайней, радикальной форме. Вождь Радикальной партии Никола Пашич при стойком неприятии пути Европы и ее образцов выступал за сохранение институтов и норм традиционного уклада жизни²⁸. «Объединение сербского народа, — пишет сербская исследовательница Латинка Перович, — стало идеей всех идей». Она диктовала динамику внутреннего развития государства и определяла приоритеты. Любое новшество, имевшее следствием социальную дифференциацию эгалитарного аграрного социума, повышение качества жизни (образование, гигиена, коммуникации) и осознание своих прав, считалось нарушающим внутреннее единство, необходимое для объединения народа. В сравнении с нововведениями именно «традиция и цель» выступали «цементирующей силой»²⁹. Такое сосредоточение на единственной цели вело к тому, что любое модернизационное начинание воспринималось как *предательство национальных интересов*.

На реализацию «идеи идей» были нацелены все основные институты государства — семья, школа, церковь, армия, печать и т. п. Особенно впечатляют усилия по воспитанию молодого поколения (да и всего общества!), для чего эксплуатировался, думаю, сознательно, *традиционный* воинственный дух народа. С младых ногтей, разъясняет Л. Перович, ребенок воспитывался воином и мстителем — за поражение на Косовом поле и другие неудачи, в ненависти по отношению к врагу — турку, австрийцу (швабу), препятствующему объединению сербского народа. Из поколе-

ния в поколение дух этот пронизывал школьное образование. Вскормленные национальной идеей воспитанники вслед за своими воспитателями сами становились распространителями «идеи идей». При таком усердии дух ненависти начинал пронизывать все общество. Кроме семейных катехизисов существовали и общественные, продолжает сербская исследовательница. В зависимости от внешнеполитических обстоятельств в них менялись имена врагов сербского народа³⁰, но не происходило смены стратегических ориентиров.

Как разительно отличалось использование в Сербии школы и просвещения — базового государственного института — от болгарской практики в этом направлении. Напомню, что уже в самых первоначальных планах болгарских политических партий школа указывалась как едва ли не главный рычаг преобразования страны; от школы ожидали экономического процветания, подъема благосостояния народа. Такая линия продолжалась на протяжении всего существования буржуазной Болгарии.

Конечно, у болгар тоже была идея объединения всего «болгарского племени». При практически одинаковом формулировании главной национальной позиции, подходы и средства к осуществлению «идеи идей» в Сербии и Болгарии, как видим, в ряде моментов получали совершенно различную окраску, в каждой стране — свою, оригинальную. Что не могло не отражаться на характере тактических средств, необходимых для достижения цели, — на масштабах агитационной подготовки, на создании общественной атмосферы в стране, на мобилизационном воспитании населения. Уже цитировавшаяся Е. Иванова в свойственном ей стиле так объясняет различное направление энергии сербов и болгар в ходе «национального возрождения» балканских народов: «В случае “Сербия”, например, изначально доминирует “воля к государству”, в случае “Болгария” — “воля к культуре”»³¹.

В целом такое понимание, полагаю, соответствовало действительности.

* * *

Поощрительные меры с целью оказать поддержку промышленным заведениям и формирование патерналистской практики в Княжестве в более широком масштабе подстегнул опыт Стамболова. На съездах почти всех болгарских партий заговорили о желательности создания в стране крупной фабричной промышленности, — в ней видели «прогрессивную и созидательную силу», и о необходимости поддержки этого начинания со стороны государства. Боязнь риска, недостаток финансов и укоренив-

шееся с древних времен патерналистское сознание рождало убеждение, что новосозданное *государство*, даже со своими не всем и не во всем понятными функциями, *должно защищать всех*. Сама идея модернизации, отмечает Р. Аврамов, с конца XIX в. связывалась с гаммой протекций национального — промышленности или земледелия³².

Его вывод звучит пессимистически: «Индивидуализм примиряется с государством, потому что оно превратилось в основную опору для реализации врожденной индивидуалистической стихии». И далее, раскрывая этот тезис, Р. Аврамов рисует очень точную картину, характерную, кажется, не для одной Болгарии и не только для того времени: «Кажущееся “общественным” государство быстро было понято как пространство, в котором легче всего удовлетворяются стремления к присвоению большей части общественного богатства для личных или групповых целей»³³.

Вместе с тем нельзя не отметить, что на рубеже XIX—XX вв. требования оказывать покровительство промышленности, поощрять развитие производства и устанавливать защитные таможенные пошлины несли на себе налет присущей болгарам «праисторической», традиционной ментальности: им хотелось «поменьше капитализма с его злостной эксплуатацией», а потому льготы, по мнению многих, нужно было предоставлять не столько крупным промышленникам и крупным частным землевладельцам, сколько предприятиям небольшим и, главное, работающим на местном сельскохозяйственном сырье; в частности, сахарным заводам (чтобы расширить производство свеклы), суконным фабрикам (чтобы поднять цену на шерсть) и т. п.; последнее, впрочем, не было лишено здравого смысла.

Но сами предприниматели едва ли могут быть названы энергичными агентами модернизации. Им не хватало не только денег, но, по мнению Христо Мишкова, и *созидательного духа*. Этот автор считает характерным для балканского общества, особенно сербского и болгарского, негативное отношение интеллигенции — образованных и подготовленных людей — к занятию бизнесом; для них предпочтительнее была государственная служба³⁴.

Закон о поощрении местной промышленности, повторив опыт Сербии 1873 г. и Румынии 1887 г., был принят в Болгарии в 1894 г. и в дальнейшем неоднократно подновлялся. Принимались также законы о таможенных пошлинах. Лишь в Греции и Черногории, замечают специалисты, не происходило до Балканских войн активного вмешательства государства в эту сферу экономики³⁵. Рассуждая о степени продуктивности покровительственной политики в Болгарии и заявляя о необходимости (и даже неизбежности) прибегнуть к ней в конце XIX — начале XX в., болгарский

автор Р. Прешленова пишет, что многократный рост производства современники называли «болгарским чудом». Болгарию, как и другие страны юго-востока Балкан того времени, она относит к числу «динамично развивавшихся»³⁶.

Действительно, определенный экономический эффект такая политика приносила и шла на пользу модернизации страны. Правда, само стимулирование промышленного развития (так называемый «экономический национализм») выливалось в некоторых балканских странах преимущественно в частичное ограничение иностранного капитала³⁷. Как пишет уже цитированный Р. Аврамов, XX век ставил перед людьми не только тактические вопросы, в частности, как преодолеть финансовый и экономический кризисы, но вновь вопросы стратегические: где искать выход — в земледелии или в промышленности, какой строй выгоднее — капиталистический или коллективистский, с какими странами следует стремиться к экономическому союзу. На основании тщательного изучения экономической литературы рубежа веков он приходит к выводу об иллюзорности достигнутого прогресса, подчеркивая, что Болгария вступала в XX в. «истощенная до крайности глубочайшим финансовым кризисом», который был «кризисом излишеств, сопутствовавшим эйфории первоначального накопления капиталов»³⁸. Такой анализ положения, хотя и более многосторонний, чем некоторые из вышеприведенных оптимистических, представляется все же сгущающим краски.

При этом необходимо подчеркнуть и следующее, не менее важное обстоятельство: именно в это время и благодаря откровенному вмешательству государства в сферу хозяйственной деятельности был заложен *один из столпов* экономического мировоззрения болгарина — *этатизм*.

Как показала практика, в последующем этатистские приемы проявили тенденцию к усилению и расширению, особенно это обнаружилось в годы Первой мировой войны и после нее. Так, правительство А. Цанкова (1923—1925 гг.) уже не удовлетворялось прежними методами вмешательства в экономику и стало использовать гораздо более радикальные меры: закрытие биржи и прекращение бесконтрольных операций с иностранной валютой; запрещение импорта товаров роскоши; создание комиссариатов по продовольствию с функцией нормировать цены на товары первой необходимости³⁹. Последние меры болгарский исследователь В. Тепавичаров называет «наиболее важным начинанием в деле замены экономического либерализма системой экономического этатизма»⁴⁰.

Это не означает, что государственные меры регулирования экономической стали всепоглощающими, но общая тенденция развивалась именно

в эту сторону, достигнув высшего «расцвета» в границах существования буржуазной Болгарии в переломные 1930—1940-е годы. Так, например, в 1936 г. государство присвоило себе право решать вопрос об открытии новых предприятий и определении конкретного характера производства, технологических норм, содействии картелированию, разграничение производственных задач отдельных отраслей и т. п. На специальную министерскую комиссию возлагалась задача выработки единых типовых размеров и технологических норм для промышленных и ремесленных изделий данного вида производства. Описания, чертежи и все предписания подлежали одобрению царским указом и становились обязательными для всех производителей⁴¹.

Несколько, на мой взгляд, преувеличивая, Р. Аврамов пишет, что в десятилетие 1926—1935 гг. «совершалось мучительное *силовое* (курсив мой. — Р. Г.) модернизирование болгарской экономической жизни», но он, вероятно, прав, когда указывает в качестве примера на настойчивое навязывание болгарам «технократических коррективов» со стороны Финансового комитета Лиги Наций, стремившегося модернизировать на западный манер Болгарский Народный банк⁴². Такие попытки не встречали понимания и полного доверия со стороны болгарских правительств, отстаивавших особый статус главного банка государства, как наиболее удовлетворявшего их с точки зрения сложившейся в стране экономической и финансовой системы, что позволяло болгарским властям проводить собственную — во многом популистскую и тем особенно неприемлемую для западных финансистов — политику.

Оглядываясь назад, должно признать, что в Болгарии именно в авторитарные периоды правления, в годы сильной государственной власти удавалось достичь тех или иных модернизационных успехов. Если же вспомнить, что ключевым вопросом буржуазной модернизации является функционирование экономики (как базисной структуры) вне влияния государства, но в сфере рынка и гражданского общества, то должны будем прийти к выводу, что обюрокращенное государство, на протяжении длительного времени располагающее руководящими экономическими функциями, само становится камнем преткновения на пути модернизационных процессов. Что, собственно говоря, и подтвердил опыт Болгарии, где на нижнем социальном этаже мелкое, постоянно защищаемое предпринимательство получило некоторое развитие, но крупного частного капитала, который имел бы вес в европейском масштабе (как, например, в Румынии или Греции) не образовалось.

Противоречия, заключающиеся в самой сути модернизации, на путь которой надеялись встать балканские страны, едва получив собственную государственность и сохраняя во многом традиционный уклад, в действительности оказывались очень острыми. На смену крестьянскому по преимуществу социуму теоретики модернизации ожидают прихода нового — индустриального общества, и цены в человеческом измерении эта перемена требует огромной. Примером может служить опыт коллективизации в СССР, стремившегося в сжатые сроки получить нужный результат и использовавшего для этого революционные меры, со всей их жесткостью и беззаконием. Практически здесь выстроилась жесткая модернизационная оппозиция: *крестьянин*, страдающий во имя не принадлежащего ему будущего, был противопоставлен — *принесен* в жертву строящемуся якобы перспективному обществу.

Ничего подобного не наблюдалось на балканском юго-востоке. Реформаторский путь здесь находился в зависимости от сравнительно спокойного темпа и ритма преобразований, от разной в разные периоды степени модернизационного давления на группы населения и других тактических проблем. Применительно к указанному региону, перефразируя формулу отечественных социологов Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, скорее можно говорить о «*социализированной* капиталистической модернизации»⁴³. А может быть более всего права неоднократно цитировавшаяся Е. Иванова, которая и книгу свою назвала соответствующим образом: «Исследование (не)состоявшейся болгарской модерности». С призывами различать понятия «модернизация» и «модернизованность» выступает сербская исследовательница Л. Перович. Действительно, если первая как процесс все-таки имела место на юго-востоке Балкан, то вторая как результат не отметилась слишком большими достижениями.

В добавление к прочему стоит подчеркнуть, что мобилизационные возможности общества правящие элиты юго-востока Балкан старались использовать не столько для внутреннего развития, сколько для решения внешнеполитических задач, причем, — военным способом. Особенно, когда с начала XX в. международные условия становились, как им казалось, все более благоприятными для этого. В итоге и двух, и трех Моисеевых сроков оказалось в регионе недостаточно, чтобы получить убедительные результаты модернизации. Они свелись к фактической консервации мелкой земельной собственности, что вплоть до окончания Второй мировой войны не позволяло чисто экономическими средствами

производить накопление капитала на базе сельскохозяйственных излишков. Не удалось провести и более или менее радикальной аграрной реформы, т. е. уйти от матричного типа культуры хозяйствования. Конечно, за прошедшее время определенные изменения в экономике балканских стран имели место, можно даже говорить о, своего рода, «волнах модернизации» в начале XX в., а также в период стабилизации капитализма середины 1920-х годов и, вероятно, некоторых других. Характерно, что эти «волны» фактически совпадали с моментами подъема в мировой капиталистической системе в целом. Но и эти «приливные волны» не изменяли кардинально общей картины в регионе.

Примечания

¹ *Шемякин А. Л.* Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4.

² См.: *Мишкова Д.* Европейски идеи... С. 27.

³ *Улунян Ар. А.* Политическая история современной Греции. Конец XVIII — 90-е годы XX в. М., 1998. С. 57.

⁴ *Панов А. И.* Офицерский корпус в военных режимах XX века. М., 1999. С. 43.

⁵ *Рудометов В., Николов Ст.* Указ. соч. С. 148.

⁶ Там же. С. 149.

⁷ Стопанска история... С. 252.

⁸ *Илчев И.* Междено време. Дневник на един селянин, който не правеше «чудеса» в «най-чудесно» българско време. София, 2005. С. 32.

⁹ Програми, програмни документи... С. 298.

¹⁰ Там же. С. 123.

¹¹ Там же. С. 167—168.

¹² *Аврамов Р.* Указ. соч. С. 7.

¹³ *Илчев И.* Указ. соч. С. 27—28.

¹⁴ *Златев Л.* Първите години на следвоенна криза // *Радков Ив., Златев Л.* Русенската община. 1878—1912. Русе, 2002. С. 121.

¹⁵ Програми, програмни документи... С. 223.

¹⁶ Стопанска история... С. 224.

¹⁷ Програми, програмни документи... С. 208.

¹⁸ Там же. С. 144.

¹⁹ Програми, програмни документи... С. 144.

²⁰ Там же. С. 171.

²¹ См.: *Даскалов В.* Българското общество. 1878—1939. София, 2005. Т. 2. С. 251.

²² *Генчев Н.* Указ. соч. С. 69.

²³ *Илчев И.* Указ. соч. С. 145.

²⁴ *Зундхаусен Х.* От предкапитализма към ранен капитализъм. Трансформация на селото и селското стопанство на Балканите от XIX в. до втората световна война // Български фолклор. София, 1997. № 3—4. С. 23—24.

- ²⁵ *Илчев И.* Указ. соч. С. 147, 159—169.
- ²⁶ *Иванова Е.* Указ. соч. С. 143.
- ²⁷ *Мишкова Д.* Българският опит в политическата вестернизация // *Bulgarien Quarterly*. 1991. Зима. Т. 1. Кн. 3. С. 30.
- ²⁸ *Шемякин А. Л.* Политические партии в независимой Сербии // *Человек на Балканах. Государство и его институты...* С. 203.
- ²⁹ *Перович Л.* Сербия в модернизационных процессах XIX—XX веков // *Человек на Балканах. Социокультурные измерения...* С. 33.
- ³⁰ Там же. С. 34.
- ³¹ *Иванова Е.* Указ. соч. С. 185.
- ³² *Аврамов Р.* Указ. соч. С. 22.
- ³³ Там же. С. 10.
- ³⁴ Черно море между Истока и Запада. С. 215.
- ³⁵ См.: *Прешленова Р.* Икономическа политика и национално самочувствие: България. 1879—1914 // *Модерният историк. Вображение, информираност, поколения.* София, 1999. С. 53.
- ³⁶ Там же. С. 53—54.
- ³⁷ См.: *Иванова Е.* Указ. соч. С. 148.
- ³⁸ *Аврамов Р.* Указ. соч. С. 5.
- ³⁹ *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925. София, 1976. С. 271—272.
- ⁴⁰ *Стоянов В., Тепавичаров В.* Политическата алтернатива в България. Юни 1923 — 4 януари 1926. София, 1992. С. 348.
- ⁴¹ *Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней.* М., 1987. С. 386—387.
- ⁴² *Аврамов Р.* Указ. соч. С. 46.
- ⁴³ *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Динамика условий и уровня жизни населения: разнонаправленные тенденции 90-х годов // *Социологический калейдоскоп. Памяти Л. А. Гордона.* М., 2003. С. 318.

3. Рождение нового сельского типа

Толчком к изменениям в традиционном сознании крестьянина послужило развитие рыночных отношений еще в недрах Османской империи. Главным для болгарского сельского жителя являлось не столько создание Нового Государства в 1879 г., сколько преобразование его земельного участка в полную собственность и ее гарантирование законом. Частнособственнический инстинкт, обнаруженный обществоведами уже у патриархального человека, проявлялся в том, что денежка, оказывавшаяся благодаря рынку в крестьянском хозяйстве, смущала и радовала балканского крестьянина гораздо больше, чем политические новости, во многом непонятные ему. Смущала, потому что патриархальный человек, как пишет М. Драганов — один из исследователей психологии болгарского крестьянства, не знает, что делать с деньгами; он их либо копит, либо пропивает и ударяется в разгульную жизнь¹. Радовала, потому что болгарский крестьянин, по словам И. Илчева, хотя еще и спал, но уже просыпался и начинал понимать предназначение денег.

Применительно к XVIII—XIX вв. в психологии сельского жителя специалисты обнаруживают два противоположных импульса: один толкает крестьянское сознание к новому, «пересистематизирует традиционную ментальность в духе буржуазного времени, стремящегося превратить патриархального человека в гражданина, другой тянет назад, к старине, придавливает мельничным камнем к традиции»². Согласно выводу Н. Генчева, исследовавшего социально-психологические типы в буржуазной Болгарии, столкновение этих импульсов приводит к возникновению своеобразного «гибрида», «помеси» патриархального человека и нового гражданина. Он тысячами нитей связан с прошлым и одновременно устремлен, хотя и с постоянными колебаниями, «к новому, неясному, но заманчивому миру». Такой гибрид, считает ученый, долговечен в болгарской истории, он доживает до Новейшего времени, но и тогда не исчезает полностью. Димитр Луджев обращает внимание на другую сторону явления: стабилизация мелкотоварной частной собственности как в сельском хозяйстве, так в ремесле возвращала «новый собственнический менталитет», но одно-

временно, считает он, если говорить о перспективе, удерживала процесс модернизации на относительно низком уровне³. Это — важное заключение, многое объясняющее в модернизационном процессе в Болгарии.

Элементом нового в жизни социума к моменту Освобождения было распадение стародавней задруги. Наиболее распространенной формой организации сельского общества оставалась община во главе с кметом. В 1879 г. норматив о местном самоуправлении вошел в состав Тырновской конституции*. Административное управление базировалось на трехступенной основе — община, околия, округ, как и в османское время. Эти факты говорят о том, что при всем революционном значении Освобождения, разрушения (до основания!) прежних административных норм не затевалось. Наоборот, целесообразным было сохранение того, к чему население привыкло и приспособилось.

Сельская среда формировала локальную идентичность, для большинства крестьян родное село было «всем миром», ограничивавшим коммуникативные возможности человека. Успешное «приживание» нового менталитета упиралось в неписанную максиму: «Мир неизменен, потому что совершенен»⁴. В случае неурожая — упорное: «Так дал Бог!» Историк Иван Илчев также отмечает «повседневную инертность» крестьянина. Большинство болгар, утверждает он, были в эти годы** малоподвижны. Жили в своем изолированном мирке, связь с остальным отечеством осуществляли главным образом через газеты (об этом подробнее см. ниже) и изредка через незнакомцев, вокруг которых вечером собирались на постоялом дворе местные жители⁵.

При примерно 80-процентном крестьянском составе населения Болгарии городов в стране после Соединения Княжества с Восточной Румелией в 1885 г. насчитывалось 74, население каждого из них составляло примерно 10 тыс. человек. Шесть более крупных городов могли в 1886—1894 гг. гордиться тем, что в них проживает до 20 тыс. жителей⁶. К 1912 г. официальная статистика засвидетельствовала наличие уже 80 городов. Такой «роскоши» не существовало в Черногории, спокойно жившей без единого города⁷.

Болгарская исследовательница Евгения Иванова, может быть, впервые в историографии обращает внимание на то, как происходило заселение городов на бывших османских землях. После Освобождения с уходом

* О дальнейшем развитии системы местного самоуправления, законах 1882, 1886, 1934 гг. уже говорилось выше.

** Речь идет о рубеже XIX—XX веков.

турецкой администрации и гарнизонов, пишет она, многие города заметно опустели. Их новое заселение коренным балканским населением оказалось длительным процессом. Использовался своего рода «вахтенный метод»: вначале приходили строители и чиновники, которые по вечерам возвращались обратно в родные села. Лишь с течением времени «горожане» привозили на новое место семьи, а зачастую и скот и т. п., не порывая окончательно с селом⁸. Интересным наблюдением делится М. Маркова, указывая, что сельская культура порождает феномен землячеств в городе, который она интерпретирует как попытку крестьянина противостоять городской анонимности⁹.

Несмотря на начавшуюся урбанизацию, города в Болгарии и Сербии (городки по существу) все еще напоминали села. Это были те же гибриды, только поселенческие, не решавшиеся на четкое разграничение между собой. Сохранению их в таком виде способствовала большая, как правило, концентрация населения в них. Так, в селе Бяла Церковь Велико-Тырновского округа жило в 1878 г. свыше 1 750 человек, в 1900 г. — уже 2 240. К поселению городского типа это село приближало наличие восьми столярных и металлических мастерских, современная частная мельница и сравнительно большая чесальня¹⁰.

В наступившие новые времена наплывание одной эпохи на другую, их нераздельность отразились на одежде и облике балканцев. На групповых снимках начала XX в. болгарские крестьяне представлены в городских костюмах, у одних по-селянски перепоясанных, у других оснащенных галстуками, на голове котелки перемежаются с высокими меховыми шапками. Болгарские авторы предупреждают: не думайте, что такой была повседневная одежда крестьянина — на фотографирование одевались как на праздник. Границу между горожанином и крестьянином, пишет коллега А. Л. Шемякин, так же трудно определить, как между сельской тропой и городской улицей¹¹.

Застраивались села, как правило, бессистемно, хаотично. Без необходимых санитарно-гигиенических сооружений. Лишь постепенно оформлялись центры поселения: здание управления общины, церковь, читальня, школа. В 1897 г. Народное собрание Княжества Болгария приняло закон о благоустройстве, которым городским управам вменялось в обязанность в пятилетний срок приготовить общие, регуляционные и кадастровые планы; новое строительство до тех пор запрещалось, что на практике, конечно, не выполнялось. В 1900 г. была сделана попытка ввести нумерацию домов¹². Разработка первых кадастровых планов для сел началась лишь с 1920-х годов¹³.

Быт селянина и горожанина, особенно в раннекапиталистический период, также не сильно различался. Правда, в городе было гораздо больше грамотных: согласно статистическим данным, на которые опирается болгарский автор Ст. Дечев, их удельный вес составлял в 1887 г. 41,7%, через пять лет — уже 63,2% (Ст. Дечев относит эти высокие показатели, главным образом, на счет школьников)¹⁴. Но грамотность еще не определяла повышение культуры быта. Как это, например, следует из зарисовки И. Илчева: постелей, поясняет он, практически нигде не было, они только-только появлялись в городе, где деревянная кровать становилась знаком зажиточности. В большинстве сел под голову клали мешочки, набитые соломой или беленицей. В северной Болгарии часто спали прямо на земляном полу, смазанным смесью коровьего навоза и мякины — против блох и для «лучшей гигиены». Сверху набрасывали рогожу или козью подстилку, в такую же подстилку заворачивались сами. О пижамах или ночном белье никто и не слышал. Нижнее белье имелось у немногих. О кальсонах, например, большинство крестьян не знало вообще. И. Илчев приводит историю, случившуюся в 1920-х годах, с парнем из бедной семьи села Роман, когда он получил извещение о приеме его в столичное техническое училище. В письме говорилось, что необходимо взять с собой постельные принадлежности для жизни в пансионе и две пары кальсон. Мать парня собрала весь квартал, консультируясь и пытаясь понять, «о каком неслыханном изобретении идет речь»¹⁵. Страшной напастью для всех, даже для богатых, были мыши и крысы, клопы и вши — от них время от времени помещения окуривали адской смесью серы и лютого перца, от которой потом люди кашляли неделями¹⁶.

Особенностью всех пост-османских государств стал быстрый рост населения. За время с 1860 по 1910 г. оно удвоилось. В Болгарии увеличилось с примерно 2 млн человек в 1881 г. до 3,7 млн в 1900 г. Е. Иванова считает фактор такого роста численности населения признаком «немодерности»¹⁷, хотя тут же называет одну из причин явления — происходил процесс освоения новых пространств. В связи с чем следует, по-моему, учитывать *казус новоселья*, значение которого очень велико как стимула, поднимающего настроение человека, его стремления к продолжению рода и т. п. Об этом свидетельствуют и сухие данные: если в Болгарии, по стране в целом сельское население возрастало на 1,5% в год, то в северной ее части, заселявшейся болгарскими новоселами, — рост составлял 2,4—5,3% в зависимости от района, т. е. в несколько раз выше¹⁸.

По переписям населения, которые в Болгарии стали проводиться регулярно¹⁹ быстро и хорошо налаженной статистической службой (видимо,

благодаря «османскому наследству»²⁰), можно проследить за движением возрастного состава населения, как это делает историк Р. Даскалов. Он отмечает, что новое болгарское государство начало свое существование с очень молодым народонаселением — из-за высокой рождаемости до и после освобождения. И до 1900 г. сохраняло не просто «моложавый», а прямо-таки юношеский характер: дети до 14 лет составляли 40,2%, люди самого продуктивного рабочего возраста (15—49 лет) — 44,5%. В том же 1900 г. средний возраст населения исчислялся цифрой 25,7%, в то время как лиц старше 60 лет было 84 на 1 тыс. человек²¹.

Скорый естественный рост населения и повышение благосостояния государства, выражавшегося в увеличении бюджета страны, значительно опережали изменения в сознании «гибридного» крестьянина. Несмотря на все новшества — на рождение новых форм собственности в городе и селе, на появлявшееся у крестьян умение превращать часть сельскохозяйственной продукции в товар, на возникновение сравнительно крупных отдельных хозяйств, — частные сельские собственники не стремились кардинально разрушать сложившийся уклад, отказываться от допотопных орудий труда.

Магия традиционности оказывалась очень сильной. На сознание крестьянина даже в меняющейся во всем обществе обстановке производили таинственное воздействие издревле сохранявшиеся в обиходе предметы, которые «помнили» этот дом, ушедших из него навсегда людей; то же — в отношении приемов обработки земли, которыми пользовались деды. Продолжали свою жизнь прежние бытовые навыки и умения, старые обряды, обычаи, связанные с землей, с урожаем, с сезонами и временами года. Как и прежде, «новые» крестьяне отмечали первый приплод, первый сноп, первое молоко — «архаический остаток праболгарской традиции», считает Н. Генчев. «В этих обрядах и обычаях, — пишет он, — открывался пласт паганистических (языческих) в сущности верований, представлений и практики, оставшихся неприкосновенными и лишь слегка прикрытых вуалью христианских мировоззренческих представлений нового времени»²². Крестьянин переходного этапа в истории страны нес на себе огромное наследие традиций. За краткий буржуазный период болгарской истории, резюмирует ученый, произошла заметная социальная дифференциация, но не было времени для превращения патриархального человека в модерную личность, в городского человека. Не было силы, которая освободила бы его от навязчивого давления традиции, от духовных веяний старины²³.

* * *

Тем временем открывавшиеся экономические возможности позволили активной части болгарского общества начать действовать энергично.

Характеризуя «человеческий материал», природные качества своего народа, сами болгары чаще всего фиксируют, как ни странно, его отрицательные черты. Писатель Иван Радославов в дневниковой записи 1936 г. утверждал: «Люди у нас бесхарактерные, неспособные на малейший жест самопожертвования и гражданской доблести. Умеют лишь в кофейнях обсуждать политику и ругать царя из засады»²⁴. Известный в современной Болгарии как горячий патриот историк Андрей Пантев считает возможным так обобщить свое представление о болгарах: «Мы довольно хорошо приспособляемся к сильным мира сего, очень презрительны по отношению к слабым и очень раболепны по отношению к сильным»²⁵. Поистине, болгар к кичливым людям не отнесешь!

Помимо характеристик общего свойства, для нашей темы интересно мнение об экономической психологии болгарина. Его находим у Р. Аврамова, который пишет, что вкус к переменам у болгарина был хронически слаб, а сила status quo чрезвычайно сильна; в этом Аврамов видит недостаток креативности болгар, составляющий, по его мнению, одну из отличительных национальных черт²⁶.

Столь однозначные заключения не слишком согласуются с наблюдениями некоторых русских людей, принадлежащих к близкой славянской, но все-таки иной ментальности. Так, например, в годы Первой мировой войны бывший российский посланник в Софии А. А. Савинский обращал внимание МИД России на то, что Болгария «среди балканских государств и народностей в силу природных свойств и качеств населения — *честолюбия, энергии, живучести, твердости, экономики, желания и способности совершенствоваться* (курсив мой. — Р. Г.), а также благодаря богатству и плодородию почвы — является в этом отношении особенно опасной»²⁷. Последние слова, очевидно, относятся к возможному участию Болгарии в войне на стороне тех или других союзных группировок, почему автор и занялся оценкой степени опасности этой страны. В свою очередь директор канцелярии МИД Российской империи В. Н. Ламсдорф в дневниковой записи от 18 апреля 1892 г. отметил: «Всё, чего они (болгары. — Р. Г.) хотят, — это чтобы им дали возможность мирно существовать, обогащаться и заниматься своими материальными интересами»²⁸.

Стремление к обогащению реализовывалось порой диким и жестким образом, как это бывает в период первоначального накопления капитала.

Наиболее легким способом являлось ростовщичество, быстро подмявшее под себя малооплаженное сельское население. Некоторые сёла ростовщички захватывали целиком. Накопленные капиталы процентщики, как правило, не вкладывали в промышленность или в торговлю из-за боязни риска, предпочитая наращивать их объемы и образуя на семейной основе крупные ростовщические дома (например, братьев Маринковых в Сливене). Городские поселения Видин, Чирпан, Пазарджик обособились в отдельные ростовщические центры²⁹.

Но у населения появлялись и более позитивные запросы. Так, граждане Восточной Румелии еще до ее объединения с Княжеством заявляли о желании иметь железную дорогу или, по крайней мере, трамвай от Ямбола до Бургаса «для облегчения вывоза нашей местной продукции», предлагали открыть пристань в Бургасе или около него, которая станет конкурировать с Цариградом и Дедеагачем, думали о развитии виноделия, которое «может стать крупным источником богатства»³⁰. Показателем пробуждения экономической мобильности населения могут служить несколько волн массового переселения крестьян из бедного Кюстендилского округа в несравненно более богатый природными и хозяйственными условиями Тырговиштский край³¹. Двигались, можно сказать, пешим ходом от западных границ страны почти до восточных.

Временем жадного, но более или менее продуманного, обогащения стал период жесткого диктаторского режима при правительстве Стефана Стамболова (1885—1894 гг.). Благодаря использованию властных полномочий не только личный капитал главы кабинета вырос «заоблачно», но и были сделаны продуктивные вложения в строительство шоссейных и железных дорог в стране, несколько городов оформились в крупные торговые центры, в 1892 г. была проведена Первая болгарская выставка промышленных и сельскохозяйственных изделий и многое другое³². Считается, что именно благодаря твердой (хотя и небескорыстной) руке С. Стамболова в эти годы удалось осуществить ряд мер модернизационного характера.

Конечно, вряд ли правильно устанавливать прямую связь между успехами модерна и жесткой политической диктатурой. Поэтому представляется весьма важным уточняющее соображение молодого отечественного ученого Р. Н. Игнатьева, говорящего о необходимости увязывать случаи формирования в странах авторитарной модели модернизации «с обстоятельствами разъединения общества внутри страны, а также неблагоприятного (внешнего. — Р. Г.) окружения»³³ (от себя добавим: действительно неблагоприятного (враждебного) или умышленно представляемого таковым социуму).

И прежде раздававшиеся призывы к повышению культурной роли Болгарии на Балканах заставили власти обратить пристальное внимание на состояние столицы. Национальное освобождение София встретила будучи небольшим захламленным городом с примерно семью тысячами жителей, давно отставшим в развитии по сравнению, например, с Пловдивом. В ней не нашлось дворца, чтобы принять «импортируемого» Князя, не без иронии пишет болгарский автор Е. Иванова, и ему пришлось удовлетвориться бывшим турецким конаком. Правда, в османское время он тоже использовался как резиденция правителя. Она же сообщает, что в 1878 г. российские власти приложили немалые усилия для приведения города в порядок: в течение двух недель на сотне возов вывозили мусор из дворов³⁴.

И в 1888 г. София, по описаниям современников, представляла собой нечто среднее между городом и селом, с узкими, грязными и кривыми улицами, по сторонам которых лепились приземистые домики, изредка перемежавшиеся с более крупными строениями. Житель лучше обустроенных придунайских городков по приезду в столицу испытывал потрясение, не видя сколько-нибудь приличных улиц и удивляясь обилию болот, ям, рытвин, пыли по колено, превращавшейся при дожде в липкую грязь и делавшей невозможным движение. Вечерами начинался оглушительный лягушачий концерт³⁵.

Столица ждала энергичного, уверенного хозяина. И нашла его: в 1887—1893 гг. кметство возглавил Димитр Петков. Вступив на пост 31-летним, он с жаром принялся за дело. Прежде всего был создан кадастральный план с учетом перспективного развития города, который стал строиться несколько в стороне от старой Софии, разработана уличная система с двумя главными магистралями и центральной частью. Биограф кмета пишет о его амбициях основательно изменить весь облик столицы, для чего следовало разрушить старые постройки. Но этому сопротивлялись и часть членов кметства, и население разрушаемых построек — они выходили на массовый протест, так что толпу недовольных приходилось разгонять, поливая из пожарных шлангов³⁶, а иногда работу по сносу приходилось вести по ночам. Затем на месте порушенного кмет начал массовое строительство частных домов, магазинов, складов, школьных зданий, и темпы строительства с каждым годом нарастали: в 1888, 1889, 1890 гг. появилось соответственно 209, 754, 600 новых строений³⁷.

Часть муниципальных средств была использована для покрытия камнем 23 улиц, а в 1891 г. Д. Петков закупил паровой каток. Но асфальт софиянцам не понравился, и на следующий год началось мощение цент-

ральной улицы гранитными блоками. Были возведены городские мосты, для одного из которых из Австрии привезли четырех бронзовых львов — столица не только строилась, но и украшалась; получили оформление городские площади «Св. Неделя», «Шарен мост», «Св. Георги» и др.

Только за один 1889 г. в городе пролегли 23 улицы общей длиной 7,8 км, для чего подверглось разрушению 453 старых здания; в 1890 г. после сноса 812 строений появились 32 новые улицы. Новых домовладельцев обязывали сооружать тротуары. С приходом XX в. вместо конок в Софии начал ходить трамвай, улицы стали освещаться электричеством.

Энергичное внедрение нового не всегда воспринималось с благодарностью столичанами: сказывалась тяга к прошлому. Биограф Д. Петкова отмечает, что запуск в эксплуатацию новой водопроводной сети, где использовались металлические трубы, доставленные из Бельгии и Австро-Венгрии, не произвел на столичных жителей большого впечатления, так как часть их вообще предпочитала пользоваться старыми загрязненными источниками воды, другие же небрежно относились к новой технике, повреждая краны и насосы. Дело было, утверждает автор, и в материальных соображениях (прогресс стоил денег), и в недоверии населения к новому³⁸.

При таком размахе строительства не обошлось, конечно, без промахов и ошибок: некоторые из улиц оказались слишком широкими для своего времени, их нельзя было наполнить ни домами, ни движением; будущие магистрали оставались пустыми, кое-где между домами зияли пустоты, превращавшиеся в огороды, пастбища, складские помещения³⁹.

И все-таки далеко уйти от прошлого не удавалось даже центру государства. Прибывшим в Софию в 1920 г. артистам Московского Художественного театра болгарская столица показалась небольшим южным городком. Один из них — В. В. Шверубович в воспоминаниях «О старом Художественном театре» (М., 1990) писал: «Город София был в 1920 г. маленьким, очень провинциальным. Только центр состоял из четырех—пятиэтажных зданий, а чуть в сторону — и уже дома одноэтажные, с садиками, много глухих глиняных заборов и домов без окон, вернее, с окнами в закрытые дворы — влияние Турции, Востока»⁴⁰.

Румынскому Бухаресту повезло больше — он не унаследовал черт османского градостроительства. Еще до объединения княжеств Валахия и Молдова представители румынских элитарных слоев, получавшие образование во Франции, заразились французской архитектурной модой. Строить дворцы для бояр стали приезжать иностранные специалисты. В 1862 г. Бухарест был провозглашен национальной столицей и вскоре превратился в «маленький Париж». В сравнении с ним столицы Болгарии и Сербии

выглядели «более сельскими», хотя села — наоборот, «более городскими». Эта нерасчлененность между городом и селом долгое время сохранялась в юго-восточной части Балкан. Что резко отличало ее от западной части, граничившей с Габсбургскими и венецианскими территориями⁴¹. Вслед за столицами стали обустраиваться и малые города и поселения.

* * *

Болгарские крестьяне по-своему тоже «модернизировались». Как это происходило на рубеже XIX—XX вв., лучше, чем болгарский писатель и поэт Цанко Церковский, сказать трудно. Поэтому позволю себе длинную цитату из написанного им в сентябре 1899 г. «Воззвания» представителей сельской интеллигенции к болгарским крестьянам с призывом объединиться в свой союз. Считается, что так было положено начало Болгарскому земледельческому народному союзу.

Едва ли в мире есть другие крестьяне, говорилось в Воззвании*, которые вкладывают столько труда в свои нивы, а в награду получают так мало. Да, мы извлекаем едва половину того, что добывает американский, немецкий или французский земледелец на таком же участке земли, затрачивая гораздо меньше труда; мы не знаем новых машин, больших и малых, без которых умные хозяева не принимаются за дело. «Мы действуем по-старому, ветхозаветно (по-болгарски звучит, на мой взгляд, лучше, образнее: как старик Адам. — Р. Г.): стараемся, пыжимся и при явной бесплодности наших усилий, при потерянном здоровье и разбитой жизни, говорим: *«наши отцы не умирали от голода, и мы не помрем»*. Но когда и как жили наши отцы, сколько пашни они обрабатывали, какие потребности имели? И можем ли мы, люди нового времени, с более или менее развитыми потребностями жить так, как они, только бы не умереть с голоду». Уже не одну зиму мы живем тяжело и невесело, но ничто не заставляет нас подумать о своем окаянном положении и вовремя поискать выхода из нашей общей беды. А жизнь каждый день преподносит нам все новые и новые уроки. Идет вперед и мы сами не замечаем, как незаметно уже простились со старыми вещами и привыкли к новым. «Вглядитесь в домашнюю обстановку, в одежду самого бедного из вас, вдруг увидите в них печать новой жизни. Лампа, стол, стул, тарелочки для детей, гребешок, еще что-то — все это приходит в дом как будто невзначай, случайно, а завтра к этому уже привыкаем, считаем необходимым. Детей отлучаем от

* Часть обширного текста Воззвания дается в переложении.

сохи, от стада; все отдаем, чтобы выучить их на учителей, офицеров и прочее. Зачем допускаем эти вещи в свои дома? Очевидно, новая жизнь открыла нам новые пути, и мы вступаем на них, даже не желая того. Но направляем ли мы и свое крестьянское занятие по новым путям, которые нам открыли наука и новая жизнь? Нет. *Здесь мы остаемся такими же, какими были в турецкое время и тысячи лет назад.*

Вспомните, сколько бакалейщиков и сколько торговцев было в селе десять лет назад, и сколько их теперь! Раньше и одного корчмаря не было возможности содержать, сейчас на сто домов имеем четыре-пять корчмарей, бакалейщиков, производителей бозы, мануфактурщиков, жестянщиков, кмета, писаря, 3—4 учителей, попа, а то и с десяток ростовщиков. Кто их содержит? Не мы ли! Явно, что мы уже не те, что были раньше, что мы уже люди с большими потребностями и для этого делаем большие траты. А можем ли мы отменить эти потребности и освободиться от корчмарей, мануфактурщиков, сапожников и прочих? Нет, не можем. Потому что они появляются не по нашей воле, они — плод нашей новой жизни, наших новых потребностей. Из этого следует, что, если мы хотим быть людьми своего времени, то не можем сократить и собственные расходы, вызываемые потребностями времени.

Но делаем ли мы что-нибудь для увеличения своих доходов, чтобы суметь покрыть эти расходы? Применяем ли какой-нибудь новый инструмент в нашем земледелии, какой-нибудь новый способ пахоты, сева, боронования посеянного на нашей пашне, облегчающий труд или более производительный? Нет. В домах, в жизни своей кое-что новое мы приняли, а на земле мы используем еще ветхозаветную соху, пашем и сеем еще старым, первобытным способом. Правда, этот способ обеспечивал наших отцов с их одним-единственным попом, одним учителем и одним бакалейщиком; но нас, уже других, этот способ не пропитает. Нужно своевременно что-то сделать, видоизменить, улучшить, сделать так, как это сделали ученые крестьяне, чтобы соответствовать нашей новой жизни, чтобы удовлетворять наши новые потребности и иметь возможность оплачивать их.

Нас используют, знают, что без нас трудно получить место чиновника или министерское кресло, что именно мы делаем их высокомерными богачами, приводим к власти, а они забывают о нас уже на второй день. Их дело — набивать карманы, когда они у власти, и плакать о нас, крестьянах, когда их отторгнут от нее. А можем ли мы оторваться от них, позволить им самим свободно драться между собой за привлекательную для них мозговую косточку? Нам ведь нужно серьезно задуматься и отдаться заботе об улучшении своего пропадающего чифлика⁴².

Призыв не остался не услышанным. На рубеже веков политическая атмосфера в Болгарии накалилась докрасна. Буржуазные партии отчаянно дрались между собой за лакомые кусочки власти и собственности, за голоса крестьян. Ни о какой политической корректности не могло быть и речи. Страсти переносились в кофейни и трактиры, становились достоянием простых людей. Терпение крестьян, все более понимавших, что они являются лишь жертвенными пешками в чужой игре, достигло предела после принятия закона о так называемой десятине — новом налоге. Он должен был вноситься десятой частью урожая зерна натурой вместо прежнего земельного налога. И. Илчев, кажется, впервые в историографии, разъясняет, что вспыхнувшие в связи с введением десятины крестьянские бунты были вызваны не сутью закона, а тем, что власти не сумели распорядиться собранным богатством, которое гнило на глазах у всех под открытым небом из-за нехватки закрытых помещений⁴³. Взбешенные таким поруганием их труда селяне на местах призывали: жгите снопы, но не давайте их правительству!⁴⁴

Активность крестьян, откликнувшихся на призыв объединиться в свой собственный союз, явилась новым удивительным фактором общественной жизни. 28 декабря 1899 г. в Плевене открылся крестьянский съезд. В нем участвовало свыше тысячи делегатов от 250 местных организаций («дружбы»), принявших решение о создании Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС). Движение за объединение крестьян в каждом селе распространилось по всей стране. И в конце XX в. оказывалось, что глубокие к этому времени старики хорошо помнили события его начала, с большими подробностями и эмоциональными воспоминаниями рассказывали интервьюерам о деятельности своей «дружбы».

Проявившаяся заинтересованность и организованность сельских жителей кажутся удивительными для только еще «пророспающего» люда. Поразительна его массовость. Например, на призыв настоятельства земледельческой «дружбы» села Бяла Церква прийти 25 марта 1900 г. на «громадный митинг», где, помимо прочего, должны были отчитываться о своей деятельности депутаты, собрались, согласно отчету организаторов, 14 тыс. человек из Павликенской, Тырновской, Горно-Оряховской, Севлиево́й, Свиштовской и других околий; шли с развернутыми знаменами, на которых красовались надписи: «Долой десятину!», «Долой правительство!», «Да здравствует освобождение народа!»⁴⁵ Последний лозунг особенно показателен, как свидетельствующий о возросшей политизации сознания крестьян, о внутреннем отчуждении селян от использующих их правителей.

Крестьянин, всегда скептически относившийся к официальной власти, откровенно заявлял, что не хочет ее. Хотя первоначально БЗНС был создан как просветительская организация, в 1905 г. он был преобразован в самостоятельную партию. В основу ее идеологии руководители положили сословную теорию с ее постулатом о главенстве в обществе именно крестьянского сословия. Ее важнейшей составляющей было стремление защитить *свои, особые интересы*, выраженное сопротивление политике масштабной буржуазной модернизации. С этими обстоятельствами болгарский историк Искра Баева связывает появление крестьянских партий в Юго-Восточной Европе, опирающихся на собственную идеологию — аграризм⁴⁶. То же можно было наблюдать и в Центральной, и в Восточной Европе, в Чехии и Польше например, т. е. там, где массив крестьянского населения был достаточно велик.

Известно, что философия аграризма далеко не однозначна, в разных странах и в зависимости от определенного отрезка их истории она получала то или иное наполнение, вплоть до формулирования теории об особом, «третьем» пути общественного развития и попыток лидеров крестьянского движения реализовать ее и возглавить государственную власть⁴⁷.

Хотя крестьянство активно пользовалось таким буржуазным благом, как частная собственность на землю, в идеологии аграризма всегда присутствовала *антикапиталистическая составляющая*. Как таковая, наиболее ярко она была выражена вначале — на рубеже XIX—XX вв., *став едва ли не родовым знаком* идеологии аграризма. Это очень важно осмыслить, как показатель того, что основанная на этой идеологии социальная альтернатива увязывалась крестьянскими партиями с перспективой сохранения прежнего уклада, т. е. оказывалась прямо противоположной идеологии всеобъемлющей модернизации. Иными словами, крестьянство, будучи главным носителем наследия традиционного мировоззрения и социальной организации, оказывалось на пути перехода Балканского юго-востока в новую цивилизацию не только своего рода общественной глыбой, которую нельзя ни обойти, ни пренебречь ею, но и элементом сопротивления модернизации как стратегии. Аграрные идеологии, считает Е. Иванова, весьма адекватно вписались в социальную среду; их авторы не испытывали необходимости «воплощать» принципы модернизации в «народном духе», так как их программы, главной характеристикой которых был отказ от модерности, становились воплощением эгалитарного народного духа⁴⁸. Совпадение партийной программы БЗНС и «народного духа» наиболее плотным получилось в Болгарии. Понимание последствий этого

эффекта не случайно вызвало внутреннее неприятие знатока сельской психологии профессора Н. Генчева. Он писал: «Только сознание такого крестьянина, как болгарский, могло придумать такую политическую партию, как БЗНС, поставившую на своих знаменах в качестве вечного и священного идеала мелкую трудовую собственность; невозможно представить, чтобы в классической буржуазной стране родилась такая патриархальная, такая крестьянская и в то же время такая страдальческая политическая формация, как наш Земледельческий союз»⁴⁹.

Спротивляясь, крестьянство все же вынуждено было приспособляться к меняющимся условиям. В поисках выхода оно обратилось в сфере экономической к интенсивному развитию кооперации. Существовавшие традиции благоприятствовали этому. Так, еще во времена Османской империи в болгарских землях, где сохранялась родовая задруга, а крестьяне объединялись в садоводческие, рыболовецкие и т. п. общества, в 1864—1865 гг. стали создаваться кассы взаимопомощи («общеполезные кассы»), куда средства вносились натурой или деньгами. Характерно, что начало движению было положено по инициативе Мидхад-паши, т. е. «сверху»⁵⁰. Общества взаимопомощи явились начальной формой кооперации. Подобные объединения примерно с середины XIX в. распространились в Германии, Франции, в Скандинавских и других странах, где довольно быстро переросли в потребительские, а затем и производительные кооперации.

В Болгарии дело пошло иным путем: крестьяне долгое время стремились сохранять за кассами их прямое предназначение, сопротивлялись и попыткам властей объединить средства касс и Болгарского Земледельческого банка — соответствующие законопроекты, несколько раз вносившиеся на протяжении 1887—1892 гг. в Народное собрание, были отвергнуты. Борьба государства за аккумуляцию в своих руках капиталов, созданных взносами земледельцев, растянулась на 15 лет, когда, наконец, была установлена смешанная государственно-автономная система управления кассами⁵¹. Постепенно дело управления средствами касс государство все больше стало переводить на себя: персонал касс вместо выборов стал назначаться министром торговли и сельского хозяйства, в 1897 г. ввели принцип принудительного сбора просроченных выплат за взятые кредиты, вплоть до продажи имущества задолжников. Все это вызывало демонстративное недовольство крестьян, выступавших не только против прода-

жи имущества за долги, но и требовавших, чтобы «общинные интересы ставились выше частных». В мае 1901 г. такое прошение, подписанное 4 тыс. сельских хозяев, было подано в Народное собрание⁵².

1903 год ознаменовался завершением процесса объединения земледельческих касс взаимопомощи и Болгарского Земледельческого банка, и таким образом было положено начало *огосударствлению* кооперативных форм в Болгарии. Вокруг Земледельческого банка, сложилась сильная финансовая инфраструктура, а вскоре тем же путем пошел возникший несколько позже Болгарский центральный кооперативный банк. С помощью этих банков кооперативная идея стала массированно распространяться в Болгарии, «своими» кооперативами, в основном потребительскими, начали обзаводиться и партии. БЗНС, например, на своих съездах и в органах печати рекомендовал каждой местной партийной ячейке стать инициатором создания сельского кооператива⁵³.

В результате в начале XX в. кооперация, количественно нарастая, все более стала приобретать качества своеобразного общественного института. Быстрый рост потребительской кооперации, считают некоторые авторы, имел место в 1903—1907 гг. Как отмечает К. Кожухаров, членский состав одного кооператива насчитывал примерно 70—80 человек. Исходя из того, что на одного кооператора приходилось около 7 га рабочей земли, а в среднем на одного крестьянина вообще примерно 5 га, Кожухаров высказывает мнение, что «кооператорами были главным образом средние крестьяне»⁵⁴. Наша соотечественница Э. Г. Вартаньян, наоборот, считает, что в кооперативы шли в основном бедняки. «Можно констатировать тот факт, — пишет она, — что сельское кооперативное движение в Болгарии зародилось и развивалось как движение беднейших крестьян за свои интересы, против эксплуатации»⁵⁵. Полагаю, что это утверждение несет на себе некий отпечаток устаревшего идеологического подхода.

Но, главное, среди кооперативов почти не было производительных, преобладали потребительские, основная цель которых — оказание помощи в сбыте сельскохозяйственной продукции и приобретении промышленных товаров, а также осуществление бытовых форм взаимопомощи. И это обстоятельство существенно отличало болгарскую кооперацию от западноевропейской, где особенно яркий пример явила Дания⁵⁶. Страна мелкого крестьянского землевладения, ориентированного на зернопроизводство, она в 90-е годы XIX в. пережила и поражение в войне с Пруссией, и тяжелый экономический кризис, связанный с потерей позиций для экспорта хлеба. Поиски выхода из положения потребовали основательной пере-

стройки сельского хозяйства в интенсивное. Специалисты по истории Дании отмечают особенность ментальности датских крестьян: они признавали необходимость мобилизации сил для достижения благосостояния и процветания страны (к этому призывали местные идеологи «просвещенного аграризма») и с готовностью занялись реорганизацией своих хозяйств, заменяя традиционное зерновое направление на новое — мясо-молочное. Действенным рычагом для этого явилось создание (как опять-таки подчеркивают исследователи, — самодеятельное) кооперации по переработке и сбыту продукции, для строительства маслобоен и заводов по производству бекона и других мясных продуктов⁵⁷.

«Испытание, выпавшее на долю датского народа, оказалось его спасением», писала российский агроном Е. Н. Вавилова⁵⁸. Экспортировать готовый товар крупными партиями в ту же Англию, куда прежде вывозилось датское зерно, оказалось гораздо выгоднее⁵⁹. Экономический рывок (в исторически короткое время) Дании, население которой составляло немногим больше 2,5 млн человек⁶⁰ по переписи 1906 г., привлек к ней всеобщее внимание, с ее опытом ездили знакомиться делегации многих стран, в том числе из России⁶¹. Один из таких делегатов писал: «Нас, наблюдателей, может поражать... та дружная, планомерная работа, которую проявила вся нация, когда она сознала пользу от новой системы хозяйствования»⁶².

Конечно, предварительные условия для успеха дела были в Дании весьма благоприятными, как с точки зрения степени развития экономической инфраструктуры в целом, так и с точки зрения подготовки для этого «человеческого материала» (по уровню образования населения, в том числе сельского, Дания занимала одно из первых мест в Европе).

Этот экскурс нам понадобился не только для того, чтобы явственнее подчеркнуть различие социально-экономических обстоятельств реализации теории аграризма на Севере и Юго-Востоке Европы на рубеже XIX—XX вв., но более всего — чтобы оттенить значение такого важного фактора, как сознательный выбор обществом *направления мобилизационных усилий*. Забота о выводе страны из тупика, о ее процветании — именно такое наполнение получила в то время *национальная идея* в Дании. Она была обращена вовнутрь, а не вовне, когда бы реализация ее связывалась со стремлением немедленно вернуть земли, утраченные в результате неудачной войны с Пруссией. И это существенно отличало характер мобилизационных усилий датского общества по сравнению с тем, с чем пришлось столкнуться большинству балканских стран.

Между тем датской практикой интересовались и в Болгарии. Естественно, дело упиралось в финансы. Если в Дании, помимо средств касс взаимопомощи, кооперативы могли использовать займы в частных банках (благодаря запасу свободных капиталов на Западе, как свидетельствует Вавилова⁶³), то именно этой возможности не было у крестьян болгарских. А потому развитие кооперации здесь пошло в основном вширь, и главной и, по существу, единственной формой долгое время оставалась потребительская кооперация; лишь в 30-е годы XX в. появилось незначительное количество производительных кооперативов.

Другой отличительной чертой болгарской кооперации явился недостаток самодеятельности крестьянства (чаще всего инициаторами создания кооператива выступали представители сельской интеллигенции) и энергичное включение властей в процесс кооперативного строительства. Очевидно, что коллективизм и патернализм как свойство матрицы традиционализма оказались и в XX в. такой силы, что кооперативизм в Болгарии, получив массивную идеологическую и социальную поддержку со стороны властных структур, стал в этой стране еще одной государственной идеологией и государственной политикой.

В итоге кооперативное движение, охватывавшее не только сельское население, но и низшие (или так называемые «средние») слои городского (ремесленники, мелкие торговцы, лавочники), оказалось в Болгарии, в немалой степени огосударствлено, т. е. поставлено под опеку государства. Этот процесс стал особенно заметен после Первой мировой войны, когда сменявшие друг друга на посту премьер-министра политики (А. Стамболийский, А. Цанков, А. Ляпчев) одновременно являлись и идеологами кооперативизма. Последнее неудивительно, например, для Стамболийского, лидера Болгарского земледельческого народного союза. Но Цанков и Ляпчев считались деятелями буржуазного государства и действительно были ими. Однако именно Ляпчев еще в 1910 г. стал инициатором создания государственного Болгарского сельскохозяйственного кооперативного банка. При правительстве Цанкова кредиты из этого банка выдавались кооперативам избирательно, исходя из центральной задачи укрупнения кооперативных организаций и избавления от мелких. При этом кредитование единоличников почти совсем прекратилось. С помощью государственных банков создавались и новые кооперативы. Выдавая крупные кредиты в 10—11 млн левов, которые, кооперативам, кстати, трудно было освоить из-за их слишком большого размера, государство ставило кооперативное движение под свой контроль и руководство. Целью насаждения

этагистских методов в кооперативное движение и довольно масштабной его поддержки, например, при правительстве Цанкова, болгарский автор В. Тепавичаров считает использование не столько экономической функции кооперации как средства для накопления капитала, сколько ее социальной функции, т. е. в качестве средства взаимопомощи и обеспечения самых необходимых социальных нужд населения⁶⁴.

Сходной была государственная политика в отношении городской кооперации, сосредоточенной в двух основных формах — популярные (народные) банки и кредитные или производительные кооперативы⁶⁵. Кооперативное движение набирало обороты и в последующие годы, — при правительстве Ляпчева, который, будучи премьер-министром, возглавил в 1927 г. Высший кооперативный совет, и позже, вплоть до окончания Второй мировой войны. В данных фактах просматривается, на наш взгляд, очевидное стремление болгарских политиков, при проведении различных мер по модернизации страны, вывести из-под «ударов» реформ основного производителя в стране — крестьянство. Крестьянство в итоге стабильно сохраняло свой изначальный удельный вес в составе населения — до 80%, т. е. без особых колебаний этого показателя как в конце XIX в., так и в середине XX в., и проявляло очень слабую тенденцию к рассасыванию в качестве основного социального слоя. При опоре, главным образом, на старую, традиционную основу государство испытанным способом обеспечивало себе устойчивость.

Оценивая роль кооперации в Болгарии, как формы экономической жизни, которая приобрела в стране гипертрофированные размеры и превратилась в подобие марки, знака экономической самобытности страны в период до и после 1944 г., Р. Аврамов подчеркивает, что вся система кооперативных институтов массово и повсеместно «преподавала» экономическую идеологию коммунальности; кооперативное лобби благодаря своему политическому влиянию повсеместно инфильтрировало принцип предпочтения коллективных форм перед частными; в таких условиях кооперативизм, поднятый до статуса официальной государственной идеологии, вмещался даже государственным служащим, а «антикооперативные» проявления получали негативную государственную санкцию⁶⁶.

Сосуществование государственной идеологии национализма, как присущей эпохе модернизации, и поднятой фактически до такого же уровня идеологии кооперативизма, кажется парадоксальным. Ибо цивилизационно они, мягко говоря, различны. Кооперативизм, развиваясь, утверждает Р. Аврамов, перерастает свои чисто экономические функции и превраща-

ется в *образ жизни**, а «в экономике, где кооперативизм является государственной доктриной, *либеральное экономическое мировоззрение* рождается с трудом, *индивидуалистическое же начало выталкивается на периферию*»⁶⁷; и если в других странах кооперацию считали коррективом капитализма, то в Болгарии ее считали *доступной и желанной альтернативой*; люди же, создававшие в подобной среде стандарты своего экономического мышления, в общих чертах были подготовлены к социализму⁶⁸.

Подводя промежуточный итог, следует сказать, что практика капиталистического развития Болгарии до «революционного» 1944 г. мало согласуется с утверждением, будто наиболее успешно процессы модернизации протекают там, где они опираются на национальные традиции, как об этом, указывая на японский феномен, пишет В. К. Волков⁶⁹. На деле все зависит от исторического времени и «качества» традиций и от того, способно ли общество на основе этих традиций созидать нечто новое или хотя бы позитивно использовать наличную архаику. Ведь даже успех Японии после Второй мировой войны, о котором так много пишут, определяется тем, что традиционные патерналистские устои оказались возможным *встроить в новую систему*, ибо сама система была привнесена США, т. е. извне⁷⁰. Еще более определенно говорит об этой стороне дела В. И. Пантин. Ссылаясь на опыт ФРГ и Японии после 1945 г., он утверждает, что для модернизации, помимо того, что общество должно созреть для демократии и либерализма, оно должно опираться на помощь и поддержку наиболее развитых государств⁷¹. В качестве реплики в сторону приведу слова известного кинорежиссера А. Н. Сокурова, работавшего во многих зарубежных странах, в том числе в Японии: «Японцы — самая усталая нация мира», японцы просто плачут от усталости⁷². Как говорится, без комментариев!

* * *

Уникум или типаж? Вопрос возникает в связи с книгой многократно цитировавшегося болгарского историка И. Илчева. В предисловии к ней автор рассказывает удивительную историю. Японский болгарист Кенджи

* При обсуждении рукописи книги коллега Т. В. Волокитина предложила поменять местами стороны указанной Р. Аврамовым зависимости, считая *первичным* именно образ жизни болгарина, а кооперативизм *вторичным*. Думаю, что это очень рациональное предложение, к тому же никоим образом не подвергающее сомнению вывод Р. Аврамова о ментальной подготовленности болгарского населения к социализму.

Тераджима обнаружил в архиве ныне города Бяла Церква Велико-Тырновского округа дневник местного крестьянина, 31-летнего Илии Ванкова, который тот вел с 1 января до 31 декабря 1900 г. В 1997 г. документ был опубликован в Японии на болгарском языке как издание Института по исследованию языков и культуры Азии и Африки; в 2001 г. в Токио вышел второй том издания с комментариями. Читая дневник, пишет И. Илчев, можно день за днем проследить за повседневной жизнью крестьянина Илии Ванкова в 1900 г. «Нет или, по крайней мере, я не встречал, — продолжает он, — другого подобного документа, вышедшего из-под пера человека из народа, имевшего определенные культурные интересы, с неплохим для своего времени образованием, в котором прослеживается с такими подробностями его бытие». Это записи семейного мужчины, целиком погруженного в повседневность, но и откликающегося на запросы общества и времени. Они дают исключительно редкую возможность проникнуть в привычные дела, заботы и радости обычного болгарина⁷³.

Не известно, почему простой крестьянин взялся за перо. Но его деяние оказалось драгоценным подарком для исследователей истории страны. Для И. Илчева Дневник стал отправной точкой для рассуждений о жизни обыкновенного болгарина, как тот видел ее сам. И для научного аналитического сопоставления «одной крестьянской жизни с общей для Болгарии картиной». Получилась захватывающе интересная книга.

Ванков, утверждает И. Илчев, по своему менталитету, образованию, интересам в известном смысле *нетипичный крестьянин*, скорее он находится на границе между селячеством и горожанами. Как собственно и сама Бяла Церква по своему облику и способу существования⁷⁴. В некоторых отношениях, например, в образовательном, он опережал своих сельских товарищей, «достиг верха образования для крестьянского юноши»⁷⁵. Судя по описанию его жизни, можно предположить, что и по участию в общественной жизни он принадлежал к числу достаточно активных. Действительно, одно перечисление его характеристик способно вызвать уважение. Крестьянин *средней зажиточности* И. Ванков был членом социалистической партии, хотя и «нерегулярным», членом местной «дружбы» БЗНС, членом сельскохозяйственной кооперации, деятелем сельского читалишта⁷⁶. Его имя — в списке *подписчиков* газеты «Република», он получал по подписке и газету «Социалист»; другие газеты мог читать в читалиште⁷⁷.

Был ли этот человек уникальным? Сам Илчев считает, что его герой не отличался существенно от массы народа и ничем особенно не выделялся на ее фоне. Среди населения Тырновского округа — экономически одно-

го из наиболее развитых в Болгарии⁷⁸ и с богатыми культурными традициями, где, в частности, рано возникли образовательные учреждения, возможно, он и являлся более или менее обычным. В Тырновском округе, например, 42% населения были грамотными (70,6% среди мужчин и 29,4% среди женщин⁷⁹). Но если учесть положение в ряде других районов страны, в том числе горных и малопродуктивных, то, на мой взгляд, все-таки был уникалом.

Хотя бы потому, что показатели грамотности в целом по стране выглядят несколько иначе. Например, Н. Генчев указывает: Болгария чуть ли не до начала XX в. была почти неграмотной страной; в 1905 г. только 27,9% взрослого населения умело читать и писать. Даже в 1934 г. меньше половины населения старше 7 лет было грамотным⁸⁰. Но существуют и другие цифры. Так, приводя таблицу, составленную по данным официальных переписей населения, Р. Даскалов для 1905 г. дает общую по стране цифру грамотных — 34,8%, причем в показатель не входят дети до 7 лет; однако у мужчин он поднимается до 50,6%. И особо интересны показатели 1900 г., когда Ванков писал свой дневник: всего по стране грамотность оценивалась в 29,8% (опять-таки без детей до 7 лет), среди мужчин было 45% умеющих читать и писать, среди женщин — 14%; в городе — 52,1%, в селе — 22,3%⁸¹. Не случайно Р. Даскалов отмечает, что *потребность в просвещении* еще до Освобождения развивалась неравномерно на различных территориях: более сильной была в местах, имевших успехи в хозяйственном отношении, именно там открывалось больше школ⁸².

Не абсолютизируя значения и качества самого явления просвещения в Болгарии, тем не менее, думаю, что именно наполнение определенным содержанием такой характеристики, как *потребность в просвещении*, позволяет понять различия в ментальности болгар и, например, сербов, о которых применительно к рубежу XIX—XX вв. А. Л. Шемякин пишет: «Для обычного сербского крестьянина просвещение не стало еще жизненной ценностью и внутренней потребностью»⁸³.

Просветительный процесс имел прямое значение для самоидентификации болгар. Очевидно, потребность населения в этом ощутил Н. Генчев, исследуя эпоху Возрождения XVIII и XIX столетий, когда появились заметные признаки хозяйственного и духовного обновления Оrients. Движение внутри общества, считает он, сопровождалось психической перестройкой людей и формированием потребности в светском образовании. Но, как и откуда его взять? Болгарская аристократия и представители интеллектуального круга — уничтожены в XV в. турками или рассеяны — так был разрушен континуум культурного развития⁸⁴. Новым

интеллектуалам предстояло появиться в Новом времени без связи с традицией, без вливания аристократической струи в их состав, как это имело место в других странах. Они и появлялись в болгарских землях по большей части «самоуками», и их кругозор совпадал лишь с элементарной грамотностью. И это в эпоху, когда Европа переживала духовную революцию Ренессанса и Просвещения!

Когда келийные, примонастырские школы перестали удовлетворять жаждущих знания, получение светского образования пошло по пути обучения в *греческих* школах. Из них вышла первая генерация «интеллектуалов». Лишь в 1830-е годы стали открываться болгарские школы, так называемые *народные*, а десятилетие спустя и *класные* — более высокого уровня. До Крымской войны, указывает Н. Генчев, в Болгарии насчитывалось около 100 школ для мальчиков и девочек⁸⁵. Одновременно началась внешнеполитическая переориентация болгарского образования — с греческого на русское. Появились также первые болгарские ученики и студенты в европейских школах и университетах.

Характерным знаком, показывающим отношение народа (точнее сказать, некоторой его части) к расширению своего кругозора, является *изобретение самим населением* такого образовательного института, как читалишта (*читалище*). К середине XIX в. читалишта существовали уже во многих болгарских селах, а вскоре сеть их распространилась по всей стране. Под читалиште выделялось специальное помещение (села побогаче, особенно в последующие десятилетия, выстраивали и собственное здание, иногда в несколько этажей, формирующие центр поселения), находился энтузиаст (или составлялся соответствующий орган), организовывавший читалищную деятельность. Здесь встречались люди разных возрастов, они приучались *читать для себя*, пользоваться книгами из библиотеки, в том числе брать их на дом, читать газеты, заниматься самообразованием, слушать и обсуждать лекции и беседы (темы их были самые разные — местные и выходящие на вселенские просторы), узнавать имена известных философов и экономистов, гениальных представителей других областей знания.

Каждое читалиште имело свой устав с указанием цели и задач. Вот для примера устав читалишта г. Свиштова: 1) составить городскую библиотеку; 2) собирать повсюду на Балканском полуострове наши народные памятники (пергаменты и ветхие бумажные рукописи, болгарские монеты и т. п.); 3) помогать даровитым юношам и направлять их в случае окончания болгарской народной школы в иностранные европейские училища, по завершении обучения в которых они обязаны вернуться в Болгарию и служить своему Отечеству; 4) помогать тем народным журналистам, которые издают журналы, но нуждаются в средствах⁸⁶.

Большой час возрожденческого просвещения наступил в 1850—1870-е годы, когда в стране действовало уже около 1500 основных народных школ, 50 классных (по два и пять классов) школ для мальчиков и девочек, три гимназии (Пловдив, Габрово, Болград). К середине XIX в. оформляются три пласта «интеллигенции»: низший состоит главным образом из учителей основных школ, священников и монахов, местных церковных и школьных деятелей. Очевидно, он не превышал пять-шесть тысяч человек. Второй пласт — «интеллигенция» со средним и специальным образованием. Это учителя классных и специальных училищ⁸⁷, духовные лица с семинарским образованием, чиновники в торговых фирмах, общественные деятели в городах. Их — не более одной тысячи человек, хотя персонально никто их не считал⁸⁸. Р. Даскалов указывает на наличие 3 198 учителей в период 1860—1870-х годов, причем учителей «зарегистрированных» (по-видимому, в регистр вошли и македонские земли). И заключает: «Достигнутый уровень грамотности, насколько можно установить, составлял около 3%»⁸⁹. Если сравнить последнюю цифру с данными рубежа XIX—XX вв., пусть и несогласованными, сильно разнящимися, становится понятным, сколь велик был рывок, проделанный в данной области по сравнению с турецкими временами.

Если до Освобождения забота о просвещении ложилась на общины, ремесленные объединения и на частных лиц, то с приходом новой жизни в 1878—1879 гг. дело образования перешло в основном в руки государства. Начала выстраиваться централизованная система с органами руководства и надзора. Учителя, прежде относившие себя к людям свободной профессии, теперь должны были подчиняться новой организации, контролироваться не только со стороны общин, но и государственными чиновниками. 4-летнее начальное образование было провозглашено бесплатным и обязательным еще Тырновской конституцией 1879 г. В формировании системы образования и определении его принципов положительную роль сыграли такие крупные личности, стоявшие у ее истоков, как историк и просветитель *Марин Дринов* (позже академик Болгарской, Польской, Чешской, Петербургской и некоторых других академий наук) и известный историк-славист *Константин Иречек* (позже — почетный член БАН, член Венской академии наук, профессор всеобщей истории в Карловом и Венском университетах). В 1878—1879 гг. М. Дринов служил управляющим «отдела народного просвещения и духовных дел», участвовал в разработке Тырновской конституции, настоял на избрании Софии столицей Княжества. Именно М. Дринов предложил трехступенную систему народных школ с бесплатным обучением и стипендиями для бедных, издал временный устав народной школы.

Константин Иречек, еще в 1876 г. написавший книгу «История болгар» (издана тогда же на нескольких иностранных языках), в 1879—1881 гг. служил главным секретарем Министерства просвещения, а в 1881—1883 гг. стал его главой. На этом посту он и старался практически использовать сделанные теоретически разработки. Оба деятеля — и М. Дринов, и К. Иречек — приложили немало усилий для создания Софийской публичной библиотеки.

В 1909 г. был принят закон о народном просвещении, по которому бесплатным становилось и прогимназическое образование, т. е. следующие три года обучения. В 1921 г. оно также стало обязательным. Прогимназические классы имелись не только в городах, но во многих селах. По окончании 3-го прогимназического класса, сдав соответствующие экзамены, ученики получали дипломы об «основном образовании» (7-летнем), что давало им право поступления в гимназию, где обучение длилось еще пять лет⁹⁰.

В целом современные болгарские авторы довольно высоко оценивают роль государства в организации процесса образования и сложившуюся к 1944 г. учебную систему. Целью являлось, отмечает Р. Даскалов, достижение всеобщей грамотности. Эта задача, продолжает он, считалась важной для всех болгарских буржуазных правительств, «в отличие от Сербии и Румынии, где всеобщее начальное образование находилось в запущенном состоянии»⁹¹.

Разумеется, одно дело принять хорошие законы, и совсем другое дело — их реализовать. Болгарская практика не была в этом отношении исключением. Общий для крестьянского сообщества негатив определялся мотивом, что дети нужны в хозяйстве, что для них достаточно церковно-приходской школы; школа же, работающая по единой программе, как бы не «наша», чужеродна. Далеко не всем учащимся удавалось выполнить закон об обязательности образования, закончить положенное число классов. Но нельзя не сказать, что проявленная болгарским государством забота «о всеобщем образовании» закладывала «правильную» с точки зрения теории модернизации основу. Можно, думаю, даже утверждать, что достигнутые в этой отрасли результаты, явились главными во всем буржуазном модернизационном процессе в Болгарии⁹². Хотя полностью решить задачу всеобщего образования, конечно, не удалось. И не только в силу финансовых проблем. На пути стояла традиционная сельская ментальность.

Примечания

¹ Драганов М. Душевност на българския селянин. София, 1974. С. 83.

² Генчев Н. Очерци социално-психологически типове в българската история. София, 1987. С. 66.

³ *Луджев Д.* Двойната модернизация в България. XIX—XX в. // Историята — професия и съдба. Сборник в чест на 60-годишнината на член-кореспондент д. ист. науки Георги Марков. София, 2008. С. 108.

⁴ *Маркова М.* Динамика на селската култура в Кюстендилско през XX век // Известия на исторически музей. Кюстендил, 2004. Т. XI. С. 369.

⁵ *Илчев И.* Указ. соч. С. 118.

⁶ *Даскалов Р.* Българското общество. 1878—1939. Т. 2. София, 2005. С. 11.

⁷ *Аншаков Ю. П.* Становление государственности и органов власти в Черногории (XVIII — первая треть XIX вв.) // Человек на Балканах. Государство и его институты... С. 11.

⁸ *Иванова Е.* Указ. соч. С. 165.

⁹ *Маркова М.* Динамика на селската култура в Кюстендилско през XX век // Известия на исторически музей. Кюстендил, 2004. Т. XI. С. 370.

¹⁰ *Илчев И.* Указ. соч. С. 53.

¹¹ *Шемякин А. Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации... С. 14.

¹² *Илчев И.* Указ. соч. С. 41—42.

¹³ *Маркова М.* Указ. соч. С. 369.

¹⁴ *Дечев Ст.* Градът и общественното мнение през 80—90-те години на миналия век // Балканистичен форум. Благоевград, 1997. № 2. С. 109.

¹⁵ *Илчев И.* Указ. соч. С. 109.

¹⁶ Там же. С. 94—99.

¹⁷ *Иванова Е.* Указ. соч. С. 140.

¹⁸ Цифровые данные приведены в указанной книге И. Илчева, с. 39.

¹⁹ Официальные переписи проводились в 1889 г. в Княжестве и в 1884 г. в Восточной Румелии, а затем — в 1887, 1892, 1900, 1905, 1910, 1920, 1926, 1934 и 1946 гг.

²⁰ Специалист-турколог С. Ф. Орешкова пишет: «Подчинив себе тот или иной район, османские завоеватели проводили там перепись населения. Такие реестры — с численностью населения, количеством земли, доходами — в дальнейшем составлялись каждые 30—40 лет». *Орешкова С. Ф.* Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 12.

²¹ *Даскалов Р.* Указ. соч. С. 13—14.

²² *Генчев Н.* Указ. соч. С. 70.

²³ Там же. С. 77.

²⁴ *Радославов И.* Спомени, дневници, писма. София, 1983. С. 261.

²⁵ Модерният историк... Интервью с А. Пантевым. С. 384.

²⁶ *Аврамов Р.* Указ. соч. С. 104.

²⁷ Цит. по: *Косик В. И.* Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе. 1886—1894. М., 1993. С. 70.

²⁸ Там же. С. 69.

²⁹ *Мичев Д.* Развитие на капитализма в България (1885—1894) и икономическата политика на Стамболовия режим // Изследвания по българска история. Т. V. Вътрешната политика на България при капитализма. 1878—1944. София. 1980. С. 12.

³⁰ Програми, програмни документи... С. 56.

³¹ *Любенова Т.* Исторически и социално-икономически причини за демографското обвързване на Кюстендилския и Търговишкия край. 1878—1960 // Известия на исторически музей. Кюстендил, 2004. Т. XI. С. 64—65.

³² *Мичев Д.* Указ. соч. С. 48—49.

³³ *Ивантеев Р. Н.* Многоликите Балкани // Человек на Балканах. Государство и его институты. Гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.). СПб., 2006. С. 356.

³⁴ *Иванова Е.* Указ. соч. С. 168.

³⁵ *Попов Ж.* Бурният живот на Димитър Петков. София, 1998. С. 62—63.

³⁶ Там же. С. 65—66.

³⁷ Там же. С. 68.

³⁸ Там же. С. 70.

³⁹ *Нейков П.* Завчера и вчера. Скици от миналото. София, 1981. С. 44.

⁴⁰ Цит. по: *Вагапова Н. Н.* О. Массалитинов и болгарский театр // Болгарское искусство и литература. История и современность. СПб., 2003. С. 22.

⁴¹ *Иванова Е.* Указ. соч. С. 167.

⁴² Програми, програмни документи... С. 458—461.

⁴³ *Илчев И.* Указ. соч. С. 37.

⁴⁴ Там же. С. 290.

⁴⁵ Там же. С. 291.

⁴⁶ *Баева И.* Аграризмът като идеология на селските движения в България и Полша до втората световна война // Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. София, 1992. Т. 84—85. С. 183.

⁴⁷ См., например: *Матвеев Г. Ф.* «Третий путь»? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М., 1992. С. 224—226.

⁴⁸ *Иванова Е.* Указ. соч. С. 266.

⁴⁹ *Генчев Н.* Указ. соч. С. 75—76.

⁵⁰ *Кожухаров К.* Селското кооперативно движение в България при капитализма. София, 1965. С. 11.

⁵¹ Там же. С. 15—16.

⁵² Там же. С. 18.

⁵³ Там же. С. 28.

⁵⁴ Там же. С. 29.

⁵⁵ *Вартаньян Э. Г.* Аграрная наука в Болгарии. История и современность. Краснодар, 2002. С. 59.

⁵⁶ См., например: *Зундхаузен Х.* Указ. соч. С. 23.

⁵⁷ История Дании. XX век. М., 1998. С. 5—11.

⁵⁸ *Вавилова Е. Н.* Отчего датские крестьяне стали хорошо жить. Очерк истории Европы в 19-м веке. Изд. 2-е М., 1917. С. 13.

⁵⁹ История Дании с древнейших времен до начала XX в. М., 1996. С. 304.

⁶⁰ Любопытно, что некоторые исследователи считают, что чем выше численность населения, тем больше страна приспособлена к модернизации. См., например: *Spulfer N.* Changes in the Economic Structures of the Balkans. 1860—1960 // The Balkans in Transition / Ed. by Ch. and B. Jelavich. Berkeley, Los Angeles, 1962. P. 347.

⁶¹ *Вавилова Е. Н.* Указ. соч.; *Каратыгин Е. С.* В стране крестьянских товариществ. Очерк развития товарищеского начала в сельском хозяйстве Дании. Изд. 2-е. СПб., 1913.

- ⁶² Каратыгин Е. С. Указ. соч. С. 4.
- ⁶³ Вавилова Е. Н. Указ. соч. С. 34.
- ⁶⁴ Стоянов В., Тепавичаров В. Указ. соч. С. 35.
- ⁶⁵ Там же. С. 366.
- ⁶⁶ Аврамов Р. Указ. соч. С. 27—28.
- ⁶⁷ Там же. С. 29.
- ⁶⁸ Там же. С. 29—30.
- ⁶⁹ Волков В. К. «Славянская идея» и русское национальное самосознание // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 366.
- ⁷⁰ Чугров С. В. К вопросу о сочетании традиционализма и модернизма в современном японском мышлении // Эволюция политических институтов на Западе. М., 2000. С. 88—89.
- ⁷¹ Пантин В. И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997. С. 96.
- ⁷² Московский комсомолец, 2007. 23 нояб.
- ⁷³ Илчев И. Указ. соч. С. 10.
- ⁷⁴ Там же. С. 13.
- ⁷⁵ Там же. С. 74, 79.
- ⁷⁶ Там же. С. 325.
- ⁷⁷ Там же. С. 119.
- ⁷⁸ От его доходов государство в 1903 г. получило больше, чем от Пловдивского и Старозагорского округов, вместе взятых (См.: Там же. С. 51).
- ⁷⁹ Там же. С. 75.
- ⁸⁰ Генчев Н. Указ. соч. С. 63—64.
- ⁸¹ Даскалов Р. Указ. соч. С. 367.
- ⁸² Там же. С. 343.
- ⁸³ Шемякин А. Л. Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // Человек на Балканах. Социокультурные измерения... С. 96.
- ⁸⁴ Генчев Н. Указ. соч. С. 134.
- ⁸⁵ Там же. С. 137.
- ⁸⁶ Деков Д. Литература — общество — культура. София, 1982. С. 208—209.
- ⁸⁷ Генчев Н. Указ. соч. С. 139.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Даскалов Р. Указ. соч. С. 345.
- ⁹⁰ Чичовска В. Политика срещу просветната традиция. София, 1995. С. 10, 141.
- ⁹¹ Даскалов Р. Указ. соч. С. 362.
- ⁹² Гришина Р. П. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.) Отчет о конференции // Славяноведение. 2006. № 6. С. 99.

4. К проблеме нации и национализма

Обратимся далее к идеям нации, государства-нации и национализма, как непосредственно связанным с проблемами модернизации: специалистами установлено — становление и развитие любого государства, обретшего независимость, обычно сопровождается взрывом национальных чувств.

В литературе не раз отмечалось, что под влиянием Великой Французской революции произошел переворот в европейских политических учениях. Центральное место в них заняли доктрины нации как источника суверенитета народа и национального государства — сплоченного, однородного в языковом, религиозном и культурном отношении. Именно они стали в XIX в. в Западной Европе основой политической практики при строительстве здесь новых объединенных государств. Те же доктрины были взяты на вооружение и на постепенно освобождавшихся из-под турецкого владычества балканских территориях, несмотря на изначально невысокую степень их готовности к погоне за современным государственно-политическим и общественным идеалом.

Думается, вопрос о том, что происходит раньше: закрепление международного статуса нового (объединенного) государства, стимулирующего затем формирование нации, или борьба уже сложившейся нации за собственное национальное государство, схоластичен по существу, ибо очевидно, что оба процесса взаимосвязаны, причем это относится как к западноевропейскому, так и к балканскому *субрегионам* (воспользуемся термином, предложенным отечественным славистом В. К. Волковым¹).

Однако все не так просто. Вряд ли случайно появление в XIX в. крылатого выражения: «Италия создана, теперь нужно создать итальянцев». Схожий с ним внутренний смысл отражен в названии вышедшей в 1976 г. книги Еужена Вебера «Из крестьян во французов»², посвященной периоду 1870—1914 гг. В ней американский автор на обширном материале проанализировал путь крестьянской страны от замкнутости и провинциализма к единой и неделимой Франции; среди названных им основных факторов перемен, имеющих некий общий модернизационный смысл и характер, отметим такие: «дороги, дороги и еще раз дороги», «укрыться в городе?», «миграция — из бедности в промышленность», «миграция дру-

гого рода: армейская служба», «цивилизироваться по-серьезному: школы и школьники». Материал книги свидетельствует об известном параллелизме исторического процесса на европейском пространстве: при всей разности ситуации в его отдельных субрегионах степень разрыва в их развитии тогда не ощущалась так сильно, как сегодня, глядя из нашей современности. Темп преобразования крестьян в нацию, по-видимому, действительно, можно отнести к одному из определяющих факторов развития модернизационного процесса, имея в виду при этом также формирование гражданского общества и складывание государства-нации. Когда удалось сделать из крестьян Бретани и Руссильона французов, пишет швейцарец У. Альтерматт, то в принципе стало возможным национализировать и иммигрантов второго поколения иностранцев; так происходила консолидация народа в смысле некоего внутреннего национализма³.

Исходя из этого построения, можно подумать, что модель Франции и Италии имеет общий характер и справедлива для всех стран. Нет, заявляет Е. Иванова, в Германии, например, была реализована другая модель — «обратная»: созданию нации предшествовало возникновение государства⁴. Она полагает далее, что «балканская модель в общих чертах следует германской, правда, за одним возможным исключением — Сербии».

Продолжая размышлять на тему о нации и государстве и обдумывать противоречивый материал, современный английский исследователь М. Хейнс присоединяется к тем, кто предлагает переосмыслить само представление о нации⁵.

Известно, что ни один из вариантов определения нации, предложенных в разное время обществоведами разных школ, не утвердился, да и не мог утвердиться, в качестве общепринятого понятия: оно, как и некоторые другие (например фашизм), будучи широко применяемыми в политической практике, пришли оттуда в науку, где заняли видное место, но несут нагрузку, главным образом, по линии «актуальности». В обзоре понятий нации, которых скопился «целый Вавилон», У. Альтерматт обращает внимание на высокую степень их вариативности, выделения тех или иных специфических черт, а в конечном счете — зависимости от историко-культурного контекста⁶.

Объясняя свою позицию, Хейнс замечает, что «нация» не обладает объективной основой и является мифом, созданным заинтересованными политиками. Он указывает далее, что в установлении национальной идентичности очень велика роль политического фактора; например, спрашивает он, какова идентичность населения по обе стороны границы, или какова роль государства при определении, какой из диалектов становится национальным языком.

Кроме того, «национальная культура», по его мнению, создается превращением культуры определенной группы в культуру более широких слоев населения⁷.

Эта концепция нашла свое место в разработках некоторых современных болгарских исследователей. Среди них — уже известная читателю Евгения Иванова. Ссылаясь на авторитет Б. Андерсона⁸, она подразумевает под нацией «воображаемую политическую общность»⁹. Вероятно, такой подход, связанный с отношением к воображению как фактору своеобразного понимания общественного явления, можно соотнести с теоретическими изысканиями М. Гроха¹⁰, в свою очередь возводящего трехступенную пирамиду национально-освободительного движения малых народов, но также и «строительства» нации у них. В основе пирамиды находится «идея нации» (скорее всего, еще смутная), следующий уровень занимает «национальная идея», выразителем которой становится государство; завершает это построение — «общенациональная идея», олицетворяющая сплоченность государства и социума вокруг единой цели. Более конкретно — на собственно болгарском примере — предлагает реализовать подобную концепцию болгарский автор П. Петков, который доходит до нее, как представляется, самостоятельно и интуитивно. К этому вопросу мы вернемся чуть ниже.

В отечественной науке утвердилось также трехступенчатое, но несколько иное построение: «этнос — народность — нация»¹¹, растягиваемое на ряд веков, в течение которых указанные понятия «по мере их развития» переходят из одного качества в другое. Думаю, что оба подхода не слишком противоречат друг другу. Но, несомненно, приведенные зарубежными коллегами доводы имеют под собой определенные основания, что, в частности, подтверждает балканская практика национального и государственного строительства в XIX в.

Здесь идея нации и националистическая идеология не только активно культивировались во вновь созданных государствах, но очень скоро становились государственными. Для этого действительно требовались усилия субъективного фактора, поскольку, по мнению известного специалиста в этой области Э. Геллнера, нации не даны нам от природы, как и национальные государства не были «заранее предопределенной кульминацией развития этнических или культурных групп»; да и национализм, продолжает он, — это не пробуждение якобы естественных и заранее заданных сообществ, а, наоборот, «формирование новых сообществ, соответствующих современным условиям»¹².

В условиях юго-востока Балкан с их этнической чересполосицей, с частой вынужденной многотысячной миграцией населения с места на место, из страны в страну особенно трудно определить, когда «начинается» собственно нация, и также затруднительно сказать, когда строительство ее более или менее состоялось. В таких условиях «национальный вопрос» обретает качество почти *regretium mobile*, вызывает постоянное беспокойство со стороны интеллектуальной общественности и властей, требует к себе большого внимания.

Это хорошо видно на примере Болгарии, в которую с конца XIX века и в начале двадцатого беженцы прибывали волнами, а после Первой мировой войны хлынули новые десятки тысяч. Только получив в 1926 г. с помощью европейских международных организаций так называемый Беженский заём, правительство Андрея Ляпчева занялось серьезным обустройством масс иммигрантов. И размещением их по специальному плану. Секретарь А. Ляпчева так рассказывал об этом в своих воспоминаниях: «Слушал, как премьер-министр Ляпчев инструктировал инженера Стоимена Сарафова — руководителя Дирекции по размещению беженцев: На Вас возлагается большое, человеческое, народное, но и политическое дело исключительной важности. Вы будете строить поселения для них, но должны иметь в виду и национальные особенности мест, где будете строить. Болгары в Родобах еще не могут оторваться от мусульманской веры, которую смешивают со своей народной принадлежностью, а потому Родопы — не место для поселения беженцев. Также болгары дунайского поречья не могут оторваться от владского (румынского. — Р. Г.) языка. Здесь тоже нечеткое, размытое народное сознание. Не забывайте, что за каждым меньшинством стоит территориальный вопрос. Наше положение достаточно трагично. Пятивековым рабством *болгарскому народному сознанию нанесены тяжелые раны* (курсив мой. — Р. Г.). Вот почему строго следите, чтобы средствами займа создать условия для размещения компактных групп беженцев в Варне, Бургасе, Хасково, Пловдиве и Асеновграде. Внутри самих городов: Месемврии, Созополя, Василико (теперь Мичурин), Анхиало (теперь Поморие) создать кварталы для размещения беженцев... Беженцы — болгары проверенной твердости разместятся вокруг этих городов, в поречье Дуная и в пограничных районах в Елховской, Тополовградской, М.-Тырновской, Свиленградской околий и именно в селах с инородным населением. Компактно следует разместить беженцев в Петричском (теперь Благоевградском) округе. Вы знаете, продолжал Ляпчев, что более 1200 лет назад болгары начали спускаться на юг к равнинам. Их заселение здесь усилилось после крупной победы Симеона над

византийской армией при Ахелое, близ Бургаса. Постройте беженское поселение около места этой победы, и оно будет называться Ахелое»¹³ — городом с героическим прошлым.

К проблеме «нация—язык», думаю, имеет определенное отношение и событие более раннего времени, связанное с формированием языка жителей Софии как столичного города. Перемещение столицы из Тырново в Софию состоялось 3 апреля 1879 г. До того времени именно в Тырново комплектовалась высшая администрация, пополнявшаяся и возглавлявшаяся главным образом представителями северо-восточной болгарской интеллигенции. С их переездом в Софию в городе возникла сложная языковая ситуация из-за того, что тырновская городская разговорная норма, лежавшая в основе также и литературного письменного языка, вступила в повседневное соприкосновение с западной диалектной речью, присущей населению Софии, — во многом простонародной. Правда, специалисты-языковеды считают, что, поскольку софиянцы не домогались престижных постов, а выполняли преимущественно второстепенные и обслуживающие функции, конфликта не произошло¹⁴.

А вскоре в Софию вслед за присоединением в 1885 г. Восточной Румелии к Княжеству Болгария переместилась еще и часть интеллигенции Пловдива, которая в языковом отношении тоже принадлежала к восточному ареалу и таким образом влияние престижной восточной языковой группы в столице усилилось¹⁵. О значении возникновения *языковой идентичности*, как способствующей преодолению локального, т. е. местного сознания, убедительно пишет российский этнолог Ю. В. Иванова. Она подчеркивает, что из языковой идентичности напрямую вытекает культурно-языковая, то есть собственно этническая идентичность¹⁶. Установление иерархии ступеней формирования этнической идентичности представляется важным не только для албанского населения, изучением истории которого занималась Ю. В. Иванова, но имеет непосредственное отношение к народам всего балканского ареала.

Как всякий модернизационный процесс, языковая его «отрасль» носит не только стихийный характер. Свою роль играет и организационно-административный компонент, как в выше приведенном болгарском случае. Естественно, возникают дополнительные трудности для адаптации и высших, и низших слоев населения к изменяющейся общественной и социальной жизни, которые подпитывали едва ли не постоянный общественный стресс. И, может быть, поэтому, пока болгарское государство еще не вышло из «жидкого (текучего) состояния», свойственного периоду становления, пока не окрепло, став в 1908 г. Царством Болгария, вопросы

нации и *борьбы* за полное объединение болгарского народа имели лишь весьма расплывчатые партийно-идеологические обоснования, как об этом позволяют думать *официальные программные документы* болгарских партий. Последнее я подчеркиваю специально, ибо в литературе давно и накрепко утвердилось, думаю, мифологическое, положение о том, что болгары чуть ли не сразу после замены Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора суровыми решениями Берлинского конгресса 1878 г. устремились к реваншу¹⁷. Но взгляды в документы.

Их анализ показывает, что из всех вопросов, поднимавшихся болгарскими политиками и лидерами партий в 1880—1890-х годов на их съездах или в печати, толкование «национальной темы» оказывалось одной из самых разноречивых и несогласованных, менее всего разработанной и приведенной к какому-либо общему знаменателю. Правда, о мечте объединить весь народ воедино вспоминали постоянно, но практически без упоминания самого «идеала» — Сан-Стефано.

В 1878 г. Сан-Стефанский предварительный мирный договор, по которому Македония включалась в состав Княжества Болгария, всколыхнул своей дерзостью и Европу, и Балканы. Для балканских стран «дележ» земель Османской империи имел особое значение. Тому существовали свои причины: освобождение из-под власти Османов любого из балканских народов нигде не происходило полностью и сразу; кроме того, в определении границ и статуса вновь создаваемых государств первая роль всегда принадлежала иностранным дипломатам — российским, английским, французским. Они представляли страны, которые имели свои цели на Балканах и стремились переиграть друг друга. О собственно балканских народах, если и думали, то лишь в третью очередь. В таких условиях за пределами любого из вновь созданных на Балканах государств остались массы населения родственного «племени», что не только породило в каждом из них свою «национальную идею» (точнее, «национальный вопрос»), но ставило задачу реализации ее в центр государственной политики страны. Решение каждого «национального вопроса» предполагало полное объединение в составе одного государства народа (греческого, сербского или болгарского, позже албанского), но также, что не менее важно, и присоединение территории проживания всех его частей к этому государству. Однако традиционное расселение балканских этносов — без четких границ, чересполосно — как бы само уже программировало спорность и острую конфликтность всех попыток решения этих вопросов, совмещение задачи объединения народа с внешнеполитическим экспансионизмом. Что и воплотили в себе вырабатывавшиеся местными идеологами нацио-

нальные планы и доктрины, позже вошедшие в политический лексикон как понятия о Великой Греции, Великой Сербии и некоторых других. Конечно, за пределами этих стран претенциозность объявленных лозунгов, несмотря на их, казалось бы, естественную в каждом случае первооснову, воспринималась в штыки, особенно соседями.

Заменивший Сан-Стефанский договор Берлинский трактат заставил болгарских лидеров глубоко прочувствовать свою зависимость от воли крупных международных авторитетов, а мечту о полном объединении народа упрятать далеко в кладовые памяти. И ждать, ждать, ждать..., пока обстоятельства вокруг новоявленного государства не изменятся.

Сразу после Освобождения Болгарии тон в подходе к национальному вопросу задала Либеральная партия. Смело заявив в партийной программе 1879 г., что на первое место ставит задачу «поддерживать и отстаивать стремление нашего народа к объединению», она тут же подалась назад. «Но, проявляя естественное уважение к Берлинскому договору, — говорилось в этом документе, — мы не будем домогаться объединения, по крайней мере, сейчас, до тех пор, пока будем иметь веру в доброе расположение великих держав к нам, потому что предел нашего терпения находится на границе снисхождения западных государств»¹⁸.

В документальных материалах других партий немало внимания уделялось вопросам взаимоотношений Болгарии с Сербией. Идеологи Радикальной партии, например, подчеркивая свое миролюбие к западной соседке, указывали: «С Сербией, географически наиболее нам близкой, а по народности очень родственной, следует поддерживать братские отношения во всех направлениях и стремиться к единству в политической деятельности»¹⁹. А также предлагали энергично работать в пользу союза балканских народов и, в частности как можно скорее достичь соглашения с Сербией, Черногорией и Румынией.

Значительной популярностью среди болгарских политиков пользовалась идея Балканской федерации, причем в качестве одного из ее резонансов выставлялся довод: чтобы не ссориться с сербами. В 1902 г. «молодежная» часть Демократической партии выступила с лозунгом «Македония для македонцев», обосновывая его следующим образом: мы исходим из того, что основным принципом внешней политики является стремление к образованию конфедерации малых балканских государств (в оригинале употреблен уменьшительный термин «державици»). Первым шагом к этой цели должно быть искреннее сближение Болгарии с Сербией. Но встанет македонский вопрос. Наша позиция при этом такова: поскольку наши «сонародники» находятся под тяжким игом, Демократическая партия

хочет, прежде всего, чтобы они как можно скорее зажили свободной политической жизнью, но будучи *болгарской*, Демократическая партия не может не желать, чтобы болгары Македонии и болгары Княжества составили единое культурное и политическое целое. Однако признавая, что домогательство болгар в Княжестве и в Македонии добиться своего национального желания, в силу политических и социально-экономических причин, естественно, вызывает и вызовет у наших соседей стремление к территориальной компенсации, считаем, что это приведет к тому, что македонский вопрос разрешится либо разделом Македонии, либо ее оккупацией каким-либо крупным государством. А это бесчеловечно по отношению к живущему в Македонии населению и губительно с точки зрения культурных и социально-экономических интересов болгарского народа вообще. Признавая все это, Демократическая партия искренне выступает с лозунгом «Македония для македонцев», что означает — Македония собственными усилиями и при содействии всего болгарского народа и соседних державиц приобретает автономное или независимое политическое существование, чтобы вступить в качестве самостоятельно члена в общую федерацию балканских державиц²⁰.

Эти мирные, даже я сказала бы, благодушные, рассуждения не просто граждан, а официальных органов политических партий Болгарии — страны, на западных, южных и северных границах которой располагались государства, все до одного недовольные появлением рядом с ними нового государства — болгарского, безусловного конкурента в предстоящем возможном дележе земель Османской империи, — никак не соответствовали сложной и напряженной внутривосточной обстановке, не говоря уже об общей международной ситуации. Недружественные соседи давно обзавелись националистическими программами — греческая Мегали идея или сербское «Начертание» определяли стратегические направления внешнеполитической экспансии этих стран. Еще в 1861 г. между Илией Гарашанином, разработавшим за 15 лет до этого «Начертание», и представителем греческой стороны М. Рениерисом состоялись тайные переговоры о разделе Македонии; за ними последовали сербско-греческие переговоры 1862 и 1866—1867 гг., причем внимание переговорщиков привлекали и болгарские земли²¹. Наибольшая острота закладывалась в сербско-болгарские отношения. «Начертание» стало негласной программой развития сербской внешней политики на протяжении всего XIX и начала XX в. В 1885 г. политический и государственный деятель Сербии Милутин Гарашанин, сын Или, представил королю Милану проект «Инструкции о поддержании сербского влияния в Старой Сербии». Пишущий об этом

сюжете автор признает, что «дальнейшая тактика действий королевского сербского правительства вплоть до начала XX в. фактически совпадает с направлениями, выделенными в 14-страничном проекте “Инструкции”»²².

Особенно примечательной является глава 6-я Инструкции с анализом внешнеполитических факторов, от которых, по мнению М. Гарашанина, зависело расширение сербского влияния в Европейской Турции. «В сегодняшней ситуации, — говорилось в тексте, — наш *противник* в тех землях, о которых идет речь, *не Турция, а Болгария* (курсив мой. — Р. Г.)... И Греция, и Сербия имеют сейчас общие цели работать вместе против Болгарии. Для окончательного успеха необходимо иметь на своей стороне Турцию, так как в ее руках власть». Полезной для сербского дела М. Гарашанин признавал и Румынию в роли союзника²³.

Вся последующая балканская история вплоть до Балканских войн, да и после них, позволяет думать, что сербские стратегические разработки делались весьма основательно.

В Болгарии же только Либеральная партия (радославистов), более «крутая» по сравнению с прежней («старой») Либеральной партией, проявляла раздражение, характеризуя состояние вопроса об объединении «всего болгарского племени», как плачевное. Еще в 1887 г. на страницах газеты «Народна воля» радослависты попытались в трех программных статьях проанализировать международную обстановку с точки зрения «болгарских национальных интересов» и «предложить внешнеполитическую концепцию развития Болгарии»²⁴. На съезде в июле 1895 г. сторонники В. Радославова, внешнеполитически ориентировавшегося на Германию и Австро-Венгрию, заявили: «Македонский вопрос является национальным, а не партийным... Съезд выражает сожаление, что нынешнее правительство держится в этом вопросе *неясной, неопределенной и непоследовательной позиции* (курсив мой. — Р. Г.), что делает сомнительным улучшение участи македонского населения»²⁵.

Но, строго говоря, в Княжестве особой ясности в постановке «национального вопроса» не наступило и после демарша «радославистов». Тактика, заложенная в первые годы существования Княжества Болгария и состоявшая в том, чтобы не провоцировать соседей и великие державы четническими выступлениями в Македонии, очевидно, устраивала болгарское население, которое усиленно занималось собственными делами. В этом отношении любопытны дипломатические рапорты бельгийского представительства в Болгарии. Исследовавшая их В. Костова отмечает, что в период 1879—1885 гг. тема Македонии в них вообще отсутствовала, и что болгарское правительство твердо держалось негативной позиции в отно-

шении организации чет и отправки их в Македонию. И даже предпринимало конкретные меры против самоорганизующихся чет²⁶.

Линия на сдерживание четнической деятельности продолжалась и в последующие годы. В рапорте бельгийского представительства от июля 1886 г. говорилось: «Все усилия Князя направлены на установление порядка и спокойствия; сам Князь решительно препятствует всякому движению в Македонии, которое пытается возбудить Россия»²⁷.

Главный формальный момент, конечно, заключался в том, что Княжество Болгария, оставаясь в вассальной зависимости от Турции, не располагало свободой внешнеполитических действий. К этому можно приплюсовать определенную пассивность болгарских интеллектуалов и политиков, не торопившихся определить государственно-национальную цель и разработать программу ее достижения. Остановимся на этом вопросе чуть подробнее.

* * *

Проблема формирования болгарской нации неотрывно связана с *особенностями складывавшегося на болгарских землях слоя интеллигенции*.

В развитых странах слой интеллектуалов немало поспособствовал формулированию национальных идей, стратегических задач государства, обоснованию и распространению в массах общественных ценностей и национальных интересов, развитию других подобных инициатив. Такую же роль местные интеллектуалы пытались играть и в освободившихся из-под османского гнета странах юго-востока Балкан, причем в ряде случаев они занимались этим задолго до получения полной независимости. Как людей, получивших заграничное образование, их в балканских землях стали на русский манер именовать «интеллигенцией»; по традиции так их называют и в современной исторической литературе, хотя применительно к середине XIX — началу XX в. правильнее, конечно, говорить о *пред-интеллигенции*.

Это «*пред*» является главным объяснением особенностей болгарской интеллигенции (условно сохраним для удобства термин в его полном звучании). Прежде всего, ее слой был чрезвычайно тонок, если говорить не о нижней категории — народном учительстве и местном духовенстве, а о достаточно образованных людях. Н. Генчев приводит любопытные цифры: к середине XIX в. интеллектуалов с высшим образованием в Болгарии насчитывалось около 600 душ. Это были опять-таки учителя, но более высокого уровня, высшее духовенство, около 100 врачей и фарма-

цевтов, несколько десятков художников, редакторов газет, писателей, публицистов, общественных деятелей, государственных чиновников²⁸. Несмотря на высокое образование и расширение кругозора, каждый из них, как правило, сохранял верность патриархальной нравственности, да и вообще патриархальности во всем — в душе, в обычаях, в общении, в образе мысли и жизни. «Десятилетия нужны, — замечает Н. Генчев, — чтобы такой интеллеktуал мог вырваться из своей среды, преодолеть первичный образ жизни и традиционного мышления. И даже когда он стремится быть европейцем, остается болгаринoм и ориентальцем, продолжает быть похожим на своих отцов и дедов, менталитет которых он переносит в область культуры и общественной жизни»²⁹.

Высшее образование способные молодые люди могли обрести только за границей, и получали его в разных странах — в России, во Франции, Германии, Чехии, Австрии, реже в Англии, заражаясь *разной новой*, иногда совершенно чуждой ментальностью. В России прошли курс обучения в средних и высших учебных заведениях около 700 человек. Что касается высшего образования, то в российских университетах и духовных академиях было подготовлено свыше 30% болгарской интеллигенции.

Наше указание на *пред-*интеллигентность подчеркивает и то обстоятельство, что одно только образование еще не делает человека интеллигентным. Для этого необходимо, по меньшей мере, обрести умение мыслить *самостоятельно, быть свободным в своих убеждениях*. А тут такая мозаика предпочтений — кого выбрать как знамя, на кого ориентироваться! Одни уповают на самобытность, пишет Н. Генчев, другие становятся униатами, третьи — русскими чиновниками, четвертые — английскими миссионерами, пятые — «турецкими подхалимами (подлизами)», шестые — экзальтированными грекоманами, седьмые — иностранными агентами и т. п. «Так в условиях Востока, в духовном и политическом водовороте национального возрождения интеллигенция не может найти определенную позицию между своим и чужим»³⁰. Это *начальное раздвоение* едва ли когда-нибудь будет разрешено! — восклицает Генчев. И, как увидим дальше, оказывается прав.

По причине разнообразия источников высшего образования — множества университетов западноевропейских и восточных — *единого интеллектуального круга* среди бывших студентов по возвращении их на родину не складывалось. Н. Генчев отмечает это с огорчением, добавляя: «Русский питомец наряду с тульским самоваром привозил в Болгарию дух русской культуры, политические мечтания русского славянофила, народника или разночинца. Французский лицеист возвращался не только с ро-

манами Поля де Кока, но и с большими амбициями в отношении своего творческого будущего, ожидавшегося как блестящее, но скоро оказывалось, что надежды не реализуемы, и что понимать Ламартина и самому писать стихи — не одно и то же. Бывший студент, учившийся в Германии или Вене, пытался навести порядок и систематичность в личной жизни и в офисе или школе, но вскоре ориентальская размагничность сообщила ему, что в этом нет смысла. Английский питомец, приобретает космополитический взгляд на мир, быстро окунался в торговлю, поняв, как трудно строить большую культуру»^{31*}.

Но где и когда интеллигенция представляла собой «единый интеллектуальный круг»? Большим положительным качеством является как раз обратное — брожение и противопоставление разнородных идей и культурного опыта, соперничество в достижениях, стремление к современному культурному строительству. Государства, которые видели источник движения не в гармоническом единстве действий интеллектуалов, а в разногласиях между их противоречивыми высказываниями и непоследовательными действиями³², выигрывали скорее.

Однако правда состоит в том, что полноценно, творчески использовать в родном отечестве полученное образование болгарину было не так просто. За спиной новоиспеченных интеллектуалов стояли только *иностранные «отчимы»*, а не единокровные просвещенные отцы, на которых всегда можно было бы опереться. На родине «на хлеб» приходилось зарабатывать самим — отсутствие надлежащих экономических условий в Княжестве не позволяло, или, по крайней мере, сильно затрудняло занятия само-

* И сразу приходит на ум история Ивана Е. Гешова, семь лет учившегося финансовым и политическим наукам в Манчестере. Силой обстоятельств или волей случая по возвращении в Болгарию он действительно погрузился в дела торговые, правда, помимо многого другого. Но не отразились ли «английские годы» на характере молодого еще политика, когда, вернувшись на родину, он сразу оказался в пучине острой полемики и борьбы за церковную независимость. И в отличие от резких контрастов, свойственных балканской политической культуре, отстаивал необходимость постепенно и последовательно решать задачи борьбы за самостоятельное государство, что станет, уверяет нас биограф Гешова болгарский историк Е. Стателова, «основным принципом его дальнейшей общественно-политической деятельности» (*Стателова Е.* Иван Евстратиев Гешов или грънливият път на създанието. София, 1994. С. 19). Вот эта добропорядочность, несвойственная болгарскому политическому миру, в который вошел Гешов, приняв в 1911 г. портфель премьер-министра, помноженная на присущую ему лично патриархальную наивность, погубила его карьеру еще в ходе Первой Балканской войны и, можно сказать, сломала его как личность.

стоятельным трудом, личным творчеством; приходилось гнаться за государственной копеечкой, чтобы прокормить семью. Правда состоит и в том, что часть интеллигенции, вскоре сошла на нет, угасла как культурная сила: человека, не стремящегося совершенствоваться или не имеющего условий для этого, среда засасывает.

Многоликая правда состоит еще и в том, что балканским образованным людям приходилось становиться «и созидателями государства, и основателями научных и культурных учреждений, пионерами научных дисциплин и течений в искусстве»³³. Это пишет о Сербии XIX—XX вв. сербский ученый Латинка Перович. Что в полной мере можно отнести и к Княжеству Болгария, где строительство партийно-политической системы также потребовало «мобилизации» образованных кадров.

Но это означает, что в обеих странах довольно быстро произошло сращивание интеллектуальной элиты с политической, люди с высшим образованием уходили в политику. Однако различные и неустойчивые культурные предпочтения «интеллигенции» нередко вели к формированию среди ее представителей противоположных политических ориентаций. Они-то и разделили болгарскую интеллигенцию *политически*, уже в первом ее поколении. В итоге «образованные», вступая в руководство буржуазных партий, оказывались втянуты в политическую борьбу, обострившуюся в Княжестве до крайности. Из-за различных представлений и предпочтений, демонстрировавшихся отдельными партиями, их лидерами и близким окружением, в стране воспламенились страсти «филов» и «фобов»³⁴. Русофобы нападали на русофилов, свои ниши занимали англо- и германофилы. Ожесточенность политической борьбы как неприятная новость вносила смущение в народ: «Турок нет, но теперь яростно враждуют свои, разделенные на политические партии, на «дипломированных» и «неученых», на заслуженных борцов и самозванцев — «пришедших на готовое», на идеалистов и торгашей». Анализируя сложившуюся атмосферу, Й. Пелева выделяет чувство обманутости (об этом ли думали?), которое «осязательно вошло в коллективную психологическую установку после 1878 г.»; это чувство диктовало восприятие образа дня, который казался хуже, аморальнее, несправедливее дня вчерашнего³⁵.

Но уход болгарских интеллектуалов в политику не приблизил их к решению конкретной государственно-политической задачи — разработке приоритетов национальных интересов страны и способов их реализации. Впрочем, никто перед ними этой задачи не ставил. Предполагаю, что это обстоятельство можно связать не только с общим характером внешней политики Болгарского государства, о чем говорилось выше, но и с внут-

ренним состоянием самих болгарских интеллектуалов: очевидно, они действительно не обладали достаточной степенью самостоятельности и необходимой в данном случае дерзостью, чтобы самим заняться таким делом.

Как каждый субъект, не имеющий крепкой социальной опоры в виде аристократического происхождения, которое возвышало бы его над остальными, или в виде интеллектуального семейного рода либо соответствующего окружения, получивший образование за границей болгарин, видимо, и в самом деле не чувствовал себя уверенным в изменившемся и продолжавшем изменяться отечестве. Ни в своем быте, погружаясь вновь в родимую атмосферу, ни в своей деятельности. Некоторые болгарские авторы пишут даже, что болгарин, «*вдруг оказавшийся — а с определенного угла зрения и насильно — в совсем новой, тотально иной ситуации, испытал болезненный культурный шок*»³⁶.

Повторюсь, соседи по полуострову уже обзавелись и греческой Мегалидией и сербским «Начертанием» с ясно выраженными экспансионистскими целями. Болгарские интеллектуалы все еще метались в неопределенности. В качестве причин того, что они так не выработали национальную концепцию страны, в болгарской литературе приводятся разные соображения, в том числе довольно неопределенные. Например, указывается, что в различные периоды истории болгарская интеллигенция старалась быть исключительно толерантной ко всем³⁷. По-видимому, имеется в виду неоднократное попадание болгарского народа в иноземную зависимость, когда толерантность вырабатывалась в первую очередь по отношению к завоевателю.

Но оказывается — речь идет не только о периодах существования болгар в условиях внешней зависимости. Некоторые болгарские ученые вообще относят толерантность к одной из фундаментальных характеристик своей нации, а выработку сравнительно высокого уровня этого качества связывают с «*солидарностью и диалогичностью*» как нормы поведения, что, помимо прочего, согласно этой концепции, придало национальной идентичности «*мягкость*». Корни архетипов в болгарском обществе современных лингвисты ищут в вековом мультиэтническом существовании³⁸.

Не со всем здесь можно согласиться. Применительно к отношениям болгарского населения с завоевателями правильнее, по-моему, говорить о его способности к *адаптации*, приспособляемости; высокую степень толерантности болгары действительно демонстрировали, но не вообще, а главным образом, по отношению к другим конфессиям, но это качество почти не проявлялось в политической борьбе, уровень которой вполне соответствовал общему балканскому образцу с его основными чертами в виде грубого насилия, бескомпромиссности.

Однако вернемся на короткое время к вышеприведенному тезису Н. Генчева о том, что *начальное раздвоение* в мыслях болгарского интеллектуала едва ли когда-либо в будущем будет разрешено.

Думается, что в таком видении главных комплексов родной интеллигенции болгарский историк был прав. Подтверждением тому является, на мой взгляд, распространившийся с конца XIX в. постулат о «перекрестном человеке», т. е. человеке, стоящем на перекрестье дорог и оказавшемся перед множеством смыслов и дилеммой выбора. Мироощущение и поведение людей, которые испытывают такой комплекс, родом, как считают болгарские философы и литературоведы, из сферы коллективно-несознательного, и связан он с бытием болгарина на географическом, культурном и религиозном перекрестье. Ему недостает внутренней силы, чтобы понять все выгоды «бытия на перекрестке», он видит перед собой только одну из возможностей.

Это состояние затягивается надолго. И в XX в. продолжают драматические споры интеллигенции о выборе отношения к иностранным культурам, в котором она не может определиться. Донеда, — пишет современный литературовед А. Алимпиева, актуальны суждения 1930-х годов типа: мы находимся в тупике, наша проблема, состоящая в том, что мы расположены между Востоком и Западом, не покрывается ни светом тайны, ни светом знания³⁹. Автор приводит слова болгарского философа Бориса Йоцова, относящиеся к 1930-м годам и во многом объясняющие смысл явления: «На перекрестье собирает пир так много стихий! Какой должна быть болгарская нравственная, культурная ориентация, на что должны быть направлены национальные усилия в пользу завтрашнего дня? Что должен делать малый народ, чтобы стать сильным духом, чтобы уметь отбивать удары? Мы не одни, живем не только своим страданием, но и страданием Европы. Каково место нашего народа среди других народов, каково его историческое предназначение?»⁴⁰

Комплекс «перекрестного человека», видящего в своем местоположении, главным образом, недостатки, вновь актуализировался в Болгарии в кризисные 1990-е годы. В родстве с этими обстоятельствами, считаю, находится нынешний поток академической и другой литературы о болгарине как исторически пострадавшем от жизни на реальном (физическом и геополитическом) и символическом перекрестке⁴¹.

Это перекрестье по-своему волнует и известного болгарского профессионального историка и писателя Веру Мутафчиеву. Но вопрос она ставит по-другому, расширяя его до сопоставления Балканского полуострова с Пиренейским, которые с двух сторон охраняют Средиземное море

и выполняют, таким образом, сходные функции. «Почему мы, — пишет она, — постоянно подчеркивая, что живем на перекрестке Азии и Европы (как будто все части континента не являются такими), сумели извлечь так мало духовной пользы от своего объективного местоположения? Почему соприсутствие даже не двух, а большего количества культур дало на Балканах результат, столь отличающийся от иберийского?»⁴² Ответа на свой риторический вопрос автор не дает, но думается, что для любого человека, знакомого с балканской ситуацией, он все-таки более или менее ясен.

Тем интереснее, как представляет себе ситуацию на Иберийском полуострове В. Мутафчиева, на него ведь также «пали века мусульманского владычества», притом их было семь — с 711 по 1492 гг.! И все семь веков, с самого начала — «как будто стремление отбросить назад в Африку иностранного пришельца мобилизовало дух испанцев» — местное население боролось против арабского нашествия. Но, главное, и В. Мутафчиева это подчеркивает, что, несмотря на конфликт между завоевателями и подвластными, противостоявшими друг другу в религиозном отношении (следовательно, и в культурном), он не помешал взаимному проникновению друг в друга двух враждующих сторон и образованию некоего третьего элемента — культуры Аль Андалуз. Возникновение «невероятного синкретизма» — «целостного бытия принципиально несовместимых для тех времен компонентов: христианства (католицизма в чистом виде) и ислама, а также третьего компонента — иудейства», — Мутафчиева называет «шедевром иберийского духовного синтеза»⁴³. Философская его часть, продолжает она, была широко известна в Кордовском халифате в XII столетии — философами такого уровня тогда не располагали ни христианство, ни ислам, ни иудейство.

Такой экскурс мне кажется интересным и полезным, во-первых, самой постановкой вопроса В. Мутафчиевой, а, во-вторых, потому что позволяет лучше понять значение (в каждом конкретном случае) неуловимого — *духа нации*, предположить, как формируется внутренняя, установочная часть ментальности того или иного народа, почему народы, живущие примерно в одних и тех же физических и географических условиях, так разнятся между собой.

Подводя некоторый итог, выскажу мнение, что «долгоиграющий» комплекс «перекрестного человека» в кругах болгарской интеллигенции связан не столько с *промежуточным* положением Болгарии между Западом и Востоком, сколько с сильно затянувшимся пубертатным возрастом самого «слоя образованных».

Не о том же ли пишет и Н. Генчев, так формулируя свой вывод: «Обрисовать социальную и психологическую характеристику болгарской интеллигенции можно только как очень сложную. Вышедшая из низов, она осталась верной своему народу, его культурным традициям и общественным вожделениям. Но, разделяя с народом его образ жизни, она сама задерживалась на патриархальном уровне, оставалась в ограниченных провинциальных рамках»⁴⁴.

Примечания

¹ Волков В. К. Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 350.

² Weber E.. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France. 1870—1914. Stanford, 1976. В 1983 г. переведена на французский язык.

³ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 44.

⁴ Иванова Е. Указ. соч. С. 183—184.

⁵ Хейнс М. Историкът и идеята за нацията // Исторически преглед. София, 1998. № 5—6.

⁶ Альтерматт У. Указ. соч. С. 29—37.

⁷ Хейнс М. Указ. соч. С. 222.

⁸ Anderson B. Imagined Communities. L.-N.Y. 1991. P. 6; Андерсон Б. Воображаемые общества. М., 2001 / Пер. с англ.

⁹ Иванова Е. Указ. соч. С. 183.

¹⁰ Нации и национализм. М., 2002.

¹¹ См.: Литаврин Г. Г. Этнос—народность—нация // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб, 2002.

¹² Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 114—115.

¹³ Научен архив на Българската академия на науките. Сб. IV. А. е. 194. Ч. 1. С. 56—57. Янчулев М. Септември 1918 — септември 1944.

¹⁴ Виденов М. Социоллингвистика. Основни тезиси. Български социоллингвистически проблеми. София, 1982. С. 132.

¹⁵ Там же. С. 133.

¹⁶ Иванова Ю. В. Формирование идеи собственного государства в Албании в конце XIX — начале XX века: принципы Национального Возрождения и традиционное общественное мышление // Человек на Балканах. Государство и его институты... С. 114.

¹⁷ Если судить по болгарской исторической литературе, не только прошлого времени, но и нынешней, то главным остается впечатление, что после Освобождения, особенно в конце XIX — начале XX в., все кипело в стране в страсти по объединению. Особняком стоит мнение И. Илчева, утверждающего: отнюдь не македонский вопрос находился в центре политических баталий: «Исторические исследования, — пишет он, — дурачат нас, уверяя, что основным помыслом болгар в эти годы была политика в целом и особенно македонский вопрос» (Илчев И. Указ. соч. С. 274).

- ¹⁸ Програми, програмни документи... С. 20.
- ¹⁹ Там же. С. 299.
- ²⁰ Там же. С. 297.
- ²¹ История на България. София, 1987. Т. VI. С. 32.
- ²² Тимофеев Ю. А. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда. 1878—1912. СПб., 2007. С. 40—41.
- ²³ Там же. С. 43—44.
- ²⁴ Георгиев Б. Политическата култура на Либералната (радославистка) партия, отразена в програмите и документи от XIX в. // Понятия, времена, ценности в историческото познание. Сборник доклади. Варна, 2004. С. 229.
- ²⁵ Програми, програмни документи... С. 123.
- ²⁶ Костова В. Македония и македонският въпрос в белгийски дипломатически документи. 1885—1908 // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите. София, 2005. С. 343.
- ²⁷ Цит. по: Костова В. Указ. соч. С. 344.
- ²⁸ Генчев Н. Очерци социално-психологически типове в българската история. София, 1987. С. 138—139.
- ²⁹ Там же. С. 147.
- ³⁰ Там же. С. 149.
- ³¹ Генчев Н. Указ. соч. С. 14.
- ³² Как это делали, например, власти Австро-Венгрии еще во второй половине XVIII в. См.: Хаванова О. В. Школа как государственное дело: реформа образования в монархии Габсбургов в XVIII в. // Человек на Балканах. Социокультурные измерения... С. 86.
- ³³ Перович Л. Сербия в модернизационных процессах XIX—XX веков // Человек на Балканах. Социокультурные измерения... С. 39.
- ³⁴ Генчев Н. Указ. соч. С. 148.
- ³⁵ Пелева Й. Идеологът на нацията. Думи за Вазов. Пловдив, 1994. С. 8.
- ³⁶ Там же. С. 8.
- ³⁷ Живков Т. Ив. «Когато се формираха балкански нации, диалогът между интелектуалците беше ежедневен» // Балканистичен форум. Благоевград, 1997. № 3. С. 17.
- ³⁸ См.: Александрова Т. Проблемът свое-чуждо и дебатът за българския книжовен език през Възраждането // Националният език в условията на чужди влияния и глобализация. Сборник с доклади от научна конференция с международно участие, посветена на 125-годишнината от рождението на Стефан Младенов. София, 2006.
- ³⁹ Алимпиева А. Български комплекси. Варна, 2001. С. 11.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ См., например: Стойнев А. Генезис на кръстопътния човек — култура на траки, прабългари и славяни // Философският образ на кръстопътния човек в съвременната българска култура — рационалност, духовност, религиозност. Сборник научни трудове. София, 1996.
- ⁴² Мутафчиева В. Паралели на историята — Иберия и Балканите // Списание на Българската академия на науките. София, 2000. № 6. С. 5.
- ⁴³ Там же. С. 4.
- ⁴⁴ Генчев Н. Указ. соч. С. 150.

5. Болгарская историография последних лет о нации и национализме

Накопление нового материала заставляет еще и еще раз возвращаться к большим и важным вопросам, в той или иной мере уже обсуждавшимся. В частности, к вопросам образования болгарской нации, формирования болгарского национального сознания, понимания собственной идентичности и т. п. Не предпринимая здесь попытки полноценно актуализировать эту проблематику, хочу привлечь внимание читателя к части ее аспектов, с которыми пришлось попутно встретиться при знакомстве с болгарской историографией последних лет. Остановлюсь пунктирно и отрывочно, главным образом, на тех работах, что вызывают у меня понимание и внутренний отклик.

В первую очередь речь о тезисе З. Дунова, болгарского специалиста в области философии, — об *отсутствии в науке определения нации*. В отличие от ряда исследователей, которые легко оперируют термином «нация» и с легкостью могут заявить, что болгарская нация сложилась к 1870 г. или к 1878 г., Дунов не склонен к поспешным выводам и, прежде всего, из-за неопределенности самого понятия. Он пишет: «И поныне в мировом масштабе спорят о том, что такое нация, когда она зарождается и формируется, каковы конструирующие ее фундаментальные характеристики, каковы ее перспективы, по крайней мере, в обозримом будущем»¹.

Евгения Иванова, понимающая под нацией «воображаемую политическую общность», «конкретизирует» ее так: ее очертания флюидны, изменчивы и неопределенны. Невозможно сказать, не только с какой даты существует нация, но и ответить на более расплывчатый вопрос — с каких пор? Ибо «воображение себя нацией» — это длительный и не односторонний процесс. Но ясно только, заключает она, что в XIX в. Правда, аргументом при этом служит лишь одно обстоятельство — расхожий тезис: «недаром он был назван “веком наций”»².

В связи с этим, хотя и в другом аспекте, любопытны наблюдения другого болгарского специалиста — обществоведа Н. Аретова — о «глубокой фрагментарности» болгарского общества в эпоху Возрождения, причем

не в классовом, а в территориальном смысле. Н. Аретов, признавая, что основное направление движения было центростремительным, к единению, состояние общей идентичности характеризует как «драматическое»³. Конкретные материалы свидетельствуют, что такое положение сохранялось и в более позднее время. Так, Г. Граматиков, исследуя население южного города Хасково в середине XIX в., сообщает, что в нем доминировали мусульмане. Он же приводит доклад русского консула в Пловдиве Найдена Герова графу Н. П. Игнатьеву о населении 206 сел Хасковской околии в 1876 г., среди которого насчитывалось 33,3 тыс. турок и 25,5 тыс. болгар⁴.

Еще большее этническое разнообразие существовало в Северной Болгарии — территории между Дунаем, Черным морем и горами Стара-Планина. Отсюда пестрота тогдашней региональной терминологии как основной: болгары, мизийцы, румелиоты. Причем до Освобождения именно эта часть ассоциировалась с наименованием «Болгария»⁵. Этническое разнообразие увеличивалось по мере того, как города по Дунаю и Черному морю становились транзитными центрами международной торговли, в них открывались консульства Австрии, Франции, появлялись немецкие, итальянские, польские колонисты. Это был, утверждает С. Елдыров, конгломерат различных наций, культур и традиций, по вере — в основном католики. Большая этническая пестрота и смешение различных религий способствовали созданию школ по конфессиональному признаку. Например, в Русе в 1901—1902 гг. учились дети болгар, румын, армян, русских, итальянцев, немцев, а также выходцев из Австро-Венгрии; по вероисповеданию они являлись католиками, православными, иудеями, армяно-грегорианцами⁶.

Но Северная Болгария, напомним, — это также область, осваиваемая болгарскими католиками, которые жили в селах, закрытыми общинами, мало общающимися даже между собой за пределами религиозных служб⁷.

Само Освобождение Болгарии, скорее, пожалуй, усложнило процесс консолидации населения, чем ускорило его. Ибо Освобождение повлекло за собой усиление миграционных движений как в результате частичной перекройки карты Балканского полуострова, согласно решениям Берлинского конгресса 1878 г., и заселения земельных пространств, освобождаемых турками, так и благодаря планомерному заселению пустующих земель по указанию государственной власти (соответствующий закон был принят в мае 1880 г.; в декабре 1881 г. последовало дополнение к нему). Беженцы из Македонии и Одринской Фракии массово переходили грани-

цу и заселяли районы вокруг Кюстендила, Дупницы, Радомира, Софии⁸. Происходил также самостоятельный захват земли, например, при спуске «балканджиев» (горцев) с Балканских гор на равнину. Кроме того, тысячами возвращались с семьями болгары из Баната, их селили по дунайскому побережью. Менялся образ жизни, хозяйственный уклад. Правда, новое расселение осуществлялось по старому принципу — по этническим кварталам-махалам (армянским, еврейским, румынским, болгарским, турецким, цыганским и т. п.)

В итоге представляется, что, по крайней мере, в течение двух десятилетий после Освобождения, вряд ли правильно говорить о спрессованности населения в монолитную массу, о *консолидированной нации*, как об этом в работе, опубликованной в 1999 году, писала российская исследовательница И. Ф. Макарова, непонятно почему с легкостью соглашавшаяся с выводом болгарской историографии конца 1970-х годов, будто уже к Освобождению произошло «завершение процесса духовного и культурного обособления» болгарской нации⁹. К сожалению, тезис И. Ф. Макаровой — интересного и профессионального автора — способствовал живучести тогдашней болгарской точки зрения и в отечественной историографии. Справедливости ради стоит отметить, что в недавно вышедшей монографии И. Ф. Макаровой «Болгарский народ в XV—XVIII вв. Этнокультурное исследование» (М., 2005) указанное положение отсутствует.

Другой российский автор — К. Л. Струкова также соглашается (возможно, по условиям времени, когда она писала свою работу), что к 1870 г. процесс формирования болгарской нации был в основном завершён¹⁰. Однако наблюдения, которыми она делится с читателем, играют, скорее, роль контраргументов. Так, она отмечает, что при наличии национального ядра в болгарских землях в них отсутствовал национальный объединяющий центр, какими были Белград в Сербии и Нови-Сад в Воеводине. Ведущие болгарские культурные деятели, отмечает далее К. Л. Струкова, как и крупная (!?) буржуазия, действовали не на болгарской этнической территории, а в иных этнических центрах Османской империи (Бухаресте, Константинополе, Одессе), где издавали болгарские газеты, журналы, учебную литературу и художественные произведения. Так что до начала 1870-х годов политическая деятельность болгар была рассредоточена на значительной территории, т. е. наиболее активные силы формирующейся нации не были достаточно крепко связаны между собой¹¹.

Наконец, пожалуй, главное, — преодолению фрагментарности болгарского общества мешало отсутствие до 1878 г. какой-либо автономии в бол-

гарских землях, что не могло не замедлять процесс *национальной* консолидации болгарских *этнических* групп. Поэтому этническое самосознание населения здесь дольше (чем, допустим, в сербских землях) сохраняло региональный характер в соответствии с административным делением Османской империи и так называемыми историческими областями*.

Характерны в этом отношении наблюдения венгерского автора Э. Хюша, отмечающего, что «национальные будители» балканских народов осознавали свою историю и свой язык, только попав в иностранную среду, и что мечта о языковой нации, легитимизированной общим происхождением, общей культурой и историей является европейским экспортным продуктом. Даже о. Паисий, подмечает он, написал свою знаменитую Историю славяноболгарскую не где-нибудь в болгарских землях, а «в монашеской келье в лесах Святой горы». Идея же национальной общности, воспринятая «ученолюбивыми студентами» из Юго-Восточной Европы, которые получали образование на Западе, была перенесена ими в свои страны¹².

Среди сложных построений Н. Аретова обратим внимание на своеобразии используемого им понятия нации (оно, по-моему, не «запирает» мысль своей определенностью, но инициирует ее!). «Нация, — утверждает Н. Аретов, — понимаемая как результат *сознательного усилия некоей элиты*

* Нелишне отметить, что в стремлении добиться политического преобладания на Балканах западные государства и Россия опирались на разную тактику. Российская дипломатия, имевшая задачей способствовать разрушению Османской империи, добивалась предоставления *автономий* христианскому населению «по этнографическому принципу», и тем самым как бы прогнозировала на будущее строительство здесь государств-наций; а именно этот тип государства являлся тогда идеалом модернизировавшихся западноевропейских стран. Такой выбор России выглядит несколько парадоксально, если учесть, что сама она сильно отставала в буржуазном развитии от западных стран, а они в данном случае были нацелены лишь на формальную поддержку османских реформ и потому всячески противодействовали российской дипломатии в достижении ее целей. В памятной записке русского посланника в Цариграде графа Н. П. Игнатьева императору от 8 января 1868 г. говорилось: «Улучшения, требуемые европейцами, обычно диаметрально противоположны нашим представлениям и имеют стремление денационализировать христианское население, цивилизуя их и все больше и больше подчиняя Западу». В другом письме — к министру иностранных дел А. М. Горчакову — Н. П. Игнатьев писал в сентябре 1867 г.: «Разграничение по народному признаку является, может быть, самым радикальным и абсолютным решением, которое можно придумать по Восточному вопросу» (Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Документи и материали. София, 2002. Т. 3. С. 98).

консолидировать определенную общность вокруг некоторых “исконных ценностей”, *нуждается в мифологии* (курсив мой. — Р. Г.), которая ее легитимизировала бы перед другими, а также, в первую очередь, в сознании своих членов»¹³.

Что это за центральный миф, вокруг которого, как вокруг эмоционального стержня, могла бы консолидироваться болгарская нация? И что это за болгарская элита, способная предложить такой миф? История сложилась таким образом, что в искомый момент такой элиты не оказалось. Пожалуй, это в полной мере ощутил З. Дунов. Он отмечает, что, получив Освобождение извне, болгарин не смог поверить в собственные способности «создать объединяющую национальную идеологию и проводить самостоятельную национальную политику»¹⁴; поколения болгарских политиков не сформировали у него веры ни «в единую болгарскую национальную политику», ни в самих политиков, ибо они стали символом коррупции, демагогии, цинизма. Отсюда, продолжает Дунов, — «перманентное внутреннее разделение и противостояние» социальных групп народа.

В свою очередь Н. Аретов, говоря о Сербии, примечает важное обстоятельство: *сербская национальная идеология*, указывает он, была доведена до письменной фиксации программы действия («Начертание», 1844 г.); и эта программа была «остро раскритикована болгарскими-националистами (здесь и ниже курсив мой. — Р. Г.); более того, продолжает он, они «и *дольше* почти неприкрыто завидуют своим сербским коллегам и *пытаются выковать* собственные подобные программы»¹⁵. В унисон с ним звучит мнение З. Дунова: болгарин «и *дольше* все еще не является членом крепко консолидированного народа и монолитно сплоченной нации»¹⁶. Оба болгарских автора говорят по существу одно и то же, почти дословно.

Притом, что искомый «консолидирующий» миф — национальный идеал все-таки был принят, существовал и проявил весьма большую живучесть. Правда, создателем его явилась не столько болгарская интеллектуальная элита, сколько русская дипломатия, о чем уже приходилось писать. В течение пары десятилетий после Освобождения этот миф внедрялся в народное сознание, главным образом, кругами болгарских литераторов, публицистов и т. п. Русская дипломатия позже ненароком подтвердила свою причастность к этому: после поражения Болгарии в Межсоюзнической войне 1913 г. российский посланник в Софии писал министру иностранных дел С. П. Сазонову в Петербург: «...В ту минуту, когда казался достигнутым весь объем *внушенного болгарскому народу идеала* — вдруг — в три недели времени наступает полное крушение всего...»¹⁷ (курсив мой. — Р. Г.).

К сожалению, после крушения «национального идеала» в 1913 г. болгарская политическая и интеллектуальная элита не смогла предложить взамен ничего другого, ничего нового, чтобы поднять дух и настроение поверженного народа. И на протяжении еще нескольких десятилетий продолжала эксплуатировать тот же миф, ставший по существу «сказкой о мертвой царевне».

Хочу подчеркнуть, что цель этих отрывочных заметок состоит лишь в том, чтобы привлечь внимание к сложным и, как представляется, остающимся дискуссионными, вопросам нации, национального государства, национальной идеи, национальных интересов, национального характера. Да и роли религии и церкви в формировании национального сознания, отношения религия/национальное сознание.

Одновременно полезно, на мой взгляд, привлечь внимание к такому вопросу, обсуждающемуся в болгарской историографии, как легитимность Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора и происхождение его территориального содержания. Основой для последнего явились в Сан-Стефано, по-видимому, границы Болгарского экзархата, установленные ферманом 1870 г. Этими границами охватывались 15 болгарских, но также и 11 *смешанных* епархий (из них 11 находились в собственно болгарских землях, а остальные четыре — во фракийских и македонских землях)²⁸. Согласно транслировавшейся в Болгарии в 1970-е годы точке зрения понятие «национальный идеал» распространялось на все земли, «населенные преимущественно болгарами», — Добруджу, Мизию, Фракию, Македонию. Полнее и весомее всего данная позиция была отражена в шестом томе официальной «Истории Болгарии». При этом указывалось на *общенародное восприятие и понимание* такого представления и на складывание его еще в период Возрождения. В дальнейшем борьба за *этот национальный идеал* освящалась ссылкой именно на возрожденческий завет.

В новейшей болгарской литературе находим несколько иное толкование. Так, П. Петков пишет, что, согласно проведенным им исследованиям, говорить о возрожденческом «национальном идеале» как об определенно выраженной и устойчивой ориентации тогдашней *элиты* не представляется возможным. Но это означает, что в еще меньшей степени можно говорить о такой ориентации всего народа, т. е. как об *общенародной!* Возражения П. Петкова относятся, во-первых, к существующим в литературе утверждениям о самом наличии комплексного, завершеного и устойчивого идейного представления о таком идеале. А во-вторых,

к тому, будто его исповедовало большинство болгар»¹⁹. П. Петков считает, что до середины XIX в. идеи, касавшиеся государственно-политического будущего болгар, не были ясно выражены и не были систематизированы в конкретную политическую программу. Специфику общественной жизни в это время определяла борьба за церковную независимость. Вспомним также тезис М. Палангурского о том, что главным для болгар было стремление к свободе.

Лишь применительно к годам после Крымской войны, в период между 1856 и 1878 гг., П. Петков считает возможным говорить о появлении у *отдельных представителей болгарской элиты* или в программных документах первых устойчивых общественных организаций «более ясных формулировок». Но каких именно? — остается вопросом. Их появление П. Петков связывает с сильным воздействием европейских идеологий, сдвигов в экономике и в области просвещения²⁰. И тут же отмечает разногласия мнений среди представителей элиты: Г. С. Раковский выступал за монархию, Л. Каравелов — тоже и даже под скипетром сербского князя; «Добродетельная дружина» в Бухаресте в 1867 г. была за создание Югославянского царства. Наряду с этим с идеями республики выступали В. Левский и тот же Л. Каравелов, но такие идеи, по мнению автора, не находили большого распространения и отражались, главным образом, в прессе²¹.

Иначе говоря, заключает П. Петков, болгарские идеи о государственном управлении и устройстве не имеют собственного корня. Автор идет еще дальше, подвергая сомнению, пусть частично, само содержание Возрождения. «Так еще яснее, — пишет он, — проявляется неэффективность с научной точки зрения романтически-мифологического обозначения периода до 1878 г. как “возрождение”»²².

Говоря о сложностях формирования у болгар государственнического мировоззрения, П. Петков справедливо обращает внимание на внутреннюю противоречивость этого процесса: болгарская элита ориентируется на европейские цели, но для достижения их рассчитывает больше на внешних союзников, не имеющих, по его мнению, такой ориентации²³, т. е. на Россию. Из этого противоречия рождается и противоречивый Сан-Стефанский мир, который, убежден автор, совершенно неправомерно стал считаться национальным идеалом.

В качестве аргументов П. Петков приводит следующие положения: а) Сан-Стефанский договор о мире не был полностью легитимным, так как был подписан в нарушение процедуры о коллективных, а не односторонних решениях по Восточному вопросу, установленной Парижским

договором 1856 г.; б) это был всего лишь предварительный документ; в) он ставил Болгарию под прямое и длительное (на два года) русское оккупационное управление, причем с передачей соседним государствам нескольких областей, населенных преимущественно болгарами.

Этот договор, приходит к выводу П. Петков, отдалял на неопределенное время надежды болгар на независимое развитие, что было, с его точки зрения, одной из самых характерных черт возрожденческого *общественного идеала*. Следовательно, Сан-Стефанский договор, полагает он, не может заместить *национальный идеал* или олицетворять его, идея же о том, что именно Сан-Стефанский договор должен быть общеполгарским идеалом, является, по его мнению, продуктом мышления элиты, деформировавшегося после Освобождения»²⁴. В конечном счете, П. Петков выступает против провозглашения дня 3 марта государственным праздником Болгарии; дескать, более подходящими для этого являются другие даты — 11 или 24 мая — дни Кирилла и Мефодия²⁵.

Рассуждения автора важны, прежде всего, с точки зрения формулирования нового, перспективного, на мой взгляд, научного подхода, выражающегося в разграничении понятий *общественного идеала и национального идеала*, благодаря чему история формирования каждого из этих общественных феноменов приобретает собственное значение. А изучение истории Болгарии ложится на более объективную основу.

Хочу подчеркнуть, что цель этих отрывочных заметок состоит лишь в том, чтобы привлечь внимание к сложным и, как представляется, остающимся дискуссионными, вопросам нации, национального государства, национальной идеи, национальных интересов, национального характера.

Примечания

¹ Дунов З. Българинът между разума и вярата // Философският образ на кръстопътник човек в съвременната българска култура... С. 180.

² Иванова Е. Указ. соч. С. 183.

³ Аретов Н. Балкански идентичности в българската култура от модерна епоха. XIX—XX в. // Балкански идентичности в българската култура от модерна епоха. XIX—XX в. Сборник. София, 2001. С. 49.

⁴ Граматиков Г. Състав на населението и стопански промени в Хасково в края на XVIII в. до 1878 г. // Исторически преглед. София, 1990. № 11—12. С. 78.

⁵ Струкова К. Л. Об особенностях развития сербской и болгарской наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 67.

⁶ Спасов Р. История на мъжкото католическо училище в Русе. 1871—1912 // Алманах за историята на Русе. Русе, 2002. С. 398.

⁷ Елдъргов С. Католиците в България. 1878—1989. София, 2002. С. 40, 41.

⁸ Петков П. Държавникът Климент Браницки и Търновски. 1878—1901 // Шуменци — строители на съвременна България. Шумен, 2004. С. 49.

⁹ Макарова И. Ф., Жила Л. И. Конфесии и формирование болгарской нации // Роль религии в формировании наций. М., 1999. С. 196.

¹⁰ Струкова К. Л. Указ. соч. С. 73.

¹¹ Там же. С. 73—74.

¹² Хьош Е. Националната държава на Балканите в историческата перспектива // Двадесетият век. Опит за равностетка. Сб. с доклади от българо-германска конференция, проведена на 3—4 март 2000 г. Съст. Петко Петков. София, 2003. С. 95.

¹³ Аретов Н. Указ. соч. С. 29.

¹⁴ Дунов З. Указ. соч. С. 182.

¹⁵ Аретов Н. Указ. соч. С. 43.

¹⁶ Дунов З. Указ. соч. С. 189.

¹⁷ Цит. по: Жебокритский В. А. Попытка Ватикана навязать Болгарии церковную унию в 1913 г. // Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. М., 1969. С. 402.

¹⁸ Хевролина В. М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004. С. 173.

¹⁹ Петков П. Съдбата на българския възрожденски идеал (бележки върху развитието на идеите за държавно устройство и политическото управление и реализацията им през XIX и XX век // Двадесетият век... С. 127.

²⁰ Там же. С. 128.

²¹ М. Лалков дава още повече насыщенную вариантами (вплоть до турецко-болгарской монархии во главе с султаном, о чем подумывали в Тайном центральном болгарском комитете во главе с И. Касабовым) картину идейного и политического разнобоя среди революционной элиты. См.: Лалков М. От надежда към разочарование. Идеята за федерация в балканския югоизток. 1894—1948. София, 1995. С. 35—37.

²² Петков П. Указ. соч. С. 130.

²³ Там же. С. 133.

²⁴ Там же. С. 134.

²⁵ Ср. со статьей И. Илчева, опубликованной в журнале «История». София, 1995. № 6. В переводе на русский язык она публикуется в настоящей монографии в виде «Приложения».

III. Grimасы политической модернизации в Болгарии Этап 1879—1918 годов

1. Установление конституционной монархии в стране

Постановка вопроса о государстве и его институтах в Болгарии после ее Освобождения в 1878 г. неотрывно связана с проблемами социальной организации болгарского населения в это время, его отношения к формирующимся государственным структурам, адаптации к новому строю.

Берлинский трактат 1878 г. стал для Болгарии поистине судьбоносным: я имею в виду не только международное признание собственной *болгарской государственности** (хотя и при сохранении однако вассальной зависимости от Турции), но и то обстоятельство, что берлинские статьи (при ссылке на еще более ранние постановления Парижского трактата 1856 г.¹⁾ ориентировали вновь образуемые на Балканах государства, в том числе Княжество Болгария, на устройство в них жизни не произвольно — как они хотят, а «в смысле европейского строя».

Сама невнятица выражения «в смысле европейского строя» в русском варианте дипломатического документа при определении судьбы целого государства говорит о недостаточной проработанности и ясности вопроса в головах сочинителей Берлинского трактата. Интересны в связи с этим соображения А. Л. Шемякина. Он выносит на первый план толков о существовании Берлинского конгресса, научных и обывательских, пункт о нетерпеливом и бурном *устремлении западной предприимчивости вовне*. Действительно, когда важна цель, красота и ясность формулировок не обязательна, если можно без этого обойтись, а ситуация с малыми и неразвитыми балканскими странами позволяла это. И слова про «европейский строй», рекомендуемый в качестве успешного и выполняющего ци-

* В признании большей важности для Болгарии решений Берлинского конгресса по сравнению с постановлениями Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора солидаризируюсь (хотя и по другим основаниям) с болгарским ученым П. Петковым. См.: *Петков П. Ст. Краят на Руско-турската война 1877—1878 гг.* Одрин, Сан-Стефано или Берлин? // *Историята — професия и съдба*. Сборник в чест на 60-годишнината на член-кореспондент д. ист. науки Георги Марков. София, 2008. С. 85.

визиторскую роль, подавались со знаком плюс, и их легче всего было интерпретировать как установление на Балканах конституционных монархий и парламентаризма. Так что, считает А. Л. Шемякин, в последней четверти XIX в. Западная Европа инициировала первую волну глобализма². Или, как пишет В. Г. Федотова, — универсализации по модели центра³.

Часть современных исследователей, считающих нелишним подчеркнуть обоснованность такого подхода, ссылаются на компаративизм процессов, свойственных всем европейским странам. В общем, широком плане или при беглом обзоре, это, пожалуй, верно. Но в нашем конкретном — балканском — случае мы вынуждены говорить не столько о естественном «самопроизрастании» здесь новых государственно-политических форм, сколько о заимствовании таковых, уже выработанных на Западе, и о попытках пересаживания их на гораздо менее приспособленную для этого балканскую почву. На наш взгляд, при отсутствии общей линии старта в разных частях Европы — средневропейской и балканской, особенно ее юго-востока — ссылки на компаративизм европейских процессов могут способствовать лишь «спрямлению нестандартных углов» в истории «отставших» стран, подгонке их к внушающему оптимизм стандарту и игнорированию их специфики. А ведь именно последняя оказывает иногда наибольшее влияние на вектор развития того или иного государства.

Население балканских стран не знало ни Реформации, ни Промышленной революции. Реализация рекомендации Берлинского конгресса об устройстве жизни «в смысле европейского строя» влекла за собой резкий переход — трудный для населения — от традиционного типа правления, осуществлявшегося на основе повседневной практики, к рациональному, когда властные отношения должны были строиться на договоре (конституции), покоиться на законе. По мнению М. Вебера, такая форма правления «более уместна» в индустриальном обществе, а до него на Балканах было еще очень далеко⁴. Приходится только удивляться решительности российской дипломатии, не просто присоединившейся к революционным рекомендациям Берлинского конгресса, но игравшей инициативную роль в выработке их содержания, в том числе в разработке основных положений будущей болгарской конституции. Притом что сама Россия, будучи также в большой степени аграрным, хотя и куда более сильным государством, чем балканские, так и не рискнула в те годы встать на путь политической модернизации. А ее подобный опыт в начале XX в., включая реформы П. А. Столыпина, свидетельствовал о чрезвычайных трудностях, вставших перед реформаторами, в том числе в деле преодоления природной ментальности населения⁵.

Этот пример лишь оттеняет и подчеркивает те препятствия, которые предстояло преодолеть балканским строителям новых политических и государственных структур, в деле освоения управленческого опыта, навыков гражданского поведения.

Устои нового государства — Княжества Болгария определялись введением Конституции 1879 г. как основного закона и таких новых органов власти, как парламент и институт монархии. К конституции население привыкало постепенно. Вместе с тем полученное Освобождение многие понимали в виде «полной свободы» без всяких ограничений. Современник — политический деятель консервативной партии К. Стоилов — в день открытия Народного собрания 21 октября 1879 г. записал в своем дневнике: «Люди не просто против личностей, но вообще против всякой власти и всякого авторитета, министров обливают презрением, никто их не слушает»⁶.

Своеобразная фронда возникла естественным образом: с возрожденческих времен *главной целью* населения было обрести *свободу*, а дальше — всё, дескать, утрясется по справедливости⁷. Это положение следует запомнить, ибо в потоке патриотической литературы оно безвозвратно тонет под напором разных вариантов национальной идеи, помощи единокровным братьям и другим, выносимым авторами на первый план (в том числе — впереди идеи свободы), хотя они появились позже.

Впрочем, парламент как орган власти, где определенным составом людей обсуждаются и принимаются законы, был, вероятно, относительно понятен православному народу, уже имевшему определенный опыт соборного решения церковных вопросов. Так, еще в 1856 г. на собор в Цариграде (Константинополе) для обсуждения вопроса о самостоятельности болгарской церкви приезжали делегаты от местных болгарских общин. Также соборно в 1871 г. был принят в том же Цариграде экзархийский устав. На эти обстоятельства, справедливо, на мой взгляд, обращает внимание болгарский исследователь Пламен Цветков. Но вряд ли можно согласиться с его дальнейшими размышлениями и вытекающей из них оценкой церковных соборов как своеобразного предпарламента. К такому недостаточно обоснованному, с моей точки зрения, выводу Цветкова подталкивает его повышенное патриотическое чувство и стремление, где только возможно, подчеркнуть первенство болгар; в данном случае — в качестве «одного из немногих народов мира, созвавших свой парламент» еще до приобретения собственного государства⁸. Во всяком случае парламент, смысл которого — обсуждать и принимать законы о порядке в государстве, недаром получивший в Болгарском княжестве название

Народного собрания, не вызвал отрицательных эмоций среди населения, с течением времени был им принят и поддержан как орган государственной власти.

В последующие годы «настройке» регулярной работы Народного собрания уделялось специальное внимание, совершенствовались правила распорядка, регламент работы. Однако за 1887—1912 гг. из-за общей неустойчивости власти только три созыва парламента из 11 сумели целиком использовать свой мандат. Остальные вследствие краткосрочности пребывания правительств у руля государства подлежали досрочному роспуску, за чем следовало проведение новых парламентских выборов⁹. Такой порядок являлся нарушением установленных правил, придавал преувеличенное значение фактору личности премьер-министра и его отношений с монархом, и, в конечном счете, ставил исполнительную власть над законодательной, нарушая, таким образом, принятую иерархию структур.

Особо следует сказать о Тырновской конституции. В политических кругах она постепенно стала восприниматься в качестве своеобразного фетиша, образа демократии. За ее сохранение или восстановление всякий раз, когда случалась ее отмена или приостановление действия, шла серьезная политическая борьба — как за главный акт, свидетельствовавший о легитимности болгарского государства. Конечно, с течением времени этот документ подвергся разного рода изменениям и дополнениям, но в целом именно Конституция стала для Болгарии, на мой взгляд, тем стержнем, ориентируясь на который, страна сумела устоять в сложнейших условиях внутри- и внешнеполитической борьбы, наступления реакционных и революционных сил: я имею в виду, во-первых, идеологию и практику болгарских как крайне левых, так и крайне правых неконституционных, нелегитимных органов и организаций. А во-вторых, особенно опасную для Болгарии игру международных сил вокруг нее. С точки же зрения оказания поддержки модернизационным усилиям Болгарии на всем протяжении ее «буржуазного существования» влияние так называемого международного фактора — что западного, что восточного (российского) — следует оценить скорее как отрицательное, нежели как положительное. Правда, этот вопрос до конца еще не прояснен и нуждается в специальном рассмотрении. Здесь лишь напомним о том, что «опора на помощь и поддержку наиболее развитых государств» (разумеется, без всякого альтруизма) является одним из неперемennых условий для успеха попыток модернизации¹⁰.

Примечания

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952. С. 181.

² *Шемакин А. Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности. СПб., 2004. С. 10—11.

³ *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 119.

⁴ *Дидерикс Г. А., Линдблюд И. Т. и др.* От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. / Пер. с англ. М., 1998. С. 10.

⁵ См., например: *Боханов А.* Император Александр III // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка 1884—1894 гг. / Авторы-составители А. Боханов и Ю. Кудрина. М., 2001. С. 30.

⁶ *Стошлов К.* Дневник / Под науч. ред. Е. Стателова и Р. Погов. София, 1996. Ч. 1. С. 40.

⁷ *Палангурски М.* Избирателната система в България. 1879—1911. В.-Търново, 2007. С. 5.

⁸ *Цветков Пл.* Българският парламентаризъм като традиция и като начин на възпроизвеждане // Известия на българската орда. София, 2002. № 1 (63). С. 26.

⁹ *Николова В.* Българският парламент и опитите за превръщането му в действителен орган (1887—1912) // Исторически преглед. София, 1988. № 5. С. 5.

¹⁰ *Пантин В. И.* Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М. 1997. С. 96.

2. Трудности «приживления» института монархии

На рассмотрении института монархии в Болгарии остановлюсь подробнее.

Первое, что заставляет задуматься, — вопрос, насколько органичным был этот институт в структуре государственно-политических форм Княжества Болгария. Часть авторов считает учреждение монархии в 1879 г. актом естественным для страны и, главное, связанным с исторической памятью народа, «накопленной» во времена существования средневековых Первого и Второго болгарских царств, так что Княжество Болгария становилось как бы Третьим. «Зачатки этого нового, третьего по счету государства болгар, — говорится в предисловии к сборнику статей с актуализированным названием «Модерна България», — возникли задолго до появления требования создания болгарского государства, сформулированного как политическая программа»¹. Но посмотрим, как это было в действительности.

Прежде всего, нелишне отметить, что в этот «подготовительный период» в размышлениях и спорах народных подвижников, пытавшихся организовать освободительную борьбу, — Г. Раковского, В. Левского, Хр. Ботева и др., в вопросе о будущем освобожденной Болгарии — станет она монархией или «святой и чистой республикой» — ясности не было. Ясность была привнесена сверху — решениями Берлинского конгресса.

Следом за этими решениями явился и первый болгарский князь (монарх) — 22-летний гессенский принц Александр Баттенберг, находившийся в родственной связи с английской королевской семьей и российским императорским домом. Последнее обстоятельство выступало главным, так как именно Россия тем же Берлинским конгрессом наделялась правом помощи в первоначальной организации управленческих структур нового болгарского государства и, следовательно, имела большие возможности влиять на действия Александра. Да и просто хотела постоянно определять направление его политики.

Казалось, при распространенном тогда в Княжестве русофильстве (кстати, Баттенберг как офицер русской армии участвовал в Освободительной войне 1877—1878 гг.) учреждение института монархии и вокняже-

ние прорусского ставленника не должно было вызвать осложнений. Но не случилось! К полному приятию новой организации власти в виде конституционной монархии оказались не готовы обе стороны. Хотя Александр Баттенбергский, как личность, не вызывал у местного населения отрицательных чувств, наоборот, молодой, красивый иностранный офицер был встречен любезно и с интересом, для народа оставалось непонятным — зачем он нужен болгарам, чем отличается от недавнего хозяина — султана, почему монарху надо подчиняться и т. п.

«Общество, — отмечает болгарский автор Й. Гешева, — оказалось не совсем подготовленным принять монархию с ее обязательными нормами, принципами и требованиями»². В этом убедился и «консерватор» К. Стоилов — секретарь князя, совершивший с ним в конце сентября — начале октября 1879 г. ознакомительную поездку по части страны и сам поразившийся наивности выходявшего встречать высокопоставленных гостей народа. Стоилов отмечал в своем дневнике: я начинал скорбеть «и иногда даже отчаивался», видя «простоту и наивность этого доброго народа»³.

Простые люди с трудом разбирались в хитросплетениях функций институтов власти — монарха, парламента, конституции, да еще правительства с его министрами. Стоилов писал, что «у народа нет своей программы», он не знает, для чего избирает депутатов; из обсуждающихся вопросов его интересует только закон об общинах и некоторые финансовые меры, «другим народ не озабочен»⁴. Очевидно, закон об общинах затрагивал крестьян непосредственно, поскольку касался прежнего, главного способа организации их повседневной жизни и управления ею. Новые же органы власти — институт монархии и конституция — оставались, по мнению Й. Гешевой, «почти одинаково абстрактными понятиями». Абстракцией для простых людей были и параметры власти князя, ее божественное по православным понятиям происхождение, хотя в своих указах он писал о себе: князь «по Божьей милости и по воле народа».

Что касается более или менее интеллигентной части населения Княжества, из которой в 1880—1890-е годы формировалась болгарская политическая «страта», то «тоску» по монархии и осознанное желание служить ей испытывали, главным образом, «консерваторы». Между ними и «либералами», политически преобладавшими в то время, сразу же возникли разногласия по поводу самого института монархии и лично князя Александра Баттенберга. Предметом острого спора явился вопрос: что выше в государственной иерархии — монархический институт или конституция.

Спор носил как будто принципиальный характер. Консерваторы выступали за более сложное устройство государственных органов власти, настаивали на введении второй палаты парламента и некоторых цензов

в избирательный закон. Главной их идеей было установление сильной власти монарха, расширение его прерогатив как «главного носителя интересов отечества», в том числе за счет ограничения прав Народного собрания.

Если консерваторы готовы были служить в первую очередь князю, а уж только затем конституции⁵, то беспокойные либералы, еще не научившиеся отличать свободу от «свободии», никак не хотели признать первенствующую роль монарха в стране, и это свое неприятие не стеснялись демонстрировать открыто. Атмосферу недоброжелательства либералов по отношению к князю Александру отражают дневники К. Стоилова. 21 октября 1879 г. при открытии сессии парламента он записал: «Воодушевление в отношении князя было невелико; о нем вообще забыли, как, впрочем, и в период самой избирательной агитации — либералы просто не хотели знать его»; в предвыборных листовках лидеры либералов П. Каравелов и П. Славейков не удосужились хотя бы однажды упомянуть имя князя⁶.

Борьба вокруг князя принимала малопривлекательные, мелочные формы. Консерваторы, стремясь поднять авторитет монарха и выступая с позиций защиты «княжеской прерогативы до мелких деталей», решили «повысить его ранг» и стали обращаться к нему со словами «Ваше Высочество» вместо предписанного Конституцией «Ваша Светлость», что дополнительно обостряло обстановку, поскольку «либералы» продолжали демонстративно употреблять более низкое звание. Все это доводило князя едва ли не до слез.

В Народном собрании, где большинство имели либералы, депутаты предлагали ограничить прерогативы князя. Обиды, личные и по принципиальным вопросам управления, наносились с обеих сторон. Князь нервничал, он мучительно думал об отречении, «так как не видел возможности управлять такими элементами»⁷. Его не устраивало, пишет современник, что оппозиция идентифицировала державного главу с правительством, т. е. не признавала монарха представителем отдельного, самостоятельного института, не считала князя священной личностью.

Выход для себя Александр Баттенберг видел в отмене мешавшей ему конституции. Здесь следует обратить внимание на обстоятельство, связанное, вероятно, с «генетическим» неприятием князем Александром того рода конституционной монархии, которая утверждалась в Княжестве Болгария: в немецких землях при переходе от абсолютного режима к представительному конституции предпочитали устанавливать статус октроированной, т. е. «дарованной монархом», — положение, при котором ограничение монарха в конституционном государстве становилось лишь его «самоограничением», — так что на деле монарх сохранял в государстве

господствующее положение и именно ему продолжало подчиняться отправление всех существенных государственных функций. На эту правовую особенность, очевидно, воспитывавшую обитателей германских княжеских дворов в определенной ментальности, обратил внимание известный российский правовед А. С. Алексеев⁸.

Но Александр Баттенберг был не только немецким принцем, а еще и ставленником российского императора и его племянником, и, стало быть, мог впитать в себя немало самодержавных замашек, свойственных двору русскому. В связи с этим характерно соображение того же уважаемого российского правоведа: в России, пишет он, «вооружившись, по привычке ко всему немецкому, доктриной монархического принципа, получилось, что русский монарх и после 17 октября 1905 г. остался самодержавным — сохранил за собой высшую учредительную власть и право во всех внутригосударственных конфликтах говорить последнее решающее слово», т. е. «власть Государя, перестав быть неограниченной, не перестала, однако, быть самодержавной»⁹.

В этой логике отмена конституции в 1881 г. в Болгарии и установление режима чрезвычайных полномочий князя выглядят вполне последовательными. Однако кризиса подобный маневр не разрешил. Не имея надежной опоры в политической сфере, Баттенберг не располагал поддержкой и со стороны вооруженных сил¹⁰. Собственно говоря, строительство армии в то время проходило только свою начальную стадию, и Баттенберга не устраивало, как это делалось. Из-за этого возникали конфликты с военным министром. Положение в армии настолько угнетало князя, что он хотел привезти в Болгарию несколько германских офицеров.

Неустойчивость института монархии выражалась не только в том, что болгары как подданные и оказавшийся на троне князь как их владетель, были не совсем готовы принять друг друга. Тому же способствовало все более разгоравшееся пламя ухудшившихся отношений между Россией и Княжеством, между императором Александром III и Александром I Баттенбергом.

Александр III и его приближенные не в полной мере, очевидно, признавали, что международное положение России после войны 1877—1878 гг. сильно поколебалось. Да, тяжелая война была победоносной, но за дипломатическим столом Россия понесла невосполнимые потери. Некоторые современные российские историки отмечают, что Берлинский конгресс стал дипломатическим провалом России, что он прозвучал погребальным звоном для русской внешней политики¹¹. В этом наши современники вторят ряду исследователей XIX в., утверждавших, что Россия в результате своей политики не только не добилась поставленных целей, но и осталась

изолированной, без союзников и друзей¹², что она уже не находила в себе сил, чтобы решительно и умно влиять на судьбу балканских народов. Не получалось, в частности, выработать ясную и четкую концепцию управления для своего ставленника князя Баттенберга¹³, оказавшегося в трудной ситуации. Более того, в 1883 г. российская дипломатия, исходя из собственных интересов, твердо взяла курс на устранение Баттенберга. Правда, на некоторое время положение князя укрепилось, благодаря достигнутым им успехам — Соединению Княжества с Восточной Румелией, а затем и победе в Сербо-болгарской войне 1885 г. Но и это не помогло: когда 9 августа 1886 г. группа офицеров-русофилов совершила инспирированный переворот, оказалось, что князю не на кого опереться. Он остро переживал свое детронирование, особенно из-за того, что оно произошло с помощью военных частей и офицеров¹⁴.

В итоге можно сказать, что первая попытка укоренить в освобожденной Болгарии конституционную монархию в целом не удалась. Население и наиболее близкая к «массе населения» либеральная партия относились к институту монархии как к чужеродному телу. Лидер более «продвинутой» в европейском смысле партии консерваторов К. Стоилов, переживая такое отношение к монархии как неудачу и признавая, что «монархический принцип у нас не развит», видел перспективу в том, чтобы «работать для его развития, так как наше будущее, связано с ним; народ надо научить, что над ним стоит князь, интересы которого являются интересами отечества»¹⁵. По всей видимости, историческая память народа, на которую ссылаются сторонники признания органичности института монархии для Болгарии, оказалась слишком зыбкой, а главное, — XIX век требовал от людей монархических чувств иного рода, чем те, что, возможно, и доходили из далекого Средневековья.

В ряду причин относительной неудачи первой попытки укоренения в Княжестве Болгария монархического принципа следует указать на отсутствие духа государственности в подавляющей массе болгарского населения, подпитывавшегося «вольницей» правившей Либеральной партии.

Еще большие сложности с утверждением монархии в Княжестве Болгария возникли при княжении следующего владетеля.

Участники Берлинского конгресса, рекомендуя болгарам установление конституционной монархии, не приложили особых усилий для создания здесь надежного трона и надежной власти. Представители великих

держав Запада, отдав всю организационную сторону строительства болгарского государства на откуп России и фактически позволив ей вести в Болгарии собственную игру, причем нередко с использованием нелояльных средств, заставили будущего болгарского царя Фердинанда Кобургского в еще большей мере, чем Баттенберга, испытать на себе вкус горького балканского специалитета* — быть объектом игры международных сил.

После изгнания по настоянию России Александра I из Болгарии Княжество оказалось в подвешенном состоянии: российский император отказывался признать законным регентство во главе с председателем Народного собрания Стефаном Стамболовым и не считал его вправе предлагать кого бы то ни было на болгарский престол, а Великое Народное собрание — избирать нероссийского кандидата путем голосования. Вовсе не удивительная эта тактика свидетельствовала, что императорская дипломатия находилась в тисках «освободительной психологии», продуцировавшей как бы естественное непонимание освободителями того, что освобождаемые могут стремиться к собственной национальной самостоятельности¹⁶.

Действительно, Россия, выступая против всяких попыток болгар проявить самостоятельность, не стеснялась перейти от политики скрытых угроз к прямому устрашению; в частности, на рейд Варны были отправлены два русских клипера. Такие меры лишь усиливали опасения болгарских «государственников», что Россия, не терявшая цель продвижения к проливам, хочет превратить Болгарию в «задунайскую губернию»¹⁷. 8 октября 1886 г. Стамболов записывает в своем дневнике: «Знаете, какова сокровенная мысль русских? Они хотят созвать собрание, которое будет им послушным слугой, и избрать русского царя в качестве болгарского князя, но т. к. царь не может прийти сюда, он пришлет комиссара, который все изменит и превратит Болгарию в русскую губернию. Но пока мы у власти, мы не позволим этого сделать»¹⁸.

Государство, провозглашенное конституционной монархией и не имеющее владетеля на престоле, находилось под угрозой потерять свою легитимность. Споры относительно кандидатур на княжеский престол, предлагавшихся Россией и в то же время препятствовавшей выдвижению кандидатуры со стороны болгар, затянулись на целых десять месяцев. Всё больше местных политиков стало понимать, что для выхода из странного состояния, в котором оказалось Княжество, и для спасения достоинства страны, необходимо проявление сильной воли и установление

* Болгаризм, означающий излюбленное национальное блюдо.

сильной власти¹⁹. Стремясь вывести Болгарию из опасного положения, Стамболов и его сторонники решились на отправку в европейские страны специальной делегации в надежде отыскать там подходящую для болгарского престола фигуру. Задача была не из легких, поскольку, как писал глава регентства, «Европа испугалась России, и ни одно государство не смеет начать против нее действие, которое может ее спровоцировать»²⁰. Действительно, в главных европейских столицах в просьбе делегации болгар было отказано, и им пришлось удовольствоваться в качестве кандидатуры будущего владетельного князя далеко не самым знатным австрийским принцем Фердинандом Саксен Кобург Готским. Другими словами, особого выбора не было, тем более в положении, когда следовало спешить.

Пикантность ситуации, а если говорить в масштабе долговременного государственного строительства новой Болгарии, то и ее рискованность, состояла в том, что Фердинанд, 26-летний подпоручик австро-венгерской армии, принц католического вероисповедания, занял болгарский престол без согласия великих держав. И без согласия «клуба» иностранных монархов и их дворов, хотя и находился со многими из них в кровном родстве. Явившись в Болгарию, он не мог надеяться на чью-либо поддержку и, скорее, ожидал противодействия со стороны европейских правительств.

Не лишенный авантюрной жилки Фердинанд добрался до «неизвестной, малокультурной страны» весьма нетрадиционным способом. Вот как пишет об этом Х. Р. Мадол, пользовавшийся материалами МИД Германии, включая Прусский тайный государственный архив и лично беседовавший с Фердинандом (его книга написана в 1931 г.):

«Сопровождаемый небольшим числом сторонников, с большей частью которых познакомился недавно, он вообще не был уверен, что доберется до Софии. /.../ 10 августа Фердинанд тайно отправился в путь. Железнодорожный вагон ждал его на открытой линии, вдалеке от ближайшей станции: его багаж был внесен туда еще ночью. Фердинанд и его спутники часть пути проехали в разных поездах. Принц ехал в купе второго класса, в гражданской одежде и, не будучи узнаваемым, доехал до Оршова». Здесь, избежав опасности быть плененным противниками затеи регентства, Фердинанд отправился по Дунаю навстречу ожидавшей его болгарской яхте, где он и увиделся впервые со Стамболовым²¹.

За авантюрным началом, как следствие, посыпались осложнения. Россия объявила решение Великого Народного собрания об избрании Кобурга незаконным, Германия заявила, что, принимая престол, Фердинанд

нарушает договоры Берлинского конгресса. Избранный болгарским парламентом, но непризнанный в международных кругах Фердинанд, сопровождаемый Стамболовым, 13 августа 1887 г. принес клятву верности в старой болгарской столице Тырново. В то время как в Тырнове князя Фердинанда (католика) торжественно поздравил б. православный экзарх Антим, в Софии митрополит Климент выступил в соборе с речью, полной угроз против любой антироссийской меры князя. Так перед новым монархом открылась первая оппозиция и внутри страны, замечает его биограф²².

Руководил адаптацией Фердинанда в неизвестной ему стране Стамболов — премьер-министр и министр внутренних дел. Человек незаурядных способностей, властный, жесткий и жестокий, он был одним из немногих, кто понимал, что в Княжестве необходимо упорядочить жизнь, добиться внутренней устойчивости — и не на последнем месте — формировать у населения «государственнические чувства». Обладая фактически полной властью и не пренебрегая мерами устрашения, насилия, террора, в том числе убийств, он установил так называемый личный, а по существу диктаторский режим. Кстати, именно в этот период (1887—1894 гг.) в Болгарии были достигнуты первые, существенные для тех условий, успехи в экономической модернизации страны. Что, на наш взгляд, подтверждает положение о плодотворности в определенных условиях авторитарной модели модернизации.

Что касается Фердинанда, то, освободившись в мае 1894 г. от опеки Стамболова и покончив, таким образом, со своеобразным дуумвиратом, он оказался перед многими трудностями. И, прежде всего, столкнулся с теми же особенностями, а по существу недочетами конституционного устройства Княжества (и куда только смотрели международные «благодетели и советчики»!), которые раздражали еще первого болгарского монарха. Дело в том, что в 1879 г. под нажимом «либералов», возглавлявшихся авторитетным П. Р. Славейковым, разработчики конституции отказались от учреждения второй палаты парламента либо Госсовета. Так что связь между князем и населением могла осуществляться лишь непосредственно, без всяких официальных «прокладок», т. е. самым архаичным образом, как это принято в «простой жизни». На практике получилось, что выполнять роль посреднического органа, необходимого в деле управления государством, пришлось новой в Княжестве структуре — политическим партиям. Правда, им это в той или иной мере удавалось, но лишь пока в государстве было всего две партии — либеральная и консервативная.

По большому счету это были квазипартии, не имевшие под собой какой-либо социальной реальности ни в виде традиции, ни в виде определенных имущественных интересов. Свои названия они заимствовали из английской партийной номенклатуры и идентифицировались главным образом со своими лидерами²³. На плаву при столь непрочных корнях они держались в немалой степени благодаря тому, что сумели быстро организовать свои печатные органы, поскольку считалось, что без газеты партия не может ни существовать, ни руководить (поневоле вспомнишь ленинское: газета, как организатор партии). Пожалуй, именно распространение живой разнообразной печатной продукции составило своеобразную характеристику общественной жизни Болгарии после ее Освобождения. Партийные газеты были особенно важны в годы, когда аппарат партий только выстраивался; но и позже, уже став традицией, они играли подчас ключевую роль в формировании общественного мнения. Газетные полосы наполнялись острыми злободневными материалами, написанными нередко чрезмерно язвительным языком. При слабости болгарской политической системы в целом партийная печать несла как бы добавочную функцию, восполнявшую «тело» такого важного в парламентской системе органа, как партии.

Когда в 1880—1890-е годы произошло увеличение числа партий за счет дробления старых и возникновения новых, говорить о какой-либо их посреднической роли между монархом и населением стало все труднее. В Конституции такая политическая форма, как партия, вообще не упоминалась, специального закона о партиях не существовало, и их деятельность никак не регламентировалась, так что при «разгульной» свободе в годы первоначального накопления капитала партии и их лидеры первостепенной задачей посчитали овладение властью или хотя бы приближение к ней. Главным становилось извлечение максимальной пользы от близости к власти, удовлетворение собственных интересов. Пришли к власти — надо обеспечить беспрепятственное обогащение своих сторонников и накопить запасы для голодных лет, когда придется уйти в оппозицию²⁴. Смотреть на управление меркантильно стало своего рода нормой. Вокруг политических партий начало концентрироваться люмпенизированное чиновничество. Партийные лидеры и их антураж стремились использовать свою близость к монарху, заботы о национальных или государственных интересах отходили на задний план. А поскольку понятия корректности в политическом обиходе на Балканах в то время вообще не существовало, традиционная межпартийная борьба вносила большую сумятицу в общество, мешала его консолидации.

Солідные люди, политические лидеры и чиновники готовы были схватиться между собой мертвой хваткой, если князь удостоил кого-то более крупным подарком. Они завели, свидетельствует в свою очередь болгарский исследователь Ж. Попов, телохранителей, опасаясь нападений и покушений. В 1883—1885 гг. «у этих здоровенных мужиков» в моде были толстые узловатые дубины. Ж. Попов признает, что «такие примеры в условиях жизни после Освобождения отражают менталитет оформлявшейся генерации политиков — полувивилизованных, ориентальских, привыкших к тому, что аргументы усиливаются с помощью кулака, палки, а в крайнем случае и кинжала, ятагана или пули»²⁵.

Важными соображениями по этому поводу делится болгарский автор С. Влахов-Мишов. По традициям средневековой Болгарии, пишет он, власть у нас всегда была источником прямых благ; «османское рабство закрепило эту негативную тенденцию, превратило ее в правило. Дух приспособления у болгарского народа вместе с коррумпированными институтами империи способствовали в последнее столетие дооформлению отношения к власти как к бескомпромиссной борьбе за ее завоевание и ухаживанию за теми, от кого она зависит»²⁶. Находясь в оппозиции, партии и их лидеры ругали правителей и князя, продолжает исследователь, а когда получали власть, сменяли обиду на лесть. Политический и чиновничий люмпениат появился в Болгарии после Освобождения, но, вернее, он просто начал свободно воспроизводиться на старых, прежних корнях. Подкупы, доносы, коррупция османских институтов переносились в болгарские учреждения, так как отношение к власти психологически осталось тем же у тех, кто ею не обладал²⁷.

Эту особенность политической психологии болгар осознавали и сами современники. Д. Ганчев, секретарь князя, в своих записках констатировал: «Мы, люди того времени, не могли освободиться от нашей сельской материальности при оценке знаков внимания княжеского благоволения»²⁸. О главном герое своей книги Димитре Петкове, усилиями которого София из небольшого села превратилась в столичный город, болгарский автор Ж. Попов пишет так: «В стремлении служить идеалу он не выносил оппонента — словом и делом Петков устранял всех, кто ему мешал»²⁹.

Партийная система, являющаяся политическим скелетом общества, начала складываться в Болгарии в 1880-е годы по «модным» лекалам буржуазно-либеральных стран Европы. Но как мы уже отмечали, эти лекала были трудно применимы к болгарской, еще грубой политической фактуре, с ее основным крестьянским наполнением: именно крестьяне с их

ментальностью составляли после Освобождения и до конца существования буржуазной Болгарии значительную часть членской и электоральной массы практически всех болгарских партий. Это обстоятельство — неразрываемое десятилетиями наследие матрицы архаичности — являлось одной из главных характеристик партийной системы и, по существу, причиной ее постоянного кризисного состояния.

Тем интереснее результаты исследования болгарского автора М. Палангурского, выяснившего, что за 33 года — с 1879 по 1911-й — болгарские граждане 19 раз ходили на выборы законодательного органа (три раза Великого Народного собрания и 16 раз — Обыкновенного Народного собрания). «Хождение к урнам стало почти повседневностью», так как регулярно выборы проводились и в местные органы власти — сельские и городские общинные советы, в окружные советы, школьные настоятельства, а часть граждан участвовала еще и в выборах судебных заседателей и состава торгово-промышленных палат. Возможность выбора, заключает М. Палангурски, была предоставлена в избытке; проблемой являлась готовность электората «выпить этот глоток свободы и выпить его ответственно»³⁰.

Слабость партийной системы усугублялась алчностью части граждан, считавших себя достойными создать собственную партию, бороться за свой интерес, отдаваясь тому или иному чужеземному «фильству» — русскому, англо-французскому, итальянскому, позже германскому, рассеивая таким образом и без того еще не собравшееся, не сформировавшееся в народе болгарское национальное, государственническое чувство.

Даже почитаемый, казалось бы, слой духовной интеллигенции претерпел изменения в странную для себя сторону. При сохранении абсолютной численности духовенства (4 200 человек) его ядро относительно сокращается с 15,3% в составе слоя интеллигенции в 1888 г. до 11,8% в 1893 г. и до 7,1% к 1910 г.³¹ То есть духовная служба новый контингент к себе не привлекает. «Священники предпочитают становиться писарями в государственных учреждениях, некоторые — даже служащими. Часть получивших среднее и высшее богословское образование предпочитает светскую карьеру», — конкретизируется в одном специальном исследовании³².

Отсюда и главный конфликт между Фердинандом и политическими деятелями, занятыми преимущественно собственными делами и внутренней борьбой. Фердинанд на свой манер пытался улучшить их нравы и сформировать хотя бы совсем узкий слой «благородных людей», устраивая торжественные приемы, парады и церемонии, разъясняя правила этикета (над чем, кстати, довольно грубо издевался Стамболов³³). Некото-

рым избранным, как, например, К. Стоилову, Г. Начовичу, Грекову, Фердинанд хотел присвоить дворянские звания и ввести, таким образом, европейскую традицию званий благородства и государственных рангов³⁴. Офицерам запрещалось жениться на простолюдинках. Но где было взять тогдашним болгарам столько чувства достоинства и благородства! Даже Д. Благоев, противореча собственным прогнозам о быстром росте рабочего класса и скором наступлении эры социализма, не без сарказма признавал в 1912 г.: «Пропорциональная избирательная система не может изменить политические нравы. Корни этих нравов гораздо глубже, чем корни политических учреждений»³⁵.

Болгарскую партийно-политическую систему, сложившуюся в послеосвободительский период, на скорую руку, без четко сформулированных лидерами партийных целей в пользу общегосударственных задач (хотя каждая партия спешила принять собственную программу), можно охарактеризовать как имевшую «неполное служебное соответствие». В ней отсутствовали рычаги и импульсы для выдвижения выверенных общенациональных идей, в том числе идеи модернизации самой политической сферы. Впрочем, иначе и быть не могло: уход от архаики требует большого, очень большого времени, но также значительных финансов, международной помощи, самоотверженных крупных национальных деятелей, в удачном случае — харизматического типа, устойчивого положения государства вовне и внутри. Ничего этого в конце XIX — начале XX в. в Болгарии в достаточной степени не было. Огромной трудностью являлась неготовность значительной части населения к преобразованиям.

К несчастью, недостатки, изначально заложенные в болгарской политической системе, в последующем лишь самовоспроизводились и углублялись. И если уже на рубеже XIX—XX вв. местная партийно-политическая система стала вызывать в обществе раздражение и постоянные нарекания из-за своей непродуктивности и недееспособности, если уже тогда ее называли прогнившей и требовали наведения порядка и замены ее властью сильной руки, то пропаганда последних установок приобрела особенно широкие размеры после понесенного Болгарией двухкратного военного поражения (в 1913 и 1918 гг.). Именно они в межвоенный период вошли в состав лозунгов и программ всех болгарских реакционных политических организаций (военных прежде всего, тайных и открытых), требовавших ликвидации партий вообще и установления надпартийного правления. В 1934—1935 гг. узаконенный Конституцией 1879 г. буржуазный парламентаризм вместе с остатками политических партий закончил в Болгарии свое существование.

* * *

Говоря о международных условиях, в которых в 1880-е годы происходило становление института монархии в Болгарии, на первый план следует поставить разрыв дипломатических отношений между Россией и Княжеством в 1886 г. Сам этот акт не означал для сторон наступления «нейтрального времени», времени затишья. Поскольку содержание российско-болгарского конфликта заключалось, как считает отечественный исследователь В. И. Косик, в том, кому из сторон будет принадлежать власть над Болгарией³⁶, каждая из них продолжала предпринимать усилия для достижения поставленной ею цели. Используя русофильские настроения части болгарских офицеров, российская дипломатия поощряла организацию и проведение ими в Болгарии вооруженных выступлений для свержения правительства Стамболова. Такая тактика, на мой взгляд, не делала чести России, тем более, что болгарскими сторонниками линии Петербурга выступали заговорщики, эмигранты, террористы³⁷.

С точки зрения нашего особого интереса к вопросу об отношении болгарского населения к тем или иным событиям в стране, хочу обратить внимание на любопытный пассаж в цитируемой В. И. Косиком записке болгарского майора Груева от 14 февраля 1887 г., где говорится, что ни интеллигенция, значительная часть которой примкнула к Стамболову, ни народ, терроризированный в своей массе властями и апатично воспринимающий насильственные перевороты, ни армия, в которой проведена основательная чистка русофильски настроенных офицеров, — не могли быть опорой для заговорщиков³⁸.

Тактика непосредственного вмешательства России в дела полунезависимого Болгарского княжества была рассчитана на сеяние раздора внутри него, что, бесспорно, препятствовало консолидации и без того не собранного общества; к тому же она способствовала отнюдь не безобидному его расколу по линии русофилы — русофобы. Преследование Стамболовым своеобразной «пятой колонны» в стране — русофилов привело к возникновению первой в истории Болгарского княжества политической эмиграции, состоявшей преимущественно, как это обычно бывает, из представителей политической и творческой интеллигенции (П. Каравелов, И. Вазов и др.).

Князь Фердинанд при таких настроениях по отношению к Болгарии в верхушке России, непризнанный ею, а вслед за нею и другими государствами, оказался в состоянии международной изоляции. Но устоял. Даже тогда, когда Россия попыталась составить общее требование великих дер-

жав к Фердинанду уехать из Болгарии. Выход из трудной ситуации Фердинанд усмотрел в том, чтобы попытаться укрепить свое положение путем женитьбы и наладить таким образом новые связи со старыми владельческими домами. Целью было — добиться все-таки признания со стороны великих держав.

Однако, казалось бы, несложное дело — найти подходящую невесту — оказалось трудным из-за нежелания европейских правительств обострять отношения с Россией. Королева Виктория приняла Фердинанда как принца Кобурга и своего племянника, но не как князя Болгарии, и не дала никаких обещаний помочь. Примерно то же случилось при германском дворе. Даже о какой-нибудь австрийской эрцгерцогине, несмотря на близкое родство Габсбургского и Кобургского домов, Фердинанду не позволяли думать, с сочувствием пишет его биограф³⁹.

Наконец, Франц Иосиф облагодетельствовал родственника, рекомендуя ему лишённую владений дочь Пармского герцога из старого Бурбонского рода. Но чтобы свадьба с Марией-Луизой могла состояться (событие произошло в апреле 1893 г.), Стамболову пришлось аннулировать статью Тырновской конституции, согласно которой восточное православие являлось обязательным для престолонаследника.

Россия негодовала. Однако со смертью Александра III в октябре 1894 г. в деле нормализации отношений между Россией и Княжеством Болгария наметились благоприятные тенденции. Для достижения положительного результата Фердинанд все личное поставил на карту. Он согласился на условие России, настаивавшей на православной династии в Болгарии, что подразумевало православное вероисповедание родившегося в 1894 г. престолонаследника, который уже был крещен по католическому обряду. С трудом уговорив на это Марию-Луизу (она, кажется, внутренне так никогда и не примирилась с фатальным, с точки зрения глубоко религиозной католички шагом), князь Болгарии отправился в Ватикан. Но там не добился ничего. «Отказывайтесь от трона!» — несколько раз повторил папа Лев XIII.

Однако вызов трудных обстоятельств Фердинанд принял. 15 февраля 1896 г. (по новому стилю) в Софии был совершен чин присоединения к православию престолонаследника Бориса. Его крестным отцом стал российский император Николай II. Хотя Фердинанд поплатился за содеянное папским отлучением от церкви, благодаря его дипломатическому маневру в международном положении Болгарии и его собственном сразу все переменялось. Все предшествующие годы Фердинанд был персоной нон грата. Женитьбой, рождением престолонаследника и последовавшим

затем примирением с Россией князю удалось создать и закрепить династию. Считается, что эти действия шли на пользу болгарскому государству, укрепляли его международный статус⁴⁰. Теперь к софийскому двору спешили посланцы России с официальным признанием Фердинанда. Свои подтверждения его качеств монарха прислали представители великих держав. Только теперь — в 1896 г., спустя девять лет после вокняжения, Фердинанд по-настоящему ощутил свой приход к власти. Как триумфатор он посетил султана, затем отправился в Петербург, Париж, Белград. И везде был принят! Лишь австрийские родственники еще некоторое время бойкотировали его.

Политический триумф Фердинанда, а, главное, пути его достижения имели в православной стране свою морально-психологическую стоимость. Двукратное свободное и неуважительное обращение князя и его сторонников с Тырновской конституцией, в том числе со статьями о вероисповедании престолонаследника, отлучение самого монарха от церкви — в отлучении Фердинанд находился несколько лет, пока в 1903 г. не умер папа Лев XIII — не прибавляли княжеской власти популярности в народе. И если при появлении в Княжестве его первого князя — Александра Баттенберга — К. Стоилов, например, сокрушался, наблюдая отсутствие в народе сакрального чувства к монарху, власть которого в православии считается божественной, и говорил, что это чувство надо пробуждать и воспитывать, то деяния Фердинанда с этой точки зрения оказывали только обратное действие.

Волнения среди формировавшейся общественности по поводу «игр» Фердинанда с религией возникали и раньше, например, когда из-за женитьбы князя на католичке и первого крещения престолонаследника по католическому обряду, появилась угроза утверждения в Болгарии католической династии. Тот же К. Стоилов решительно противился этому. «Неправда, — записывал он в своем дневнике, — что князь не может жениться без изменения статьи Конституции /.../ Вначале народ будет настроен против княгини, прибывшей при таких условиях: она докажет, что презирает его историю и традиции /.../ Династия останется чужим, экзотическим растением /.../ Не будем забывать, что многие из погибших на виселицах, были православными священниками. Я всегда считал будущее народа тесно связанным с православной верой. Мой идеал болгарского государства — православное государство /.../ Поэтому желаю и династию православную /.../ Мы боремся против иностранной религиозной пропаганды в Македонии, а принимаем ее в нашем дворце»⁴¹.

Гневно обозначил свое отношение к «неправедному поступку» Фердинанда глава болгарской церкви экзарх Иосиф. «Князь виноват перед церковью в том, — утверждал он, — что он насильственно, против воли народа и вопреки своей клятве изменил ст. 38 Конституции, крестил своего /только что родившегося наследника/ в католическую веру и телеграфировал папе, что гордится основанием в Болгарии католической династии»⁴².

В свою очередь тырновский митрополит Климент в феврале 1893 г. говорил в кафедральном соборе об изменении Конституции как о «родоотступничестве». «Надо знать, — продолжал он, — что каждый, кто посягает у нас на православие, посягает на само существование народа. Кто бы он ни был, пусть обладает самым высоким положением, пусть бы люди считали его величайшим доброжелателем народным, величайшим патриотом, если он посягает на народную веру — на православие, это священное достояние, оставленное нам дедами и прадедами как бесценный залог, как незыблемая основа счастливого и долговечного народного существования, — он не является и не может быть другом народа»⁴³.

Православные священники своими посланиями и проповедями вносили, таким образом, собственную лепту в неприятие населением образа действий и фигуры монарха, казалось бы, священной для них по определению. За что терпели преследования. Митрополит Климент, в частности, за процитированное выше выступление был обвинен в подстрекательстве народа к бунту против особы князя и против правительства и осужден.

В качестве короткого резюме скажем, что успешность попытки привить конституционную монархию на болгарскую почву (как это рекомендовали участники Берлинского конгресса 1878 г.) — с точки зрения прорастания элементов этого института в ткань болгарского общества и принятия в большей или меньшей степени их населением — может быть отнесена лишь к таким его составляющим, как конституционность и парламентаризм. И то только в определенной мере. Что же касается самого института монархии, то, хотя он, в конечном счете, устоял (Фердинанду наследовал его сын, ставший царем Борисом III (1918—1943), прочной опоры в Болгарии так и не обрел вплоть до середины 30-х годов XX в. Ни одному из тогдашних монархов не удалось преодолеть отчужденности народа, разлада между ними и управляемым ими населением. Как не удалось сплотить вокруг престола и политико-экономическую элиту. Неустойчивость положения владетелей внутри страны являлась по существу постоянно действующим фактором, заставлявшим каждого из них часто думать об отречении, как о выходе из положения.

Не менее трудными были их отношения с внешним миром. В рассматриваемые годы болгарским монархам лишь сверхусилиями и чуть ли не чудом удавалось получить признание на международной арене. Почти все время они находились в «подвешенном» состоянии, становясь игрушкой то российской, то иной дипломатии, или находясь под ударами авторитетных, но нелегальных структур, стремившихся использовать монаршую власть в своих интересах.

За период от Освобождения до Балканских войн Болгария сумела пройти путь частичной экономической модернизации. Строились железные дороги, пристани, фабрики, появились торговые и банковские династии. Страна переживала и времена экономического подъема, существенного, если иметь в виду общий уровень ее развития, например, «золотые годы» начала XX в., когда в некоторых категориях населения сравнительно бодро начался процесс «превращения человека традиционного общества в коммерсанта и предпринимателя буржуазного типа». Однако две военные катастрофы привели не только к торможению этого движения, ослаблению Болгарии в экономическом, политическом и военном отношении, «но, как оказалось, вообще закрыли путь к ее национальному объединению»⁴⁴. Об этом в следующем параграфе.

Примечания

¹ *Баева И., Трифонов Ст.* Модерна България. Сборник исторически изследвания в чест на 65-годишнините на проф. д-р Величко Георгиев и акад. Илчо Димитров. София, 1999. С. 5.

² *Гешева Й.* Монархическата идея при управлението на княз Александър I. 1879—1886 // Исторически преглед. 2002. № 1—2. С. 27.

³ *Стоилов К.* Указ. соч. Ч. 1. С. 36.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ *Гешева Й.* Указ. соч. С. 25.

⁶ *Стоилов К.* Указ. соч. Ч. 1. С. 40.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ *Алексеев А. С.* Возникновение конституций в монархических государствах континентальной Европы XIX ст. М., 1914. Ч. 1. С. IV—V.

⁹ Там же.

¹⁰ *Стоилов К.* Указ. соч. Ч. 1. С. 41.

¹¹ См., например: *Боханов А.* Указ. соч. С. 30.

¹² *Погодин С. Ф.* Лекции по русской истории. Учебник русской истории. СПб., 1993 (Переиздание). С. 717.

¹³ *Влахов-Мицов Ст.* Владетели в примка. Книга за княз Батенберг, цар Фердинанд и цар Борис III. София, 1992. С. 23.

¹⁴ Там же. С. 15.

- ¹⁵ Стоилов К. Указ. соч. С. 44.
- ¹⁶ Ср.: Адлер Фр. Возрождение Интернационала. Петербург, 1919. С. 58.
- ¹⁷ Косик В. И. Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе. 1886—1894. М., 1993. С. 6—8.
- ¹⁸ Личният архив на Стефан Стамболов. Писма, телеграми, записки и дневници. София, 1994. Т. 1. С. 148—149.
- ¹⁹ Стоилов К. Указ. соч. С. 9.
- ²⁰ Личният архив... Т. 1. С. 146.
- ²¹ Мадол Х. Р. Фердинанд, цар на българите. Мечтата за Византия. София, 1992. С. 16.
- ²² Там же. С. 17.
- ²³ Генев Р. Българските политически партии и техните английски аналози (1879—1886): опит за сравнителен исторически анализ // Модерна България. Сборник. София, 1999. С. 27.
- ²⁴ Мишкова Д. Българският опит в политическата вестернизация // *Bulgarien Quarterly*. 1991. Зима. Т. I. Кн. 3. С. 25.
- ²⁵ Попов Ж. Бурният живот на Димитър Петков. София, 1998. С. 40.
- ²⁶ Влахов-Мицов С. Указ. соч. С. 66.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Цит. по: Влахов-Мицов С. Указ. соч. С. 84.
- ²⁹ Попов Ж. Указ. соч. С. 197.
- ³⁰ Палангурски М. Указ. соч. С. 267.
- ³¹ Василева Д. Светската и духовната интелигенция в България от Освобождението до Балканските войни // Бог и цар в българската история. Пловдив, 1996. С. 283.
- ³² Там же.
- ³³ Мадол Х. Р. Указ. соч. С. 20.
- ³⁴ Влахов-Мицов С. Указ. соч. С. 63.
- ³⁵ Благовев Д. Съчинения. Т. 7. С. 200.
- ³⁶ Косик В. И. Указ. соч. С. 3.
- ³⁷ Там же. С. 84.
- ³⁸ Там же. С. 17—18.
- ³⁹ Мадол Х. Р. Указ. соч. С. 37.
- ⁴⁰ Влахов-Мицов С. Указ. соч. С. 62.
- ⁴¹ См.: Там же. С. 66—67.
- ⁴² Цит. по: Петков П. Православная церковь и государственная власть в Княжестве Болгарии. 1878—1896 // *Bulgarien Historical Review*. Sofia. 2000. № 3—4. С. 67.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Георгиев В. Развитие на политическата система в България. 1918—1944 // България 1300. Институции и държавна традиция. Доклади на 3-я конгрес на Българското историческо дружество. София, 1981. С. 295.

3. Сан-Стефано? Да, Сан-Стефано!..

Укрепление Фердинанда на престоле совпало с общим осложнением ситуации на Балканах, связанным с нерешенностью македонского вопроса. Прежде чем приступить к этому трудному и «нервному» сюжету, вернемся на два десятилетия назад.

Мне уже приходилось обращать внимание на то, что в историографии упор на господстве великодержавных идей во вновь образовавшихся на Балканах государствах (идеи «Великой Греции», «Великой Сербии», «Великой Болгарии») стал в какой-то степени штампом. Опираясь этими понятиями, специалисты, как правило, не стремятся отделить в них иллюзорное от реального, т. е. саму «голую» «национальную идею» (или даже «националистическую идеологию») от соответствующей государственной внешнеполитической практики, которая либо на самом деле базировалась на ней, либо политики только держали ее в уме. Выстраивание же подобных экспансионистских доктрин, созданных в разных балканских странах, в один ряд создает впечатление как одновременности их появления, так и претворения их в жизнь в качестве равного во всех случаях по своему значению фактора. Что не совсем соответствует действительности. К такому мнению меня привели размышления о «болгарской национальной идее», о так называемой Сан-Стефанской Болгарии и о попытках болгарских политиков реализовать свой «национальный идеал», не умерший, кажется, до сих пор.

Провозглашение усилиями русской дипломатии границ Сан-Стефанской Болгарии после победного завершения Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. вызвало в Европе большой переполох своей дерзостью. Собранный летом 1878 г. Берлинский конгресс ее не потерпел и расставил совершенно иные координаты на карте Европы: территория Сан-Стефанской Болгарии, просуществовавшей всего три месяца и то лишь на бумаге, оказалась значительно усеченной. У самих болгар, как констатирует уже упоминавшийся Ст. Влахов-Мицов, концепции собственных национальных интересов в то время не было, болгарское общество, говорит он, еще не созрело для самостоятельной политической жизни¹. Возрожденческий

идеал, на который так часто ссылаются болгарские историки, как на пре-дысторию Сан-Стефано, присутствовал в сознании народа лишь в самых общих чертах, вернее, витал в его мечтаниях о свободных Мизии, Фракии и Македонии. Но никак более точно не конкретизировался. Поэтому представляется правильным говорить о возрожденческом идеале как об *общественном*², но еще не национальном. «Ни один болгарин, — пишет И. Илчев, — в годы до Апрельского восстания не разработал целостной национальной доктрины, которая совпадала бы с границами, начертанными в Сан-Стефано»³. Лишь благодаря русским дипломатам расплывчатая возрожденческая идея приобрела образ Сан-Стефанской Болгарии, которому потребовалось затем не менее двух десятилетий, прежде чем он облекся в национальную болгарскую форму, и, приобретя тогда конкретное политическое звучание, поступил, так сказать, на болгарскую государственную службу уже в качестве *национального идеала*.

Я думаю, именно здесь кроется определенное отличие болгарской национальной идеи от первоначального российского замысла. Это обстоятельство, пожалуй, впервые подметил В. И. Косик, хотя и обрисовал его весьма туманно, без пояснений заявив, что Сан-Стефанская Болгария была создана русской дипломатией «с несколькими иными целями»⁴. Во всяком случае, характерно, что уже в 1886 г., одобряя выработанный российской дипломатией программу действий России на Балканах, император Александр III отказался от прежних видов на «Сан-Стефано», написав на предложенном ему проекте: «Не преследовать во что бы то ни стало дальнейшего разрешения болгарского вопроса в смысле создания Великой Болгарии, а предоставить его последовательное развитие политическим нуждам...»⁵ Частично в таком подходе сказывались прежние обиды императорского двора, обвинявшего «передовых людей болгарского элемента, как и сербского» в готовности «отшатнуться от России и искать поддержки и союза у ее врагов». Но главное — после тяжелой Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Россия уже не находила в себе сил для более активной внешней политики, включавшей возможную новую войну. На долгие десятилетия Россия вынуждена была ограничиться политикой миролюбия, сохранения на Балканах статус-кво, не отдавая предпочтения кому-либо из балканских славян, — политикой, которую последние не понимали и не принимали.

Собственно говоря, внешнеполитического миролюбия требовали и внутрироссийские обстоятельства, сложившиеся в царствование Александра III, да и в последующие годы. России действительно необходимо было внутренне «сосредоточиться», как говаривал один из ее министров, в том числе и для того, чтобы несколько самортизировать удар, нанесен-

ный, прежде всего, по дворянству и крестьянству реформами 1860-х годов. И вместе с тем находить силы, чтобы продвигаться дальше по пути собственной модернизации.

Частично отсюда проистекала и позиция фактического нейтралитета России в отношении македонских притязаний как Болгарии, так и Сербии.

Суть болгарского общественного, а позже национального идеала* заключалась в объединении родственного «болгарского племени», значительная часть которого⁶, как считалось, осталась, согласно решениям Берлинского конгресса, за пределами Княжества Болгария, главным образом, в македонских землях. Что, впрочем, не было чем-то исключительным: высвобождение в XIX в. любого из балканских народов — греческого, сербского, болгарского — из-под султанского ига нигде не происходило полностью и сразу. Но разница между ними была. Она заключалась в том, что болгары не только позже своих соседей получили возможность для создания собственного государства, и им предстояло их догонять во всех отношениях, но и в том, что Берлинский конгресс, торжественно провозгласив Сербию, Румынию, Черногорию независимыми государствами, Княжество Болгария оставил в статусе турецкого вассала, который продержался еще целых тридцать лет.

Объединение родственного населения в рамках одной страны можно отнести к объективной задаче государственного строительства (оставим пока за скобками вопрос, насколько это родственное население самоопределилось этнически, т. е. сознательно считало себя болгарами или сербами, греками, македонцами). Но такое объединение предполагало и присоединение к самостоятельному государству территорий, на которых проживали «внешние части» родственного племени, т. е. задача объединения подразумевала внешнеполитическую экспансию. Однако в течение ряда десятилетий после Освобождения международные условия существования Княжества Болгария исключали саму постановку такого вопроса, поскольку наибольшие ограничения, связанные с вассальным статусом Княжества, распространялись именно на область его внешнеполитических, международных связей. До определенного времени, как свидетельствуют документы ряда болгарских политических партий, внешняя политика княжеских правительств вообще не имела четко выраженного обозначения.

* Присоединяясь к тому пониманию процесса формирования «национального идеала», который был предложен П. Петковым, считаю возможным говорить о преобразовании болгарского «общественного идеала» периода Возрождения в «болгарский национальный идеал» примерно с середины 1890-х годов.

К тому же примерно до конца XIX в. естественным для строителей новой Болгарии было преимущественное внимание к проблемам внутриполитического созидания основ страны.

Слова о страдающих под османским гнетом братьях звучали и с амвонов, и в Народном собрании, печатались на многих страницах газетной продукции, но оставались словами. Четкой внешнеполитической позиции не было еще и потому, подчеркивает Ст. Влахов-Мицов, что *формирование болгарского политического и национального (государственного) сознания* встречало множество препятствий.

В этом с ним можно согласиться. Действительно, во-первых, сама политическая «страта» в стране оставалась весьма слабой и немногочисленной, по-настоящему выдающихся личностей, которые могли бы повести за собой зарождающееся гражданское общество, практически не оказалось. В качестве исключения следует назвать лишь Стефана Стамболова, проявившего себя политиком, искренне заинтересованным в укреплении молодого государства. К тому же, судя по дневниковым записям Стамболова, главной заботой в период его премьерства являлась работа внешнеполитическая, а именно — отстаивать легитимное существование Княжества, которому, как он многократно повторял, угрожала Россия, готовая присоединить Болгарию к себе в качестве новой губернии. Но эти послы направлялись в общество, возможно, слишком рано; оно еще не вполне идентифицировало себя, в частности, из-за весьма широкого распространения среди населения русофильства. Что мешало еще не сложившемуся обществу понять собственные национальные интересы и принять идеи Стамболова с их гражданственностью. Да и действовал Стамболов с помощью жестких диктаторских методов. Именно в годы стамболовского правления из-за развернувшихся преследований Княжество покинула значительная группа политической и литературной интеллигенции, составив первую в истории Болгарии политическую эмиграцию в Румынию, Сербию, Россию.

Во-вторых, долгое проживание болгарского населения в «лоне» Султана также по-своему препятствовало формированию болгарского национального сознания. Хотя после Освобождения Болгарии большая часть турок покинула эту территорию, немало их сохранило прежнее местожительство. Вековое совместное существование нижних социальных слоев болгар и турок, когда многие детали турецкого быта, языка, обычаев становились как бы общими, в определенной мере препятствовало кристаллизации собственно болгарского сознания. Недаром в трудную пору обострения отношений Болгарии с Россией тот же Стамболов, чтобы

разорвать круг изоляции страны, задумывался об автономии Княжества в составе Османской империи. И такое направление ума не было уж чем-то совершенно исключительным: мысли об использовании Турции в качестве возможного союзника мелькали и у «крайнего революционера», стоявшего во главе «Добродетельной дружины», и у Экзарха Иосифа I.

Останавливаясь на этом вопросе, В. Проданов считает необходимым отметить значение также и 200-летнего порабощения Болгарии Византией. «Еще до турок, — пишет он, — «византизация» создала предпосылки для подражательства и копирования более сильной византийской культуры. Не может быть сильной национальной идентификация там, где общность большую часть своей истории не была субъектом своего развития»⁷.

В-третьих, сам строй политической жизни Болгарии конца XIX в., как мы уже отмечали, заключался в преимущественном удовлетворении партиями и их лидерами собственных интересов, в извлечении максимальной пользы от близости к власти. В годы довольно быстрого экономического развития Княжества (конец 1880 — начало 1890-х) усилился процесс расколов, расщеплений партий; их становилось все больше, а следовательно, больше появлялось и претендентов на близость к власти с ее меркантильными возможностями. Вопрос о власти, замечает Ст. Влахов-Мицов, стал вымещать проблему национального суверенитета⁸. В свою очередь подчеркну, что хождение в партийных и общественных кругах различных внешне- и внутривнутриполитических концепций, до конца не разработанных, но содержащих разнонаправленные идеи, в том числе с точки зрения международной ориентации, порождали хаотическое скопление мнений, представлений, проектов, их своеобразно пульсирующую мозаичность, близкую к политической шизофрении. Характерны слова И. Илчева, правда, о несколько более позднем времени: действия политиков и дипломатов нередко исходили из параллельной реальности, т. е. не из самой действительности, а из представлений о ней⁹.

Поэтому трудно было ожидать, чтобы кто-то из действующих государственных и партийных лидеров серьезно озаботился составлением программы политической модернизации страны, и, особенно, целенаправленного воспитания государственнического сознания у народонаселения. Или постановкой адекватных социальных целей¹⁰ как интегральной задачи.

Эту лагуну некоторые из них осознали, и то лишь частично, только после двух военных катастроф. В начале 1920-х годов Андрей Ляпчев, один из наиболее опытных болгарских политиков, вынужден был признать: «Из-за войн и по другим причинам мы упустили дело создания

нашей и переводной литературы для обоснования принципиальных позиций по вопросам общественной солидарности, национализма, экономического развития общества и, в частности, нашей страны с точки зрения личной инициативы, собственности и кооперативного дела. Здесь у нас большая пустота», социалисты — тесняки и широкие — сделали в этом отношении гораздо больше¹¹.

Наконец, очень важным обстоятельством являлось сильное давление на болгарское сознание со стороны русофильства и славянофильства. Некоторые болгарские авторы считают возможным говорить о «русофильском синдроме» населения; свою роль играл и «славянофильский синдром». С восстановлением российско-болгарских отношений при императоре Николае II эти элементы общественной жизни получали дополнительную подпитку. Так, в 1902 г. на празднование 25-й годовщины Русско-турецкой войны в Болгарию прибыла русская делегация во главе с великим князем Николаем Николаевичем. В 1907 г. в Софии произошло торжественное освящение памятника Царю-освободителю. Трудно представить себе, чтобы высокопоставленные российские визиты не вызывали в определенных болгарских кругах оживления красивого Сан-Стефанского мифа. Все это питало старое русофильство, возрождало в народе надежды на матушку Россию и, возможно, действительно до некоторой степени *расстраивало государственный национализм*.

Указанные обстоятельства надо учитывать без всякой, однако, абсолютизации их, поскольку постепенно оформлялись и противоположные тенденции, — и как это «принято» на Балканах, — выраженные в виде крайнего радикализма. Этому способствовало новое обострение ближневосточного кризиса на исходе XIX в.

* * *

Кризисные явления в Балканском регионе в конце XIX столетия заставили Болгарию активизировать международные связи, зондировать почву в разных направлениях. В 1897 г. было заключено болгаро-сербское соглашение о сохранении территориального статус кво на Балканах, в 1902 г. последовала болгаро-российская военная конвенция. В 1904 г. стал возможным договор с Сербией о дружбе, дополненный тайным соглашением о союзе между двумя странами. Однако все эти успехи оказались «пустыми», нереализуемыми: договоренности либо отменялись спустя короткое время, либо не ратифицировались одной из сторон.

Неопределенность на внешних границах, как и открытая или затаенная, потенциальная агрессивность всех государственных субъектов в юго-восточном балканском регионе находились в обратной связи с задачами их модернизации. Поддержание постоянной напряженности и подозрительности в отношениях между соседними странами, и само их существование в таком состоянии — все это отвлекало немалые средства, столь необходимые для всесторонних модернизационных преобразований.

Обязанность Турции провести реформы в македонских землях, вытекавшая из ст. 23 Берлинского трактата, не реализовывалась в должной степени. Бесплодное ожидание результатов реформ в Македонии дало толчок к интенсивному развитию здесь такой формы борьбы между соперниками, как агитационно-пропагандистская деятельность по «оформлению» своего конкретного (сербского, болгарского или греческого) этнического сознания у местного населения.

Торопилась в этом отношении и Болгария. Она еще в 1870 г. добилась признания самостоятельности своей церкви, а большая часть жителей Македонии и Фракии получила право на церковно-этническое самоопределение через плебисцит. Плебисцит в полной мере тогда провести не удалось. Но проблемы, связанные с определением границ болгарского экзархата и распадением православного населения, считавшего себя болгарскими, на экзархистов (сторонников болгарского Экзарха с местопребыванием в Цариграде) и патриаршистов (сторонников константинопольского Патриарха, считавшихся грекомацонами и сербоманами), повлекли за собой дальнейшее углубление противоречий в регионе¹².

Церковно-просветительская пропаганда требовала от каждого балканского государства, стремившегося добиться здесь преимущества на перспективу, больших финансовых вливаний. Строились храмы, открывались сербские, болгарские, греческие школы. Священники и учителя становились настоящими «будителями» того или иного этнического сознания у подверженного их «легальной атаке» населения. По некоторым сведениям, школ на территории спорных земель в 1880—1890-е годы существовало больше, чем в «материнских» государствах, т. е. главные усилия соперничающих государств направлялись на политическую обработку подрастающего и среднего по возрасту поколений — учащихся и их родителей. Они-то и составили основную базу появившихся вскоре нелегальных «революционных» организаций, нацеленных уже на *вооруженную борьбу* за освобождение из-под власти турок и добивавшихся политического утверждения *своей*, уже как бы заявленной с помощью пропаганды этнонациональной идентичности. Правда, последняя не всегда была достаточно прочной. В литературе отмечается немало фактов перемены

рядом лиц своей этнической идентификации на иную в связи с изменением внешних обстоятельств. В частности, на такое явление указывает Д. О. Лабаури, фиксируя сравнительную легкость «перехода» македонских болгар в македонских сербов после неудачи Ильинденско-Преображенского восстания 1903 г.¹³

Политика болгарской Экзархии в Македонии и Фракии была проявлением «в наиболее чистом виде *эволюционистской* идеи Возрождения»¹⁴. Но в Новое время легальная *борьба за этническое сознание* населения оказалась недостаточной и постепенно вытеснилась на второй план. В 1900 г. Экзарх в докладе Св. Синоду в Софии выражал недовольство другим — революционным направлением политики, олицетворявшимся «революционными апостолами», которые дескать стремятся «насиловать время» и естественный «ход задачи», Экзархию же считают анахронизмом. Выход Экзарх видел в прекращении поддержки революционного движения в Македонии и Фракии со стороны болгарского правительства и ориентации последнего на турецкие власти, которые помешали бы проникновению сербской пропаганды¹⁵. Рекомендации, как видим, были не слишком адекватны напряженной ситуации.

После отказа России в конце XIX в. поддерживать в решении македонского вопроса интересы какой-либо балканской страны и при отсутствии благоприятных для последних знаков и сигналов со стороны Запада, запутанная македонская проблема оказалась предоставленной как бы саморазрешению. Что побудило ту часть населения македонских земель, которая была настроена проболгарски, ориентироваться на мобилизацию собственных сил. В 1893 г. в Солуни возникла *нелегальная* Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО) с целью подготовки вооруженной борьбы. Задачей было добиваться *автономии Македонии* и желательно с последующим ее присоединением к Болгарии. Считается, что одним из конкретных поводов для создания *революционной организации* послужило осознание ее руководителями масштабности иностранной, особенно сербской, пропаганды в Македонии. Надо было действовать, «прежде чем сербская пропаганда усилится и раздробит народ», полагал один из организаторов и руководителей движения Д. Груев¹⁶.

* * *

Деятельность ВМРО по мобилизации населения Македонии и Фракии, а также общественного мнения Болгарии на борьбу за освобождение этих земель из-под власти турок.

Подробное рассмотрение принципов Организации и ее функционирования не входит в наши планы. Остановимся только на тех ее характерных чертах, которые важны для раскрытия поставленного вопроса.

В новейшей болгарской литературе обращено специальное внимание на преемственность ВМРО и ее устава с принципами и уставом революционной Организации периода до Освобождения. Даже главный лозунг повторял прежний — «Свобода или смерть!» Известный болгарский историк Г. Марков, выступая на конференции, посвященной 100-летию Ильинденско-Преображенского восстания 1903 г., с воодушевлением приводил слова Д. Груева: «Будем действовать по примеру Ботева, Левского, Бенковского и других. Мы изучили эту организацию. На нас повлияли, например, “Записки” Захария Стоянова и вообще вся тогдашняя болгарская революционная литература. Так был выработан этот Устав — по образцу Устава революционной организации в Болгарии до Освобождения»¹⁷. Г. Марков не преминул упомянуть, что условия для борьбы против власти султана в 1890-е годы отличались от тех, что имелись в 1870-е, но, правда, лишь в одной короткой фразе, хотя мне представляется — именно указанное обстоятельство более всего нуждается в анализе со всей возможной тщательностью.

Подчеркивание со знаком плюс фактора преемственности старой и новой организаций распространилось в ходе названной научной конференции и на анализ Ильинденско-Преображенского восстания 1903 г., как продолжившего (а в действительности, во многом *повторившего*) эпопею Апрельского восстания 1876 г. Приведу слова академика К. Косева: «Ильинденско-Преображенское восстание — это естественное продолжение Апрельского... Они организованы и протекали по хорошо известной универсальной схеме подобных национально-освободительных движений. Согласно этой схеме, цель их проста — в неравной битве с многократно превосходящими силами империи-тирана добиваться не столько победы на поле сражения, но, главное, — политического эффекта. А это достигается путем интернационализации конфликта, вызывая вмешательство великих держав в надежде на возможную благоприятную политическую развязку»¹⁸.

Думается, что использование приемов борьбы 20-летней давности в 1890-е годы, — в совершенно новых условиях, сложившихся, во-первых, в самом балканском регионе, где появились и укрепились самостоятельные государства (греческое, сербское, румынское, черногорское и полунезависимое болгарское), — каждое со своими собственными целями, и, главное, с потенциальной готовностью большинства их объединиться против Болгарии; во-вторых, отразившихся на характере европейских

и мировых международных отношений, уже находившихся под воздействием первых предвестий грандиозного мирового конфликта. Стремление руководителей ВМРО в основном повторить уже имевшийся опыт, при явно недостаточном учете ими обстоятельств Нового времени свидетельствует как об однобокости получаемой информации, не дававшей полного представления о существенно изменившейся с 1870-х годов внешнеполитической ситуации, так и об их традиционной наивности и неосмотрительности. А, кроме того, — и это, может быть, главное, — об их закрывающей уши и глаза поглощенности революционной идеей и целью, за пределами которых ничто уже как бы не существует.

Могу лишь солидаризироваться с позицией участника научной конференции Ангела Димитрова, считающего, что Ильинденско-Преображенское восстание стало последним, проводившимся «в духе и средствами вооруженной борьбы эпохи Возрождения». Оно уже лишено, утверждает он, реальных перспектив успеха и в известном смысле *запоздало*¹⁹. К сожалению, этот принципиальный, на мой взгляд, тезис не получил дальнейшего развития.

Если с перспективы XXI века справедливо считать, что Ильинденско-Преображенское восстание, будучи «вершиной национально-освободительного движения болгарского населения Македонии» по методам и способам борьбы, запоздало исторически, то его организаторы и руководители вовсе не думали, да и не могли думать, об этом точно так же. Очевидно, что политический и культурный уровень руководства Организации не мог резко выделяться на фоне той степени социально-экономического развития этой провинции султанской Турции, которого она достигла к концу XIX столетия.

В свою очередь, в Сербии в том же 1903 г. для организации повстанческого движения в Старой Сербии и Македонии была также создана, якобы «по болгарскому примеру», организация «Народная оборона»²⁰. Правда, некие сокровенные цели этих организаций были обозначены разно: у болгар — на первом месте «свобода для братьев», живущих в Македонии, хотя нельзя отрицать наличия здесь элемента вуалирования политических интересов, идущих значительно дальше обозначенной цели; у сербов — «объединение всего народа воедино», что отражал девиз организации «Объединение или смерть», причем, как отмечает ряд авторов, — с некоторым акцентом на объединение всех южных славян. В целом же болгарская и сербская организации действительно родственны: за объявленными целями и в том, и в другом случае стояли большие экспансионистские планы наращивания, прежде всего, территории, но также и народонаселения.

Деятельность сербского общества активизировалась после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. Тогда были созданы местные территориальные органы, добровольцы проходили военную подготовку, создавались военизированные четы, закупалось оружие.

Но, главное, что объединяет и характеризует деятельность такого рода обществ на Балканах — их взаимосвязь с «материнскими» правительственными структурами и, особенно, с армией «родного» государства, на политику которого они начинают оказывать влияние, иногда вплоть до довлеющего. Является ли возникновение и функционирование таких *парасударственных* институций, устанавливающих на определенной территории, при известной опоре на местных жителей, свою *почти державную власть*, — проявлением внутренней, ментальной особенности населения юго-востока Балкан, его далеко еще не «остаточной» традиционности, что выражается, помимо прочего, в привлекательности для молодых людей (да и других возрастов тоже) жизни в полувоенных условиях, участия в деятельности чет? Или основное тут: самим найти *силовой выход* из получившейся из «македонского вопроса» международной мышеловки, закрытой почти со всех сторон, но, безусловно, — с севера, юга и востока — и использовать любые средства для достижения этой цели; в том числе использовать родственное государство, опереться на него и сражаться с ним, поскольку из-за слабости оно позволяет сделать это (болгарский случай)*, либо сознательно стать инструментом в руках своего государства или его органа в лице военных, даже в случае их противостояния центральной власти (сербский случай). По правде говоря, верными являются обе части вопроса, каждая по-своему.

* * *

В 1896 г. ВМРО была преобразована во Внутреннюю македоно-одринскую революционную организацию (ВМОРО). Это значило, что объектом ее борьбы за освобождение от османской власти являются земли и население не только Македонии, но и Одринского санджака Турции. Центральный комитет ВМОРО располагался в Солуни. Тогда же в Софии разместилось Заграничное представительство ВМОРО — орган ее ЦК. Годом раньше здесь же, в Софии, был учрежден Македонский комитет; он пред-

* Впрочем, таково личное понимание ситуации автором. В болгарской «патриотической» литературе усиленно подчеркивается изначальное взаимное притяжение болгарской власти и ВМОРО.

ставлял интересы беженцев, организованных в Болгарии в македоно-одринские местные организации (землячества). В Княжестве оба последних учреждения существовали и действовали легально.

За несколько лет местные структуры ВМОРО возникли на всей территории Македонии и Одринской области Османской империи. На съезде Организации в Солуни в 1896 г., названном учредительным, революционеры поставили цель: завоевание *полной политической автономии* для Македонии и Одринской области; в Организации вводилась иерархическая структура подчинения; «революционная территория» была разделена на округа, каждый со своим руководством²¹.

ВМОРО занялась вооружением населения, а затем и созданием вооруженных чет, действовавших под руководством нелегалов. Одной из задач чет была агитационно-организационная работа среди населения — нередко вооруженная, следовательно, более активная, чем легальная экзархистская. Необходимо было также укреплять дисциплину среди членов ВМОРО, расширять революционную сеть. Дисциплина устанавливалась строгая, укрепление ее регламентировалось специальными циркулярами и инструкциями, как и вся иерархия руководства. Революционная дисциплина распространялась также на местных жителей. Им предлагалось, нередко под угрозой смерти, покупать оружие, в том числе у четников, участвовать в восстаниях. Бедняков силой заставляли вступать в отряды, богатых — делать финансовые взносы. Р-р-революционная заносчивость привела ВМОРО к якобы оправданной практике избавления (путем убийства) от «бесполезных для идеи людей», т. е. от тех самых, ради освобождения и счастья которых затевалось само национально-освободительное движение. Убитых как врагов Организации списывали на турецких чиновников, искусственно провоцируя, таким образом, межэтнические конфликты, натравливая крестьян на турецкие власти. Вообще практика специального натравливания населения против турок, разжигания ненависти к ним получила широкое применение.

Так в довольно короткое время, где агитацией, где насилием была создана стройная вооруженная организация, способная ставить перед местным населением боевые задачи и мобилизовывать его, хотя бы силой и принуждением, на их выполнение. Впрочем, *немалая часть жителей добровольно вливалась в ряды ВМОРО*, становилась четниками, с верой в возможность осуществления заветной цели. Об этом создана огромная литература.

Нелегальная деятельность ВМОРО, подвергавшейся постоянным преследованиям турецких властей, очень скоро определила характер Орга-

низации как *террористической*. Это важное обстоятельство нередко игнорируется болгарскими исследователями²². Террор в отношении турецких властей, кажется, еще может иметь свое объяснение. Однако зачастую теракты (взрывы в общественных местах, убийства турецких чиновников) приводили к жестокой ответной реакции — не менее кровавым репрессиям в отношении «своего» же этнически местного населения, которое таким образом десятками приносилось в жертву. С этими потерями не принято было считаться.

Во-вторых, террор в отношении провинившихся членов Организации. Были созданы специальные террористические группы для сбора денег с жителей сел и городов, а также «для наказания разоблаченных шпионов». Последнее является, можно сказать, обычным делом для нелегальной революционной организации, за которой охотятся турецкие власти. Но, как представляется, терроризм ВМОРО со временем становился не только все более разветвленным, но и самодовлеющим. После Солунского съезда 1896 г. так называемая тайная полиция Организации «профессионализировалась», разделившись на сыскную и карательную²³.

Чтобы террористические акты стали «делом чести» для «экзальтированных македонских патриотов», был введен статус «террорист» — штаб-офицерский революционный чин, в него производили отличившихся на этом поприще, как докладывал в МИД Княжества Д. Ризов, тогдашний болгарский торговый агент в Скопье²⁴.

Позволю себе замечание по поводу собственно терроризма как явления, сопутствующего борьбе, проходящей под лозунгами национального освобождения. Оно касается как бы естественного для условий Македонии, да и Болгарии тоже, молодежного в значительной степени характера освободительного движения и связывается с высокой долей молодых в составе населения здесь. Выше мы приводили соответствующие демографические данные для Болгарии конца XIX — начала XX в. (39—40% населения составляли дети и юноши 0—15 лет, другая большая группа — 44,5% состояла из 14—49-летних). Преобладание молодых возрастов в демографической структуре болгарские авторы объясняют, прежде всего, высоким уровнем рождаемости в Княжестве, как до Освобождения, так и некоторое время после него. Думать, что ситуация в македонских землях сильно отличалась от болгарской, полагаю, нет оснований. Молодежь, напитанная революционной романтикой, не определившаяся профессионально, не устроенная в социальном плане, и составляла главный контингент ВМОРО. Она заражала общество своей устремленностью, крылатым чувством безответственности за многое из содеянного «ради

правды и справедливости», сознанием превосходства молодости. Не без оснований современные социологи серьезно занимаются изучением поведения молодежи, мотивации ее поступков, характера молодежных движений и т. п. В 2003 г. немецкий профессор Г. Гейнзон опубликовал книгу «Сыновья и мировое господство: роль террора в подъеме и падении наций», в которой утверждает, что насилие имеет тенденцию происходить в обществах, где молодые люди 15—29 лет составляют больше 30% от общего населения*. Вместе с нею, в ходе разного рода профессиональных и общественных обсуждений, появилось и примечательное определение: *злочастивный приоритет молодежи*.

Похоже, что именно так обстояло дело в тех обществах юго-восточных Балкан, о которых мы говорим. И что для людей, организовавших теракты или осуществлявших террор, жертвовавших своей и чужой жизнью во имя «высокой цели», насилие являлось естественным компонентом их жизни. Но оказывалось — не только жизни отдельных революционных фанатиков, а, становясь составляющей политической и общественной атмосферы, — и всей страны. Общественность собственно Болгарии, хотя и прошла уже некоторую часть цивилизующего пути, по-видимому, считала террористическую деятельность в сложившихся условиях неизбежным злом и потому приемлемой. Недаром романтическую героизацию национально-освободительной борьбы поддерживали своим авторитетом и непосредственным участием представители интеллектуальной части болгарского социума. Среди них — писатели Иван Вазов, Стоян Михайловский, нежный поэт Пейо Яворов. Впрочем, именно об этом заявляет цитировавшийся выше болгарский ученый В. Проданов. Считая, что весь период с 1878 по 1947 г. болгарское общество находилось в переходном состоянии и что переходность продуцировала «физически насильствен-

* Свои рассуждения Г. Гейнзон основывает на расчете, сравнивая количество мужчин в возрасте 40—44 лет с мальчиками в возрасте от 0 до 4 лет. Демографический сбой происходит, считает он, когда на каждых 100 мужчин 40—44 лет приходится меньше 80 мальчиков 0—4 лет. Мотивы насилия — религия, национализм, марксизм, фашизм — несущественны, по его мнению (тезис, вызвавший наибольшие возражения критиков). В наше время это соотношение составляет в секторе Газы — 100/464, Афганистане — 100/403, Ираке — 100/351, Сомали — 100/364, Германии — 100/50. Если бы у немцев после 1945 г., продолжает Г. Гейнзон, рождаемость была бы такой же, как в 1900—1914 гг., то сейчас население Германии составило бы почти 500 млн человек, а приблизительно 80 млн пришлось бы на юношей 15—29 лет (сейчас их только семь миллионов). Он пишет далее: мы можем задать вопросом: вли бы себя эти 80 миллионов так же мирно, как нынешние семь миллионов, или они захотели бы вернуть Германии Бреслау, Данциг, Кенигсберг?

ные взаимодействия, особенно среди молодых людей», он заключает: «Ежедневное насилие было всепроникающим и воспринималось обществом как *самоочевидное* (курсив мой. — Р. Г.)». Тем более, когда речь шла о «благородных и справедливых целях»²⁵.

* * *

Теперь о такой характерной черте политической жизни юго-восточных балканских стран, как взаимосвязь и взаимодействие *нелегальных* общественных организаций с *легитимными* государственными структурами. *Механизм* этого легально-нелегального взаимодействия государственных и общественных структур представляется возможным проследить на примере Болгарии. Когда мы говорим о «гримасах политической модернизации» в этой стране (и в некоторых других на Балканах), мы имеем в виду, прежде всего, казалось бы, противоестественное *сращивание* и *совместную деятельность* названных выше институтов. Несомненно, такое становилось возможным, главным образом, из-за слабости легитимных властных структур Княжества, поддававшихся давлению традиционности по формуле (если следовать академику В. Н. Топорову) амбивалентной «балканской философии», воздействовавшей таким образом на непосредственную государственно-политическую практику. Что выразилось в складывании системы, в которой государство работало «в зависимости от ситуации — в двух не только разных, но и противоположных режимах»²⁶.

Рассмотрим подробнее это опасное явление на примере ВМОРО и Княжества Болгария.

Цель ВМОРО, провозглашенная на ее Солунском съезде в 1896 г., — добиваться полной политической автономии для Македонии и Одринской области — не могла не импонировать болгарским властям: в случае успеха создавались благоприятные возможности для присоединения этих земель к Княжеству по признаку этнического родства населения. Опыт воссоединения Болгарии и автономной Восточной Румелии в 1885 г. придавал куража. Однако открыто заявить о своих притязаниях Болгария не решалась, опасаясь международного конфликта, встретить который не была готова. Не исключено, что твердой позиции по стратегическим и тактическим внешнеполитическим вопросам в правящих кругах вообще еще не сформировалось, опереться на собственную национально-государственную концепцию не было возможности, поскольку ее не существовало. Оставался Сан-Стефанский идеал, совсем неплохой. Но как, какими средствами его добиваться?

Идея политической автономии Македонии и Фракии представала в этом контексте удачной. Соответствующий проект, пишет болгарский историк Р. Попов, *предложенный Македонским комитетом* (София), получил одобрение как со стороны ВМОРО, так и «в принципе со стороны княжеского правительства», после чего стал, утверждает автор, «основой политики болгарского правительства по македонскому вопросу на долгие годы»²⁷. Многие современные болгарские историки до сих пор считают благоприятной для Болгарии «автономистскую» ориентацию²⁸. Другие отмечают, что педалирование принципа автономии, как весьма выгодного для болгар, раздражало их соседей по полуострову и вызывало у них горячее желание сплотиться и дать «наглецам» жесткий отпор. Что в перспективе вело к созданию обруча изоляции вокруг Болгарии²⁹.

Здесь очень важно то обстоятельство, что артикуляция плана, в котором была заинтересована Болгария, и которая согласилась участвовать в его осуществлении, инициативно исходила от македонской организации.

Однако курс, как бы принятый Болгарией, не проводился в отношениях с ВМОРО целеустремленно, колебался то в одну, то в другую сторону. Болгарские власти и оказывали македонским революционерам разного рода материальную помощь, и делали попытки ограничить разворачивавшееся движение. В зависимости от того, какое правительство находилось у власти, превалировала та или другая часть «двусмысленной», по определению С. Елдырова, политики. Премьер-министр К. Стоилов, например, опасаясь международных осложнений, стремился оказывать сдерживающее влияние на революционеров. Для получения информации о происходящем во ВМОРО и вообще в македонских и одринских областях он полагался на сеть болгарских торговых агентов. В 1897 г. такие агентства открылись в Солуни, Скопье, Битоли, Сяре, Одрине. Секретарями в них назначались люди, близкие к ВМОРО³⁰. На практике такая политика противоречила стремлению снизить накал революционности, так как фактически способствовала усилению на легальной основе взаимопроникновения македонских революционных и болгарских официальных структур, подталкивала их внутреннее сращивание, вращание друг в друга.

Иную политику проводил премьер-министр генерал Рачо Петров. Он имел, как отмечает Сл. Славов, даже некое отношение к решению Солунского съезда ВМОРО и ЦК ВМОРО о начале Ильинденско-Преображенского восстания³¹.

Поддаваясь силе чувств и родственных ассоциаций, власть не могла ни выработать твердой государственной линии, ни в полной мере защитить саму себя. В итоге неоднократно возникало положение, когда Болгарское

государство оказывалось *в заложниках* политики ВМОРО. Особенно реальной такая опасность становилась, когда активисты легального Македонского комитета в Софии, не желая сидеть сложа руки в ожидании реформ, преобразовали его в 1900 г. во Верховный Македоно-Одринский комитет (ВМОК) и заявили о переходе к революционным методам борьбы. Они рвались в бой, и лишь благодаря усилиям Заграничного представительства ВМОРО, в другом случае — ее ЦК, удавалось предотвратить преждевременные и неподготовленные вооруженные выступления в Македонии.

Как показал болгарский исследователь С. Елдыров, усилия болгарских правительств ограничить македоно-одринское революционное движение, датируются 1901 г., когда в Княжестве были распущены народные стрелковые общества и запрещены тайные офицерские братства в гарнизонах болгарской армии. Затем в связи с подготовкой ВМОКом во главе с Б. Сарафовым восстания в Македонии, планировавшегося на лето или осень 1901 г., был арестован весь состав комитета вместе с его руководителем. Тем не менее в 1902 г. ВМОК начал готовить новое восстание — в районе города Горна-Джумая, что представляло настолько реальную угрозу для Болгарии, старавшейся тогда следовать рекомендациям России, что князь Фердинанд потребовал вообще разогнать ВМОК. Подготовка Горноджумайского восстания вызвала с его стороны резкую отповедь: «Я отказываюсь брать на себя ответственность, неминуема катастрофа»³². Как пишет в своем диссертационном исследовании отечественный специалист Д. Лабаури, то был не единичный случай, когда Болгария превращалась в *заложника* македонских организаций.

Рекомендации России, направленные на снижение уровня революционного давления³³, были заявлены также в декабре 1902 г. во время визита в Софию министра иностранных дел России В. М. Ламсдорфа, обеспокоенного ростом напряжения на Балканах³⁴.

По некоторым сведениям, ему в ходе визита был передан от имени ВМОРО проект реформ в Македонии. Характерно оформление сцены, на которой происходило действие: документ был вручен В. М. Ламсдорфу в российском посольстве в присутствии премьер-министра Болгарии Стояна Данева и довольно многочисленной группы македонских деятелей: руководителей ВМОК Хр. Станишева и Т. Карайовова, членов ЦК ВМОРО Хр. Татарчева и Хр. Матова, представителей македоно-одринской эмиграции в Софии Л. Милетича и И. Георгиева. Сложившаяся политическая композиция должна была свидетельствовать, делает вывод Д. О. Лабаури, «что изложенные в проекте официальные требования являются *общebol-*

*гарскими»*³⁵. Мы же здесь подчеркнем, на наш взгляд, главное: инициаторами определения и формулирования «македонского направления» курса внешней политики Болгарии перед Россией являлись, в первую очередь, деятели македонского революционного движения. Возможно, такое положение — встать за политическую ширму — было выгодно болгарским властям, не желавшим открываться раньше времени, но факт остается фактом.

В марксистской историографии обычно делался упор: власти Болгарии негласно снабжали «революционную национально-освободительную организацию финансами, вооружением, кадрами». Но другая сторона этой связи — особая активность со стороны ВМОРО, которую не устраивало отсутствие у Княжества долгосрочной и определенной стратегии³⁶, обходилась, как правило, молчанием. В частности, тот важный для нашего изложения момент, что революционные македонские деятели считали необходимым активизировать — и активизировали! — деятельность болгарских правительств в «македонском вопросе» и оказывали тем самым непосредственное влияние на внешнюю политику Болгарии, внедрялись в официальные болгарские органы.

В последние годы в историографии стали появляться более объективные исследования, авторы которых обнажили то колоссальное давление, которое осуществляли деятели македонского движения на правящие структуры Княжества (а затем и Царства) Болгария. И, естественно, на болгарское общество в целом, на внутреннюю атмосферу в государстве. Это давление «внешнего македонского фактора» с каждым годом нарастало и к лету—осени 1912 г. приобрело значение едва ли не преобладающего, выраженного к тому же грубо, непосредственно, с большими эмоциями.

Прежде выходцы из македонских земель атаковали Стефана Стамболова как сторонника медленного — эволюционного — пути объединения Болгарии (Стамболов, по-видимому, понимал невозможность в то время военного, радикального пути). Теперь тактикой руководителей ВМОРО, настроившихся на вооруженную борьбу, но не имевших для этого достаточно сил, стало многомерное давление на болгарских политиков и, прежде всего, на монарха — без его участия дело не могло сдвинуться с места. Умеренная же, а фактически неуверенная, позиция болгарских властей никак не устраивала ВМОРО.

Особенно опасным стало положение Княжества в связи с подготовкой Ильинденско-Преображенского восстания. Цель ВМОРО в 1903 г. была изменена: теперь она состояла не в том, чтобы победить Турцию, а в том, чтобы вызвать эффективное европейское вмешательство. Восстание дол-

жно было выразиться в партизанских действиях, и борьба должна была быть, насколько возможно, длительной³⁷.

По сведениям, имеющимся в литературе, можно предположить, что восстание разыгралась на линии уже начавшегося падения силы и авторитета ВМОРО. Как и все предыдущие вооруженные выступления, Ильинденско-Преображенское восстание было недостаточно подготовленным, несобранным в кулак, растянулось на три неподходящих для этого летних месяца уборки урожая, в течение которых вспыхивало то в одном, то в другом месте. В сентябре 1903 г. стало очевидно, что повстанцы выдыхаются, и все-таки никакая международная сила, никакое государство не вмешивается в происходящие события.

Воспользуемся красочным изложением С. Елдырова дальнейшего хода событий, мимо которых, на наш взгляд, ни один серьезный действовавший болгарский политик, казалось бы, не должен был пройти, должен был бы услышать тревожный звонок.

9 сентября 1903 г. — за десять дней до демобилизации повстанческой армии — Штаб повстанцев Битольского округа обратился с письменным заявлением к болгарскому правительству, в котором настаивал на *объявлении Княжеством войны против Османской империи*. В поддержку заявленного требования ВМОРО мобилизовала македонские землячества в Болгарии. 14 сентября Верховная комиссия македонских землячеств организовала в Софии большой митинг (ему предшествовал ряд подобных акций, собраний и шествий в разных городах Княжества, проходивших в течение лета). По притихшей столице (лавки и магазины в назначенный час закрылись) прошли колонны с траурными знаменами. На одной из центральных площадей после литургии в память жертв, принесенных в борьбе за свободу Македонии и Одринской области, выступил поэт Стоян Михайловский. Лейтмотивом его речи было, по словам С. Елдырова, требование: *«Война любой ценой и независимо от ее исхода — это национальный и моральный долг Болгарии по отношению к освободительным усилиям македонских и фракийских болгар»*³⁸. На следующий день делегация в составе А. Протогерава, Д. Влахова и Т. Карайовова, явившись в дом премьер-министра Р. Петрова, поставила перед ним вопрос — готова ли Болгария объявить войну Турции. Отрицательный, хотя и аргументированный, ответ премьера вызвал бурное негодование *хорошо организованной македонской эмиграции*. Представители некоторых землячеств предлагали заставить болгарское правительство объявить войну против его воли, например, путем убийства турецкого комиссара в Софии, или любым другим способом.

Светослав Елдыров высказывает предположение, что в случае, если бы ответ болгарского правительства зачитал перед митингующими Б. Сарафов, известный крайними взглядами, «уличный натиск мог бы заставить Болгарию пойти на объявление войны». Люди как будто забыли предостережение Гоце Делчева, погибшего незадолго до восстания: «Мы плохо отплатили бы Болгарии за ее многочисленные жертвы ради нас, если хотим втянуть ее, босую, в огонь»³⁹. Только благодаря «логичной речи и личному авторитету» Христо Татарчева — заграничного представителя ВМОРО в Софии, продолжает С. Елдыров, удалось снять напряжение.

Эпизод весьма наглядный и поучительный. Запомним его как показавшим силу уличного давления македонской эмиграции и как пример, которому можно следовать. Запомнили его, вероятно, и те названные выше, кто участвовал в непосредственной организации беспрецедентного нажима на государственную власть в Софии: недаром некоторые из них (в частности, А. Протогеров) оказались среди организаторов длительной милитаристской кампании 1912 г., предшествовавшей объявлению Болгарией войны Турции 5 октября того же года — Первой Балканской войны.

События сентября 1903 г. в Софии отмечены еще одним важным знаком: заслуга Хр. Татарчева в отводе от болгарского государства и его главы непосредственной угрозы дискредитации была вознаграждена приглашением «героя» на аудиенцию. О ходе личной встречи с Фердинандом, естественно, ничего не известно, но С. Елдыров, сообщая о таком факте, допускает, что «тогда были заложены основы взаимоотношений между болгарским государством и ВМОРО на период после Ильинденско-Преображенского восстания, как мы их знаем из истории»⁴⁰.

Уличный натиск являлся в конце XIX — начале XX в. характерной формой воздействия на власть и в других балканских государствах, становясь «фоном и катализатором серьезных изменений в различных областях их жизни»⁴¹. Так, относительно событий в Греции в ноябре—декабре 1902 г. российский военный наблюдатель сообщал в Петербург: «Афинская чернь сегодня устроила демонстрации перед королевским дворцом в пользу своего героя — демагога Делиянниса, которого она, во что бы то ни стало, хочет провести в первые министры»⁴².

Начало нового века ознаменовалось во всех странах юго-востока полуострова обострением конфликтности как внутри самих государств, так и между ними, и сопровождалось массовым выходом людей на улицу. В мае 1903 г. государственный переворот потряс Сербию: исполнение плана свержения короля Александра силами офицеров из тайной военной организации вызвало бурные демонстрации в Белграде. Король и его супруга были убиты. Новая власть совершила кардинальный поворот во

внешней политике от австрофильства к ориентации на Россию, при опоре на которую Н. Пашич и его сторонники рассчитывали решить «праделовскую задачу сербского освобождения и объединения»⁴³. Так в Сербии совершенно определенно были обозначены приоритеты в государственной политике, к обеспечению которых должна была готовиться страна.

Напряжение на Балканах волной катилось от одного государства к другому. Беспokoйно вела себя Румыния, в планах которой также значилось воссоединение всего румынского населения под скипетром короля. Ее притягивала смешанная в этническом отношении румыно-венгерская Трансильвания. Но также та часть Македонии, где жили этнически близкие румынам куцовлахи, что привело в 1905 г. к обострению греко-румынских отношений.

С клубком названных здесь в общей форме противоречий, которых на самом деле было гораздо больше, и развивались они очень сложно, оказывались плотно связаны три монархии: Турецкая, Российская, Австро-Венгерская. У каждой из них имелись свои интересы на Балканах. В конце XIX — начале XX в. эти империи, как и западные страны, считали за лучшее сохранять на Балканах положение статус-кво, в то время как балканцы, наоборот, рвались в бой — для отстаивания своих прав на самоопределение и, кроме того, на свои «исторические» территории, — они на деле были, за некоторыми исключениями, одними и теми же. Импульсивные и непредсказуемые в действиях, подозрительные в отношении друг к другу и к возможным покровителям из числа великих держав, балканцы все больше хотели проявить, наконец, свою самостоятельность⁴⁴. Они готовились к войне и старались сделать ее неизбежной.

Итак, в начале XX в. в Болгарии стал обозначаться более ясный, чем прежде, курс во внешнеполитической стратегии. Его нацеленность выражалась в настраивании армии и страны на возможную перспективу войны за приобретение части земель Османской Турции, населенной болгарами, и за национальное объединение.

В 1897 г. сообщал из Софии на родину бельгийский дипломат, Сербия, которая уже «выработала свои территориальные претензии», на этом основании хочет вести переговоры с соседями о разделе сфер влияния⁴⁵. Действительно, такие переговоры состоялись. В ходе их Болгария, считая, что принцип дележа не позволит соблюсти справедливость (!), выставляла требование автономии для территорий, населенных болгарами. Так как партнеры, конечно, понимали, какой может стать роль этой автономии, договориться на предлагаемой основе не представлялось возможным. Другие соседи Болгарии в связи с сербо-болгарскими переговорами также были начеку.

В 1903 г. из-за внутренней нестабильности Княжества — уличных манифестаций македонских эмигрантов в Софии и других городах — настороженность соседей усилилась. Но ни Греция, ни Румыния, выжидая, тогда не стали вмешиваться. В том, что война за наследство Османов совсем близко, никто из них не сомневался. До некоторой степени смущало только то, что великие державы решительно воздерживались от вмешательства в балканские споры. Их рекомендации сохранять статус-кво в регионе, которое руководители ВМОРО называли «варварским» по отношению к страдающему местному населению, было и для российских, и для западных политиков, быть может, последней надеждой не дать вспыхнуть большой войне, или, по крайней мере, отсрочить ее.

* * *

Турецкие власти жестоко расправились с повстанцами. При подавлении очагов Ильинденско-Преображенского восстания было разорено и сожжено множество сел. Репрессии распространились и на мирное население. Но на оставшихся в живых людей оказывал давление еще и другой фактор: неустройство жизни в течение длительного времени в атмосфере накаленной революционной агитации ВМОРО, преследований и денежных поборов со стороны и турецких властей, и революционных террористов, бесконечных преследований и убийств, поджогов сел и т. п.

После поражения восстания психологическая усталость людей не замедлила сказаться — начался массовый исход населения из Македонии и Одринской области. 30—32 тыс. беженцев направились в Княжество. Небольшие группы уезжали в Румынию, Сербию, Словению, США. Собственно говоря, движение началось еще в 1902 г. после поражения Горноджумайского восстания, но именно после Ильинденско-Преображенского восстания эмиграция резко усилилась⁴⁶. До 1908 г. поток покидавших родину увлек за собой свыше 40 тыс. человек. Уезжали в основном представители интеллигенции, молодые торговцы, ремесленники, крестьяне, учителя и, главным образом, — сами члены ВМОРО⁴⁷. «Болгар лишались целые районы», — пишет М. Бошнакова, специально изучавшая этот вопрос. В частности, массовый характер приобрел выезд из Битольского округа — одного из важнейших революционных центров Македонии. Процесс «обезболгаривания Македонии», как стала называться в Болгарии реакция местного мирного населения на поражение Ильинденско-Преображенского восстания и на революционно-террористическую тактику ВМОРО, вызвал в Княжестве естественные опасения возможной потери

цели борьбы за освобождение от турецкого гнета населения Македонии и Фракии и за политическую автономию этих территорий. Для помощи прибывающим беженцам Народное собрание Болгарии выделило сверхсметный кредит в 3 млн 300 тыс. левов. Были предприняты также усилия для *возвращения беженцев в родные места*⁴⁸ — Македония не должна была остаться без болгар!

Свои меры принимали и руководители ВМОРО, хотя в ее центральных органах после поражения произошел раскол. Агитируя против выезда эмигрантов, они придумали и меры фискального характера, предусматривавшие специальные тарифы для отъезжающих и схему для их сбора. В конце 1906 г. ВМОРО стала требовать, чтобы потенциальные эмигранты покупали билеты в болгарских компаниях, за исполнением чего следили местные четы. На обращающихся в греческую компанию налагался штраф⁴⁹.

Если поражение Ильинденско-Преображенского восстания, с одной стороны, поставило точку на массовой революционной деятельности ВМОРО в Македонии и Одринской области, то, с другой стороны, следствием его явилось увеличение удельного веса выходцев из этих областей в населении Княжества. Организованные в землячества, имевшие свой руководящий орган, они в большей мере подчинялись этому центру, чем официальным болгарским властям, и становились, таким образом, еще одним каналом «македонского» влияния на болгарские власти и общество. К 1912 г. количество беженцев, по некоторым сведениям, достигало почти 120 тысяч.

Многотысячная «болгаро-македонская диаспора» в Болгарии, состоявшая из нескольких волн иммиграции и сосредоточенная по большей части в столице и других городах, поддерживалась в своих желаниях и настроениях болгарскими армейскими чинами, офицерскими братствами, частично чиновниками государственных учреждений и, кроме того, имела горячих сторонников почти во всех политических партиях Царства⁵⁰.

Жестокий разгром повстанцев поставил «на принцип» вопрос об отношениях между княжеским правительством и ВМОРО. Оставшиеся в руководстве ВМОРО люди поняли требование времени как необходимость «работать» с князем Фердинандом, оказывать на него давление, чтобы верховный глава, наконец, определился.

Фердинанд не был воинственным человеком, не имел военного образования, не обладал ни военной выправкой, ни навыками наездника (коня считал «личным врагом», за что его презирал отличный конник император Франц Иосиф). Внутреннему состоянию болгарского князя более соответствовало следование программе реформ в Македонии, разработанной

российской и австро-венгерской дипломатией, так называемой Мюрцштегской. Она была направлена на «совершенствование турецких порядков в Македонии», кое-что на ее основе стало делаться в 1904 г., но, как и все предыдущие попытки, дело кончилось ничем⁵¹.

ВМОРО тем временем требовала от монарха снаряжения и отправки чет из Княжества в Македонию для устройства там терактов, что было чревато для Болгарии международными осложнениями. С целью давления на князя, на политические круги и общественность, наконец, на все болгарское общество македонские активисты стали использовать все наличные каналы влияния. Так называемые македонствующие, т. е. болгары, разделяющие в той или иной степени идеалы ВМОРО, имелись практически в каждой болгарской политической партии. Я уже не говорю о воинственно настроенной части болгарского армейского офицерства, об офицерских «освободительных братствах» (к 1899 г. они существовали во всех крупных гарнизонах болгарской армии⁵²) и т. п.

В 1905 г. к этим каналам влияния присоединился еще один, весьма важный. Речь идет о 2-м Политическом отделении Министерства иностранных дел и исповеданий Болгарии. Его возглавил Тома Карайовов, имевший опору и авторитет как в кругах ВМОРО, так и в политических сферах страны. Сл. Славов, исследовавший историю этого органа, называет 2-е Отделение «первым специализированным государственным институтом», усилиями которого была введена системность в контакты между ВМОРО и представителями болгарского правительства⁵³. Это отделение МИД располагало, считает автор, по существу посредническими функциями между ними. В обязанности чиновников Отделения, а ими назначались исключительно болгары, связанные с революционным македоно-одринским движением⁵⁴, входило поддержание контактов как с Заграничным представительством ВМОРО в Софии, так и с революционными деятелями в Македонии. Они же (чиновники) принимали заявки на финансовую помощь и снабжение оружием от «внешних» македонских деятелей.

Немаловажную роль в «специализированной» деятельности Отделения играл его начальник Т. Карайовов. По своей инициативе он «удваивал» задачу возглавляемого им органа. С одной стороны, Карайовов как государственный чиновник проводил официальную политическую линию Княжества — не провоцировать антитурецких выступлений; в частности, от имени Отделения издавались для болгарских дипломатов в Османской империи выработанные в МИДе инструкции и рекомендации. С другой стороны, как недвусмысленно пишет Сл. Славов, Отделение и особенно

сам Т. Карайовов всеми зримыми и незримыми способами стремились воздействовать (и действительно воздействовали) на политику правительства в македонском вопросе.

Персональным объектом такого влияния выступал князь Фердинанд. Именно на его имя был направлен отчет о годичной деятельности 2-го Отделения за 1905 г., в котором делалась попытка «скорректировать до некоторой степени действия правительства»⁵⁵. О высочайшей реакции на отчет можно только догадываться, но Отделение, просуществовав еще год, в конце 1906 г. было закрыто. Тома Карайовов получил должность в болгарском представительстве в Риме, а македоно-одринские дела перешли в общий поток делопроизводства Политического отделения МИД, структура которого была восстановлена в прежнем виде.

В 1908 г. успех пришел с другой стороны. Он явился результатом быстрых и не просто неделекатных, но дерзких действий Австро-Венгрии и Болгарии по взаимной договоренности. Княжество Болгария в связи с окончанием срока вассальной зависимости от Турции заявило о полном освобождении от вассалитета и об учреждении Царства Болгария. Австро-Венгрия, воспользовавшись международной сумятицей, осуществила давно задуманную аннексию Боснии и Герцеговины.

Это было необычайно важное для болгарского государства достижение. Вот оно, наконец, — полное освобождение от Османской зависимости! И лишь немногие предугадывали, что у события есть и другой код — опасный код содействия волюнтаристским желаниям политиков убыстрять течение событий, невзирая на обстоятельства. Впрочем, он тут же дал о себе знать бодрящим озоном войны, сразу же наполнившим балканскую атмосферу. Сербия откликнулась массовой волной протестов против аннексии Боснии и Герцеговины. Открывались пункты записи добровольцев, готовых немедленно отправиться в Боснию на защиту «сербского дела»⁵⁶.

Провозглашение независимости Болгарии сопровождалось повышением статуса Фердинанда: царь превращался в «священную и неприкосновенную личность», освобождался от всякой уголовной и гражданской ответственности. И, главное, новый статус развязывал ему руки и создавал дополнительные возможности в деле достижения его сокровенных воинственно-романтических мечтаний о прекрасном Востоке — надежде освободить Цариград от турок и короноваться там. Поистине Балканы обладают какой-то таинственной способностью навевать на людей грезы, заоблачные мечты, и отдаваться им!

Тогда, в 1908 г., возникающий было балканский кризис благодаря дипломатии, главным образом российской, удалось затормозить. Но успех дерзкого наскока стал заразительным для воинственно настроенных людей — военных и «македонствующих» в Болгарии. Их нажим на царя, правительство и общество, как таковое, усилился.

Особенно стала усердствовать военная печать. Отчасти дифференцированная по званиям военная пресса адресовалась каждому армейскому слою «персонально» (газеты «Унтер-офицерская защита», «Военен глас» — орган офицеров запаса, «Войнишка сбирка» и др.) С контингентами велась почти индивидуальная работа по разъяснению смысла «нашего великого идеала», насаждению государственного патриотизма и возвеличиванию народной жертвенности во имя великой цели.

Внешнеполитические планы нового балканского государственного организма — Царства Болгария — стали расти на глазах. В Петербург поступали донесения российских военных разведчиков о циркулировании в болгарских политических кругах идеи об особой миссии Болгарии на Балканах, о превращении Царства в регионального лидера, а также о тайных переговорах министра иностранных дел Австро-Венгрии барона Эренталя с Фердинандом с целью заключения между их странами военной конвенции и о привлечении к ней Греции и Турции, чтобы таким образом изолировать сербо-черногорский блок⁵⁷. В 1909 г. эта конфигурация имела уже несколько иной вид, но смысл ее оставался прежним — обеспечить Болгарии и Австро-Венгрии территориальные приобретения за счет Македонии, Сербии и Турции⁵⁸. Проекты изменялись, дополнялись столь часто и импульсивно, что русская военная разведка, активно работавшая в Вене и Софии, испытывала затруднения в попытке смоделировать реальную балканскую ситуацию. Впрочем, болгары и не скрывали возрастания своих претензий. В ходе переговоров софийской делегации, прибывшей в 1910 г. во главе с царем Фердинандом в Петербург, болгарский премьер-министр Ал. Малинов заявил о таких территориальных претензиях своей страны, что далеко выходили за рамки Сан-Стефано. По его мнению, в состав Царства следовало включить и Одрин, и Солунь. «Одним словом, — писал он позже в своих воспоминаниях, — нам нужна была великая Болгария»⁵⁹.

Договориться с Россией о помощи на случай возможной войны с Турцией Болгарии не удалось. Напрасно было ее ждать от какого-либо другого крупного международного субъекта. Но как бы то ни было, царю Фердинанду настало время определяться. Как болгаро-македонская часть общей для балканских стран македонской проблемы, она требовала от

болгарского монарха принятия решения. Ему приходилось учитывать, что жить приходится в стране, где население издавна приспособилось к таким формам самоорганизации, зачастую анархическим, как тайные комитеты, вооруженные четнические отряды, совершающие набеги и быстро укрывающиеся, не стеснявшиеся угрожать главе государства физической расправой. В конце концов, поняв, что особых надежд на подавление энергии «македонствующих», в том числе в отношении своей особы, нет, Фердинанд встал на путь поощрения македонского движения через софийский Верховный македонский комитет⁶⁰.

Кроме того, в свой расчет он, вероятно, включал мысль о том, что, употребляя монархии и государственные усилия в пользу объединения Болгарии, он мог добиться повышения своего авторитета в болгарских политических кругах и популярности в народе. Последнего ему явно недоставало. К тому же новые обстоятельства жизни и статус царя позволяли ему надеяться и на осуществление потаенного желания — покорения Цариграда (Константинополя) и воцарения в нем.

Примечания

¹ *Влахов-Мицов Ст.* Указ. соч. С. 11—12.

² Таковую формулу предложил болгарский исследователь П. Петков, она рассматривалась нами в параграфе «О нациях и национализме».

³ *Илчев И.* Митът за Санстефанска България като «свещена крава» на българския патриотизъм // *История.* София, 1995. № 6. С. 58.

⁴ *Косик В. И.* Указ. соч. С. 84.

⁵ Авантюра русского царизма в Болгарии. Сборник документов. М., 1935. С. 16, 18.

⁶ Некоторые специалисты считают, что болгары составляли большую часть населения Македонии. И. Илчев приводит более скромную цифру — примерно 50%. Он пишет: в Софии рассчитывали на численное преимущество болгар на македонских землях. Но даже по болгарской статистике, где критерием служил «говори́мый язык», болгар в этих землях было не более 51% населения, и в этот процент были включены и приверженцы греческой патриархии, болгарское самосознание которых колебалось, и десятки тысяч мусульман, болгарское самосознание которых было еще более сомнительным (*Илчев И.* *Македонският възел* // *Bulgarien Quarterly.* 1991. Зима. Т. 1. Кн. 3. С. 74).

⁷ *Проданов В.* Догонваща модернизация и насилие (опит за обяснение на покушенията, насилието и политиката в България. 1878—1947) // *История — професия и съдба.* София, 2008. С. 42.

⁸ *Влахов-Мицов Ст.* Указ. соч. С. 62.

⁹ *Илчев И.* България и Антанта през първата световна война. София, 1990. С. 7.

¹⁰ См.: *Панкратов С. А.* Модернизация как исторический феномен. Учебно-методологическое пособие. Волгоград, 1999. С. 10.

¹¹ Научен архив на Българската академия на науките. Сб. IV. А. е. 194. Ч. 1. С. 71. *Янчулев М.* Септември 1918 — септември 1944. Воспоминания секретаря А. Ляпчева.

¹² *Вишняков Я. В.* Внеконституционные факторы и особенности развития сербской государственности в конце XIX — начале XX в. // Человек на Балканах. Государство и его институты. Гримасы политической модернизации. Спб., 2006. С. 226.

¹³ *Лабаури Д. О.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894—1908 гг.: идеология, программа, практика политической борьбы. Дис. ... канд. ист. наук (Уральский гос. университет, 2007). (Рукопись).

¹⁴ *Димитров А.* Илинденско-Преображенското въстание като знак за българската историческа приемственост // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите. София, 2005. С. 53.

¹⁵ *Михов М.* Църквата в националната доктрина на българите в края на XIX и началото на XX век // Двадесетият век. Опит за равностетка. Сборник с доклади от българо-германска конференция, проведена на 3—4 март 2000. Съст. Петко Петков. София, 2003. С. 142—143.

¹⁶ *Ямбаев М. Л.* Четы ВМОРО — компонент политической системы Болгарии // Человек на Балканах. Государство и его институты... С. 168. По этому вопросу существуют также многочисленные работы болгарских авторов.

¹⁷ *Марков Г.* Илинденско-Преображенското въстание: връх на освободителните борби на българите // Илинденско-Преображенското въстание... С. 36.

¹⁸ *Косев К.* Приветствие от Българската академия на науките // Илинденско-Преображенското въстание... С. 23.

¹⁹ *Димитров А.* Указ. соч. С. 52.

²⁰ *Винокуров В. С.* Политическая активность офицерства в Сербии (начало XX века) // Человек на Балканах. Государство и его институты... С. 236.

²¹ *Даскалов Р.* Българското общество. 1878—1939. Т. 1. София, 2005. С. 185.

²² См., например: *Даскалов Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 185—186; *Елдаров С.* Болгарские правительства и Внутренняя Македоно-Одринская революционная организация (1893—1912) // *Imagines Mundi.* Альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. № 6. Балканика. Вып. 1. Екатеринбург, 2008. С. 17—39.

²³ *Ямбаев М. Л.* Указ. соч. С. 174.

²⁴ См.: Там же. С. 174—175.

²⁵ *Проданов В.* Указ. соч. С. 37.

²⁶ *Топоров В. Н.* Восток и Запад в балканской картине мира. М., 2007. С. 18.

²⁷ *Попов Р.* Балканската политика на България. 1894—1898. София, 1984. С. 250.

²⁸ См., например: *Елдаров С.* «Голямото разочарование»: България и въстанието // Илинденско-Преображенското въстание... С. 179.

²⁹ См.: *Илчев И.* Митът за Санстефанска България...

³⁰ См.: *Ямбаев М.* Указ. соч. С. 169.

³¹ *Славов Сл.* Дейността на второ политическо отделение към Министерството на външните работи и изповедания. 1905—1906 // Македонски преглед. София, 2005. № 3. С. 78.

³² См.: *Лабаури Д. О.* Указ. соч. С. 99—100.

³³ *Елдаров С.* «Голямото разочарование»... С. 177.

³⁴ *Марков Г.* Указ. соч. С. 38.

³⁵ *Лабаури Д. О.* Указ. соч. С. 41.

³⁶ *Славов Сл.* Указ. соч. С. 80.

³⁷ *Ямбаев М. Л.* Указ. соч. С. 186.

³⁸ *Елдърв С.* «Голямото разочарование»... С. 175.

³⁹ Там же. С. 179.

⁴⁰ Там же. С. 180.

⁴¹ *Улунян Ар. А.* Взгляд имперской России на Балканы (начало XX в.) // Человек на Балканах. Государство и его институты... С. 336.

⁴² Там же.

⁴³ *Шемякин А. Л.* Югославянские народы и государства в начале XX века. (Находится в производстве.)

⁴⁴ *Улунян Ар. А.* Указ. соч. С. 343.

⁴⁵ *Костова В.* Македония и македонският въпрос в белгийски дипломатически документи. 1885—1908 гт. // Илинденско-Преображенското въстание... С. 343.

⁴⁶ *Бошнакова М.* ВМОРО и емиграцията на българите от Македония след Илинденско-Преображенското въстание // Илинденско-Преображенското въстание... С. 249.

⁴⁷ Там же. С. 250.

⁴⁸ *Марков Г.* Указ. соч. С. 43.

⁴⁹ *Бошнакова М.* Указ. соч. С. 253.

⁵⁰ Вступление в Демократическую партию Андрея Ляпчева, активно работавшего в ВМК до его роспуска, было хорошо встречено, пишет Войн Божинов, в рядах партии, но у части ее руководства вызвало опасение, что с новым членом в партии произойдет «чрезвычайное усиление болгаро-македонской группы». См.: *Божинев В.* Земното кълбо не престава да се върти, ако ние и да спим. Разказ за живота на Андрей Ляпчев. София, 2005. С. 55.

⁵¹ *Исаева О. Н.* Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 86.

⁵² *Елдърв С.* Тайните офицерски братства в освободителните борби на Македония и Одринско. 1897—1912. София, 2002.

⁵³ *Славов Сл.* Указ. соч. С. 78.

⁵⁴ Там же. С. 85.

⁵⁵ Там же. С. 84.

⁵⁶ *Шемякин А. Л.* Югославянские народы и государства...

⁵⁷ *Сергеев Е. Ю., Улунян Ар. А.* Военные агенты Российской империи в Европе. 1900—1914. М., 1992. С. 213—214.

⁵⁸ Там же. С. 220.

⁵⁹ *Малинов А.* Странички от нашата нова история. Спомени. София, 1938. С. 150.

⁶⁰ *Влахов-Мицов Ст.* Указ. соч. С. 82—83.

4. Война или модернизация?

С 1907 г. лозунги автономии Македонии и Одринской Фракии стали в Болгарии появляться все чаще¹. Софийское правительство, вынужденное учитывать позиции великих держав и соседних балканских стран, все еще не открывало фронта прямой борьбы за присоединение Македонии к Болгарии, хотя считало ее население, безусловно, болгарским. Тактически идея состояла в том, чтобы продолжать добиваться на основе 23-го параграфа Берлинского трактата добровольного (!) предоставления Османской империей прав автономии этой провинции. Что София рассчитывала затем использовать в качестве промежуточного этапа на пути присоединения Македонии к Болгарии.

Князь/царь Фердинанд, давно настроенный на укрепление государственной власти и власти личной, начал проявлять особую заботу об армии, ее обучении и вооружении и о том, чтобы поставить ее под личный контроль, сделать своей опорой². В 1903 г. был принят специальный закон об устройстве вооруженных сил, состав армии был увеличен с 25 до 60 тыс. человек, на ее нужды стало отводиться до 1/3 бюджета страны. Ежегодно организовывались военные маневры.

Офицеры не только стали проходить профессиональную выучку, но и целенаправленно воспитываться в духе патриотизма и личной преданности монарху. Им устанавливались большие зарплаты, обеспечивалось быстрое продвижение по службе. Именно они должны были стать и становились самыми рьяными носителями национальной идеи. Из них формировался специфический элитарный слой, близкий к власти, обслуживающий ее.

Проповедь «великих» идей постепенно распространялась на все общество: стремление добиться идентификации в массовом сознании понятий «народ» и «нация», привлекательности родного государства-нации — набор подобных и других идеологических и политических средств был призван сформировать внутренний идейный стержень для населения, объединить общество и власть, осуществить национальную интеграцию и обеспечить

власти массовую поддержку. А, в конечном счете, обеспечить внутреннюю политическую стабильность, без чего невозможно ни активно бороться за осуществление «национального идеала», ни проводить реформы, если они все еще стояли в повестке дня и не были вытеснены первым компонентом на обочину жизни. Безусловно, оба этих компонента имели непосредственное отношение к процессу модернизации, являлись его составляющими, но как правильно их соотносить на практике? Как расставить ударения?

В дело реализации националистической программы включались государственная бюрократия, частично «народная интеллигенция» (учительство), и особенно офицерский корпус. Нельзя не отметить при этом, что все креативеры (разработчики) и носители националистической идеологии оказывались сосредоточенными опять-таки в городском секторе и относились к слоям, доходы которых зависели, главным образом, от государства³. Их практически нет в крестьянской среде. «Модерный болгарский национализм», считает цитированный выше болгарский ученый А. Пантев, был городским по принадлежности, несмотря на сильное преобладание сельского населения в стране⁴. И здесь мы подходим к очень важному моменту. «Село встречало националистические программы враждебно», — констатируют западные социологи⁵. Болгарский историк Д. Мишкова, говоря о времени строительства Княжества Болгария, отмечает пассивность народа и «невозможность вызвать его энтузиазм»⁶.

Другой болгарский историк И. Баева пишет не просто о «прохладном отношении» крестьянства к национализму, но — еще более определенно — о его сопротивлении главным составляющим политики модернизации и о стремлении защитить *свои особые* интересы⁷. К этому можно добавить заключение М. Марковой о том, что само понятие «нация» для болгарского крестьянина, привыкшего идентифицировать себя с родным селом, не означало «почти ничего»⁸. В свою очередь Х. Зундхаусен, наблюдающий за болгарским крестьянством из Германии, соглашается, что «абстрактное понятие «нация» не означало для сельчан ничего», ибо капиталистическую систему они воспринимали как посягательство на традиционную солидарность сельской общности⁹.

Каков же итог? Он противоречив и неутешителен. С одной стороны, болгарская политическая элита вплоть до рубежа веков адекватно реагировать на вызовы времени (в данном случае в виде милитаристских устремлений соседних стран) не могла или не умела — во всяком случае, не заботилась в достаточной мере ни о стратегических, ни о тактических вне-

шнеполитических планах болгарского государства. И даже о планомерной идеологической работе среди населения Княжества (если не считать огромных пропагандистских усилий Экзарха Иосифа I среди населения македонских земель).

Македонская политика Болгарии, по мнению С. Елдырова, состояла из двух разграниченных тенденций, черпавших импульсы из двух, если не противоположных, то различных источников. Одним было Министерство иностранных дел, другим — военное министерство. Первое действовало средствами дипломатии и религиозно-просветительского эволюционизма, второе — методами вооруженной борьбы¹⁰.

С другой стороны, болгарское общество не было едино, а идея нации оставалась весьма далекой от разумения болгарского крестьянского люда*. И, следовательно, в случае войны политической элите необходимо было приложить дополнительные усилия на его раскачку и рассчитывать на его поддержку уже не в борьбе за «абстрактную национальную идею», а исходя из некоего конкретного ситуационного повода (даже и специально созданного) в виде непосредственной военной угрозы.

Думается, что болгарский вариант «внешнеполитического поведения» в конце XIX века объясняется не только отсутствием свободы рук в этой сфере у властных структур из-за тогда еще сохранявшейся вассальной зависимости Княжества от Турции, но и рядом других обстоятельств. В их числе — бурный процесс первоначального накопления в стране, стремление людей получать доход и обустроить свою жизнь. Время борьбы против турок за собственную независимость, создание сети тайных комитетов, конспиративная деятельность, вспышки восстаний, — все это ушло в прошлое. Отношение к революции после 1878 г. изменилось, фиксирует Ангел Димитров¹¹, хотя следы прежнего эйфорического восторга сохранялись. К миражному образу Сан-Стефано пресса обращалась часто, но, как мы видели, власти к конкретным действиям он не толкал. Лишь постепенно лозунг автономии Македонии и Одринской Фракии, официально провозглашенный ВМОРО как шаг к осуществлению Сан-Стефано, все более начинал *идейно* связывать политический класс Болгарии, князя Фердинанда и болгаро-македонских революционеров-террористов.

* Примечательно высказывание Э. Хобсбаума: «Какие бы социальные группы ни становились первыми проводниками «национальной идеи», народные массы — рабочие, крестьяне, прислуга — испытывают ее влияние в самую последнюю очередь» (*Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1870 г. СПб., 1998. С. 23*).

В связи с необходимостью основательной реорганизации армии был предпринят ряд мер. Едва ли не главным ее направлением стала «перенастройка» умов и чувств значительной части военнослужащих и военно-обязанных, поскольку в предшествовавшие годы внутренние обязанности армии являлись преобладающими; до 1900 г. эта тенденция была ведущей, утверждает болгарский историк В. Янчев¹². «В годы после Освобождения, — пишет он, — вопросы о сущности армии и ее предназначении рассматривались в самом общем плане и очень противоречиво. Вопреки практической военной политике, направленной на создание сильной, дееспособной и современно вооруженной армии, способной защитить целостность Отечества и завершить дело национального объединения, на первое место в теоретическом плане были поставлены внутренние, охранительные и репрессивные функции армии»¹³.

Чтобы переломить сложившееся представление о внутриполитической функции армии как основной, в Болгарии стали издаваться инструкции с формулировкой новых задач. В 1891 г. был принят закон об устройстве вооруженных сил Княжества Болгария, устанавливавший дивизионную структуру армии¹⁴, за ним последовали «уточняющие» законы 1895 и 1897 гг. В них намечалась перспектива на 15 лет, к исходу которых армия в случае военного положения должна была быть 500-тысячной (действующая, резервная, ополчение). В 1901 г. в болгарском войске имелось 300 тыс. обученных солдат, но оружия хватало только для 200 тысяч¹⁵.

Любопытны детали строительства армии: от обязательной двухгодичной армейской службы откупиться могли только болгары-мусульмане; благодаря высокому естественному приросту населения проблемы с обеспечением количественного роста военнообученных не возникало, хотя до $\frac{1}{3}$ молодых людей освобождались от прохождения службы «по негодности».

Еще интереснее отмеченное Р. Даскаловым явление: «Некоторые правительства — сокращали (уплотняли) военные штаты и на обязательность военной службы смотрели сквозь пальцы, чтобы *не давать простора милитаризму*»¹⁶ (курсив мой. — Р. Г.). Если это так, то тем труднее говорить о *всеобщей нацеленности* политической элиты на милитаризм и военные устремления. И, вероятно, прав С. Елдыров, разделяющий направления внешней политики по тому, как ее формулировали круги МИДа, с одной стороны, и военного министерства, с другой. Из этого можно заключить, кроме того, что политика сменявших друг друга правительств варьировалась не только в отношении поддержки деятельности ВМОРО (или степени такой поддержки), но и относительно курса на милитаризацию.

Наиболее щедрой с точки зрения предоставления финансовых средств военным была Народно-либеральная партия. В 1903 г. болгарские вооруженные силы получили, наконец, отсутствовавшую до той поры военную доктрину; ее главным содержанием была нацеленность на национальное объединение¹⁷. Так пишет болгарский автор. Но в литературе не приходилось встретить точной формулировки соответствующего пункта военной доктрины. По-видимому, это не случайно: в частной беседе весной 2008 г., на мой вопрос, была ли опубликована когда-либо эта доктрина, видный болгарский историк вообще выразил сомнение в существовании такого документа.

По мнению Р. Даскалова, в 1903 г. был совершен решительный поворот государства в сторону модификации и усовершенствования армии, ее перевооружения. Период до начала Балканских войн, считает он, стал «триумфом массовой армии». Были созданы 12 новых полков, три новых артиллерийских полка и столько же саперных, появились даже зачатки военно-воздушных сил. Вооруженные силы были разделены на три армии, изготовлены оперативные планы войны с Турцией — «сердцевины болгарской военной доктрины (опять неуловимая доктрина! — Р. Г.)»¹⁸.

Чтобы достроить и развернуть в новом направлении болгарскую военную машину, сколько же требовалось времени и усилий? Но, главным образом, финансов. Денег на армию не стали жалеть — заключая иностранные займы, раздувая собственный бюджет. Если исходить из имеющихся в исторической литературе констатаций, то огромные финансовые вложения в армию и ее вооружение, составлявшие до 25—30% расходной части бюджета, позволили болгарскому войску уже к 1907 г. стать «одним из лучших в Европе». В 1912 г. оно имело почти в 15 раз больше вооружения (поставлявшегося из Франции, Германии, Австро-Венгрии, России, Италии), чем во время Сербско-болгарской войны 1885 г., и не испытывало недостатка оружия во время самой войны¹⁹.

Накануне Балканских войн Болгария считалась самой милитаризованной страной на полуострове. На один миллион ее населения приходилось девять полков, в то время как в Сербии — восемь полков, Румынии — 5,2, Турции — 3,4 полка²⁰. В регионе Болгарию называли «Пруссией на Балканах». Она имела превосходство по сравнению с соседями в кавалерии, артиллерии, инженерных войсках²¹.

Армейские проблемы Болгарии заключались в другом — в деле формирования командного состава, поскольку в прежние годы должного внимания подготовке высшего офицерства не уделялось. А та, что проводилась,

носила, скорее, экстенсивный характер — офицеры набирались военных знаний отовсюду понемногу. Помимо обучения в Военном училище в Софии (открыто в 1878 г.), дававшем среднее образование, офицеры направлялись в различные заграничные военные академии²², как правило, российские (75% офицеров, подготовленных за границей, получили военное образование в России²³) и итальянские, в меньшей мере французские. И приезжали оттуда почитателями совершенно разных стратегий. Генерал Михаил Савов, например, предпочитал русскую доктрину с ее наступательностью, генерал Иван Фичев — итальянскую, характеризовавшуюся известной осторожностью. Может быть, поэтому он осенью 1912 г., когда в Болгарии поднялась волна милитаристской кампании, говорил, что страна еще не готова воевать и чтобы всесторонне подготовить армию, войну следует отложить до весны²⁴. Но при начале боевых действий оба генерала вошли в состав оперативного военного руководства.

В 1911 г. в болгарской армии служил 21 генерал, однако мало кто из них, как пишут болгарские авторы, мог решиться повести войско на войну. Достаточного опыта у них не было — настоящих, крупных военных учений в мирное время не проводилось. В сущности, ни один высший офицер, по словам Г. Маркова, не видел больше трех дивизий, собранных в одном месте²⁵.

Фердинанд в качестве главнокомандующего полководческими талантами, как уже говорилось, не обладал. Не имея соответствующего опыта, он и в мирное время избегал руководить ежегодными маневрами и их последующим разбором. Отсюда и отсутствие должного авторитета среди военных.

В результате в Болгарии при приближении войны не оказалось заранее определенного человека, в чьих руках сосредоточилось бы командование действующей армией. Попытка назначить на этот пост отставного генерала М. Савова, который говорил о себе: «Я не стратег», вызвала возражения со стороны военного министра Н. Никифорова и начальника штаба армии И. Фичева, потребовавших, чтобы М. Савов не вмешивался в дела высшего командования. Путем компромисса главное командование удалось составить из трех лиц, причем каждое из них — «с неопределенной ответственностью»: генерал Савов оказался на положении всего лишь военного советника, хотя и назывался помощником главнокомандующего; генерал Фичев (начальник генштаба) издавал директивы по действующей армии от имени главнокомандующего и отвечал только за их техническое выполнение. А те, кто непосредственно командовал армиями, в свою

очередь, не принимали Фичева за начальника²⁶. Главнокомандующим формально был монарх. Помимо отсутствия в армии даже во время войны четкой субординации, нередких случаев несоблюдения принципа единоначалия, Фердинанд не мог добиться дисциплины и в государственно-управленческой сфере, особенно в условиях 2-й Балканской войны. В книге, посвященной крушению Болгарии в 1913 г., Г. Марков пишет: «Очень много рук держало кормило управления, чтобы можно было удержать избранный внешнеполитический курс... Царь важничал на капитанском мостике и больше смотрел, что происходит на палубе, чем в подозрную трубу. Правительство не было едино. Главное командование то подталкивало его, то просто мешало, руководствуясь своим пониманием соотношения сил, а военные моряки иногда неохотно выполняли приказы»²⁷.

Может быть, именно из-за внутренней несобранности еще неокрепшего со времени Освобождения государства, его политической неконсолидированности, мозаичности интересов политических сил, их ориентации на разные великие державы и других проявлений слабости «головки страны» — на войну решили мобилизовать так много людей: в Болгарии по европейским меркам была проведена сверхмобилизация. Побеждать предстояло массовостью живой силы, физическим напором.

Насколько же народ был готов к этому? Как проявил себя накануне войны и в ходе ее основной солдатский контингент, состоявший по преимуществу из крестьян? Чтобы попытаться ответить на этот важный для нашей темы вопрос, придется коснуться очень деликатной и даже шепетливой проблемы — о действительной глубине национальных чувств широких болгарских масс, поколения которых, как пишется во всех болгарских учебниках, мечтали об объединении и с надеждой ждали «часа икс»²⁸. Действительно, в историографии с давних пор утвердилось мнение о «взрыве национальных чувств», о всеобщей народной поддержке грядущей войны за освобождение поработанных македонских братьев. Эта версия отстаивалась и в болгарской, и в российской литературе, вместе с оправданием усилий Болгарии по созданию Балканского союза в 1912 г. и вытекавшей из этого шага неотвратимости 1-й, а частично и 2-й Балканской войны. Представляется, что эта версия верна лишь отчасти.

Мы уже отмечали, что крестьянство в аграрных государствах, где оно является преобладающим большинством, становится главным препятствием на пути модернизации и по-своему сопротивляется ей. В Болгарии селяне, поднявшись на рубеже XIX—XX вв. на массовые выступления

против экономического грабежа со стороны ростовщиков и т. п., спустя несколько лет сорганизовалось в сословную организацию, преобразованную затем в партию — известный Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС). Один из его лидеров А. Стамболийский пошел дальше — в сторону политизации Союза, инициировав оппозицию имевшимся политическим институтам. Начав с экстравагантного публичного протеста в Народном собрании в июне 1908 г. против существовавшей процедуры, которая состояла в том, что при открытии сессии парламента князь читает тронную речь, сидя и в головном уборе, в то время как депутаты слушают его стоя²⁹, Стамболийский вскоре (май 1909 г.) позволил себе открыто заявить, что недавнее провозглашение Фердинандом независимости Болгарии в сговоре с великодержавной политикой Австро-Венгрии является переворотом и угрожает интересам болгарского народа. В первую очередь, международной изоляцией и значительными экономическими потерями.

Выступление набиравшего популярность «земледельческого» деятеля было направлено не просто против Фердинанда, но против монархии как института. Среди аргументов Стамболийского преобладали те, что наиболее соответствовали его общинной крестьянской ментальности. «Самозванные устроители переворота, — писал он в газете «Земледельско знаме», — нарушили Конституцию и попытались воплести народовластие в сети некоего царевластия...»³⁰ Это «царевластие» вызывало полное неприятие Стамболийского, поскольку, по его мнению, торжество демократии несовместимо с торжеством монархии, а триумф демократии предполагает и требует исчезновения и последних остатков монархизма. Позже, находясь в тюрьме за антивоенную пропаганду, Стамболийский напишет, что высшая цель БЗНС — возвращение людей к отнятому у них демократизму, дающему равномерное распределение благ и обеспечивающему самоуправление через народовластие³¹.

В отношении возможной войны исходная позиция БЗНС, заявленная в его печатном органе «Земледельско знаме», была резко отрицательной. С таким тезисом, помимо Стамболийского, активно выступали Цанко Церковский, Стоян Омарчевский и другие «земледельческие» активисты. В 1910 г. в одной из газетных статей Ц. Церковский убежденно писал: «Болгария только что вступила на путь экономического развития, и сегодня ее силы должны быть направлены исключительно на закрепление того экономического подъема, который является единственным источником благоденствия народа, политических и гражданских свобод. Нынешнее македонствование наших патентованных патриотов приведет к тому, что

вновь уведет внимание общества в другом направлении, и собьет производительные силы страны с правильного пути»³². А. Стамболийский всецело разделял такую позицию, подчеркивая, что подлинная независимость страны достигается исключительно благодаря экономическому подъему.

Отношение А. Стамболийского к собственно македонскому вопросу, по-видимому, нигде не было сформулировано достаточно четко. Если следовать мнению американского исследователя Дж. Белла, то вначале Стамболийский уповал на младотурок: с введением ими конституционного режима в Османской империи, полагал он, наступал конец расовому и религиозному угнетению местного населения со стороны турецких властей. Однако вскоре ему пришлось убедиться в своем просчете. Тем не менее имевшуюся программу освобождения Македонии Стамболийский не принимал, полагая, что она способствует превращению Болгарии в вассала иностранных банков и правительств, которые предоставляют займы главным образом на милитаризацию страны. И, в итоге, стал ориентироваться на федерирование всех балканских народов³³.

Оставим открытым вопрос о том, выражал ли Стамболийский в своих статьях в «Земледельско знаме» в 1909—1911 гг. только собственное отношение к монарху и монархизму, или также и крестьянской массы, следовавшей за БЗНС, — для ответа на него нет достаточных данных. Но несомненно, что в какой-то мере он формировал отношение крестьянства. И личная его позиция была выражена вполне определенно! «Абсурдно говорить о единомыслии между коронованными главами и народами, — утверждал Стамболийский, — только совершенно невежественные массы могут питать какую-то любовь к коронованным главам». Он ссылаясь и на конкретный исторический опыт, который накопился у болгарского населения со времени Освобождения, указывая, что и сами монархи, случайно попадавшие на княжеский престол, сделали все возможное, чтобы укрепить, сцементировать эту ненависть народа³⁴.

Отторжение у «земледельцев» вызывал не только институт монархии, но и весь «развратный конституционный режим», разлагающийся и выродившийся из-за дворцовых и партийных интриг настолько, что о политических партиях можно говорить, что они «уже отжили свое»³⁵.

Эти констатации представляются важными не только для того, чтобы проиллюстрировать, хотя в известной мере и косвенно, отнюдь не благосклонное отношение крестьянского люда к институту монархии в Болгарии — ведь все события в стране, в том числе возможная война, увязывались, прежде всего, с именем Фердинанда. Но особенно они важны для

того, чтобы лучше понять, как относилось крестьянство к военному способу решения македонского вопроса, участниками которого будут они сами.

В 1911 г. «земледельцы» развернули сильную антивоенную кампанию в стране в связи с тем, что в начале этого года в парламент было внесено предложение об изменении статьи 17-й Конституции, что позволяло царю самостоятельно, без обращения к законодательному органу вести внешнюю политику вплоть до заключения союзов с другими государствами и объявления войны. В Народном собрании «земледельцы» выступали как против наделения царя такими прерогативами, так и против курса на милитаризацию страны, а также против превращения офицерства в элитную касту, оторванную от простого народа, с ее высокими зарплатами и имеющую возможность наживаться на поставках оружия из-за границы. Заявления Стамболийского в связи с различными скандалами в военном министерстве не раз становились поводом для вызова его на дуэль³⁶.

Частью населения изменение одной из важнейших статей Конституции было расценено как безусловная подготовка к войне. Дж. Белл называет кампанию против изменения статьи 11-й Конституции «редкой по накалу страстей». И, видимо, так оно и было, потому что, даже спустя несколько десятков лет, ветераны «земледельческого» движения Болгарии вспоминали о своем участии в ней, как об одном из наиболее ярких впечатлений жизни. В частности, например, о том, какими бурными были совместные митинги «земледельцев» и «тесняков» в селах Варненского округа; как на собрании «дружбы» в Варне, куда съехались люди из всей околии, выступал Стамболийский; а в селе Снежина Провадийской околии крестьяне приняли резолюцию с лозунгами: «Долой личный режим! Да здравствует республика!»³⁷ Сам факт возмущения селян усилением власти царя и превращением его в бесконтрольного вершителя внешнеполитической судьбы Болгарии свидетельствует, на мой взгляд, хотя и косвенно, об их недовольстве набравшим силу милитаризмом.

Выиграть кампанию «земледельцам» все же не удалось: на выборах в XV Обыкновенное народное собрание, проходивших в начале сентября 1911 г., за БЗНС проголосовало на 30% избирателей меньше, чем на предыдущих выборах. «Призывы к народовластию, — замечает по этому поводу Дж. Белл, — редко превосходят националистические призывы, по крайней мере, до тех пор, пока не становятся целиком ясными последствия»³⁸.

Стоит отметить еще один аспект антивоенной темы. В разгар предвоенной пропагандистской кампании, А. Стамболийский, осуждая «ошестинившуюся от кастового снобизма военную олигархию», войну с Турцией называл настоящей авантюрой. В отличие от иных противников военных

действий, руководствовавшихся геостратегическими или тактическими соображениями, на первый план Стамболийский ставил судьбу крестьянства — главную тягловую силу войны. «Войны с Турцией мы хотеть не можем, — заявлял он, — потому что знаем, какие ужасные последствия несет она крестьянскому народу, который заполняет казармы и который будет жертвовать самыми жизнеспособными своими чадами на поле брани». А позже относительно 2-й Балканской войны «земледельческий» лидер говорил, что народ был просто обманут и отдан на заклятие «за интересы, чуждые ему, но близкие безумной воле царя»³⁹.

Случайно ли Стамболийский выстроил такую формулу: интересы военной борьбы за объединение болгарского народа чужды простому люду? Считал ли он их чуждыми только из-за военного способа попытки их решения? Или «нутром» чувствовал, что необразованное, зачастую просто неграмотное селячество меньше и позже других слоев общества пропитывается национальными чувствами, что оно в течение еще долгого времени не вполне ощущает свою этническую выделенность из общей массы большого конгломерата балканцев, которым ничто не мешало хорошо понимать друг друга, объясняться на всех вроде бы разных и не обязательно родственных языках, включая греческий и турецкий.

Конечно, никто не может отнять у народа права на войну, которую он понимает как справедливую, войну за объединение «племени» и территорию его проживания. Дело заключается, главным образом, в готовности или неготовности большей части населения воспринять эту войну как свою, народную, в истинном смысле этого слова, и на такой основе объединиться вокруг центральной идеи. Ибо доверие или недоверие народа к своим руководителям многого стоит. Ну и, разумеется, необходим правильный выбор руководителями места и времени начала боевых действий, продуманность стратегии и тактики.

Представляется, что значительная часть этих условий не имела удовлетворительного качества в Болгарии накануне Балканских войн. О *состоянии армейского командования* мы уже говорили. Боюсь, то же следует сказать о *дипломатической подготовке* участия Болгарии в войне.

Балканский союз не был оформлен как таковой, фактически он состоял из нескольких двусторонних соглашений. Толчком к заключению союза послужила Итало-турецкая война. Она переломила кунктаторскую (как ее называл сербский министр иностранных дел М. Милованович) политику Фердинанда в отношении союза с Сербией⁴⁰. И стало ясно, что балканским государствам не избежать пожара, и соглашение между ними необходимо.

За ходом переговоров о заключении союза внимательно наблюдали царь Фердинанд в Болгарии и премьер-министр Н. Пашич в Сербии, каждый из них давал своим переговорщикам важные поручения. Но болгарская сторона, в частности, в лице непосредственных участников обсуждения условий договора премьера — Ив. Гешова и деятеля македонского движения, ставшего затем разносторонним дипломатом Д. Ризова, вела переговоры, как бы не допуская мысли, что ей могут быть поставлены дипломатические ловушки, и открыто, и упорно отстаивала идею будущей *автономии* Македонии. В противовес им союзники — Сербия, а потом и Греция требовали только *дележа* (раздела) турецких владений. Болгарские партнеры словно бы не понимали, что настаивание на тезисе об автономии Македонии, которая по примеру Восточной Румелии в 1885 г. могла быть легко присоединена к Болгарии, являлось настоящей «дразнилкой» и для Сербии, и для Греции. А они отнюдь не могли желать территориального и государственного усиления Болгарии, не желали «Великой Болгарии» с ее новыми претензиями, превосходившими балканский раздражитель 1878 г. — проект Сан-Стефанской Болгарии. Недаром Иван Илчев писал, правда, по другому поводу: Соединение 1885 г. стало примером для болгар и пугалом для остальных⁴¹. Это понимали и сторонние наблюдатели, но только не болгарские политические деятели и дипломаты, которые действовали по принципу: хотим все и сейчас.

Болгаро-сербский договор о дружбе и союзе был заключен в феврале 1912 г. Тайным приложением к нему определялись условия войны против Турции и о разделе приобретенных областей. Важно отметить, что в союзном договоре выделялась особая «спорная область», судьбу ее должен был решать русский царь в качестве арбитра. На последнем обстоятельстве, как характерном для болгар ментально-психологическом факторе, заострю внимание: соглашаясь на арбитраж, болгарская дипломатия, так и не сумевшая на протяжении всего первого десятилетия XX в. добиться расположения России на случай войны с Турцией, продолжала, тем не менее, уповать именно на Россию. Другая особенность этого договора состояла в том, что возможность *автономии* для части македонских земель, на чем изначально настаивала болгарская сторона, принципиально все-таки была признана, но без определения условий для ее осуществления. В договоре оговаривалось: «если для этого возникнут условия». Что это означало практически, определилось очень скоро: перед самой войной, когда отступать уже было некуда, к удивлению болгар главным все-таки оказался принцип дележа. Более того, в начале мобилизации

выяснилось, что «союзница Сербия после заключения договора и подписания всех военных конвенций считает *своими* городами Прилеп, Кичево, Охрид, Дебар и др.»⁴² Гешову, испытывавшему внутренний восторг оттого что в лице Балканского союза удалось создать «настоящее славянское единство», пришлось закрыть глаза на одностороннее изменение еще до начала военных действий будущих границ, предварительно «поделенных» турецких владений.

«Завершение» строительства Балканского союза последовало в мае 1912 г., когда был заключен болгаро-греческий договор. Он содержал очень мало конкретики и также был ориентирован, прежде всего, на *дележ* будущих территорий. Болгаро-черногорский договор вообще существовал только в устной форме.

И в *политической сфере* дело обстояло не лучшим образом. Необходимое для страны, вступающей в войну, *политическое единение* отсутствовало. Энергично протестовала против войны партия «тесняков», отрицавшая «гегемонистскую» политику балканских династий; «тесняки» требовали сохранения мира, так как видели решение балканских проблем в создании Балканской федеративной республики. Колеблущуюся позицию — ни «за», ни «против» — заняла СДП, ее фракция в парламенте не голосовала за военные кредиты, но и не высказывалась против них. Радикальная партия (большинство ее) также проявила колебания и неустойчивость, притом, что некоторые из ее членов после начала Итало-турецкой войны 1911 г. стали призывать к войне с Турцией.

Среди *противников войны* были русофильски настроенные политики, прислушивавшиеся к энергичным, антивоенным советам России. Они имели немалое влияние на массы. К их числу относился, например, деятель «старой» либеральной партии П. Каравелов. Среди них были и деятели Народной партии, группировавшиеся вокруг газеты «Мир»; вплоть до осени 1911 г., когда началась Итало-турецкая война и погромы в Македонии, они обвиняли монарха и прежние правительственные кабинеты Демократической партии в подстрекательстве четников, своей деятельностью провоцировавших массовое истребление населения в Македонии⁴³.

Иными словами ситуация, когда в обществе еще только обсуждался вопрос — воевать или следовать путем мира, требовала от заинтересованных сторон лоббирования своих интересов. В этом отношении жесткую линию проводили деятели Народно-либеральной партии (стамболовисты), шедшие в первых рядах активистов антитурецкой кампании. Они осуждали «туркофильскую ориентацию» правительства, с безумной сме-

лостью заявляли, что Болгария может воевать и одна, без всякого Балканского союза, их больше устраивали связи с австро-германским блоком.

В целом политический класс Болгарии в 1911 — первой половине 1912 года полной готовности к единению не проявлял. И как его достичь, когда война стояла у порога?

* * *

Говоря о подготовке страны к войне, мы как будто забыли о ВМОРО. Нет, не забыли. Как уже отмечалось, поражение Ильинденско-Преображенского восстания 1903 г. стало толчком для раскола внутри ВМОРО. В 1908 г. последовал роспуск вооруженных частей Организации в обмен на обещание помощи со стороны младотурок. Казалось, неблагоприятные события и время «обесточили» действие македонского фактора. Но лишь на время.

Оставалась еще когорта наиболее «твердых» революционеров ВМОРО, сторонников террористической тактики, для которых революция являлась высшей ценностью, и которые не слишком интересовались тем, насколько благоприятны внешнеполитические условия для их деятельности, и как она может отразиться на положении матери-Болгарии. В 1910 г. в Софии собрались восводы, четники, руководители из всех революционных округов Македонии для обсуждения сложившегося положения и выяснения перспектив дальнейшей «работы». В ходе неформальных обсуждений выдвигался главный вопрос — о месте четничества в предстоящей борьбе: возобновлять его или достаточно будет нелегальных и террористических акций против турок⁴⁴. Как пишет в воспоминаниях участник событий Милан Матов, мнения разделились. «Старые» нажимали на необходимость сохранения людей: «Хватит жертв! Разве не видите, как стирается болгарский облик Македонии? Люди боятся и торопятся выселиться, а этого быть не должно. В Америке, в Австралии и по всему свету разошлись наши люди /.../ Нельзя так!»⁴⁵

Сам М. Матов, несомненно, принадлежавший к стойким революционерам, выступал за «взрывы, чтобы произвести фурор в глазах турок». А потому считал опаснее всех «сомнительных и трусливых» тех бывших руководителей ВМОРО, что занимались теперь, главным образом, «частными делами, личным счастьем и еще с Хурнета 1908 г. выступали против ВМОРО, против любой нелегальной деятельности, против власти, откуда бы она ни исходила»⁴⁶. Ряд его характеристик о состоянии Организации показывает, в каком моральном разложении находились многие ее члены:

бесконечная грызня между руководителями, «всем негласно хотелось войти в /Заграничное/ представительство», Петр Чаулев, например, хотел подчинить себе весь округ, а может быть и всю Организацию⁴⁷, готов был убить нежелательных ему лиц. В то же время его агент в Битоле Н. Йосифов с несколькими помощниками начал «вытрясать» из зажиточных людей деньги — при этом «все они (речь идет о помощниках. — Р. Г.) прошли через стадию сербофильства, некоторые и туркофильства, и были сомнительными»⁴⁸. У самого М. Матова состав четы был не лучше: каждый из пяти четников, пишет мемуарист, ничего не стоил. Один был воспитан в грекоманстве, но учился в сербской школе, а в турецкой армии, откуда дезертировал, был записан болгаринном. Второй также был грекоманом, однако в последние годы стал болгаринном, «был податлив на кувшин молока». Остальные — совсем малые дети по 18 лет⁴⁹.

Выводы автора горьки: «Во всем я ясно вижу слабость Организации, в частности, ее руководителей, и вообще — до чего мы дошли, ведь это падение!»⁵⁰ На конкретных примерах он показывает стремление ряда деятелей стать воеводой, получить соответствующие полномочия, чтобы собирать деньги с населения, чтобы быть сильным перед крестьянами и чтобы использовать их⁵¹. Главка книги воспоминаний М. Матова, посвященная этому времени, так и названа: «Вырождение четничества в 1911—1912 гг.»

Тем не менее воинствующие революционеры решили не отступать и использовать для достижения прежней цели мать-Болгарию. Для этого необходимо было в первую очередь воссоздать Центральный комитет ВМОРО. Но в сложившихся условиях провести его выборы с соблюдением уставных требований не было возможности. В начале 1911 г., как сообщает М. Матов, состоялись выборы ЦК и Заграничного представительства, произведенные «по-товаришески, хотя и незаконно». Однако и после этого между его членами и в отношениях с местными руководителями ВМОРО продолжались препирательства⁵².

В новый состав ЦК ВМОРО вошла группа «более молодых деятелей»: П. Чаулев, Хр. Чернопеев и Годор Александров⁵³ (30-летний школьный учитель и член местных, революционных руководящих органов в Македонии в 1903—1904 и 1907 гг.), а также в качестве запасного члена ЦК ВМОРО Александр Протогеров — 44-летний офицер действительной службы, один из основателей офицерских братств и член Верховного македонско-одринского комитета (ВМОК), а также участник Горноджумайского 1902 г. и Ильинденско-Преображенского 1903 г. вооруженных восстаний на территории Македонии против турецких властей.

О деятельности нового состава ЦК ВМОРО открытых сведений немного. Можно предположить, что настроения и планы у его руководителей были боевыми, точнее — революционными: террор в отношении турецких властей в Македонии, иногда отправка туда вооруженных чет. К этой деятельности все больше подключалась политическая общественность болгарской столицы. «В Софии, — пишет М. Матов, — где привыкли слушать о терактах, радовались, что в Битоле был произведен теракт»⁵⁴. Напряженно ожидали войны с Турцией. Тревожная международная обстановка в Европе после событий 1908 г. заставляла торопиться. Кроме того, на горизонте появилась еще одна претендентка на часть европейских владений Турции — Албания, которой европейские великие державы готовились предоставить статус автономии. Казалось, что войны против Турции, действительно, не избежать. Ход начавшейся летом 1911 г. Итало-турецкой войны, свидетельствующий об ослаблении Османской империи, как бы подсказывал ВМОРО план действий — поскольку собственных сил мало, мобилизовать все имеющиеся в Болгарии промакедонские факторы, чтобы *склонить правительство и царя Фердинанда не упустить момент и военным путем решить македонский вопрос*.

Для ускорения событий именно в таком направлении было выбрано и соответствующее средство — теракт. Устроили его недавно вошедшие в состав ЦК ВМОРО Тодор Александров и Александр Протогеров в городке Штип, путем взрыва бомбы. Что немедленно вызвало реакцию турецких властей, учинивших кровавую расправу над местными жителями. Ну, а в Болгарии македонские землячества откликнулись массовыми демонстрациями с требованиями осудить кровавые злодеяния турецких властей, с выражением протеста против их бесчинств. В 1911 г. эта волна не достигла большой высоты, но начало новой экспедиции македонствующих было положено. Возобновленный ЦК ВМОРО отступать от поставленной цели не намеревался.

Примечания

¹ Влахов-Мицов Ст. Указ. соч. С. 110, 155.

² Там же. С. 16.

³ Рудометов В., Николов Ст. Корените на балканския политически модел: пагубно съчетание между национализъм и слаборазвитост // Социологически проблеми. София, 1999. № 3—4. С. 148.

⁴ Пантев А. Едиповият комплекс на модернизацията // Понеделник. София, 2007. № 7—8. С. 69.

⁵ Рудометов В., Николов Ст. Указ. соч. С. 149.

⁶ *Мишкова Д.* Европейски идеи и институции в политическата система на България. 1878—1914 // Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. София, 1999. С. 20.

⁷ *Баева И.* Аграризмът като идеология на селските движения в България и Полша до втората световна война // Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. София, 1992. Т. 84—85. С. 183.

⁸ *Маркова М.* Динамика на селската култура в Кюстендилско през XX век // Известия на исторически музей. Кюстендил, 2004. Т. XI. С. 368.

⁹ *Зундхаусен Х.* От предкапитализма към ранен капитализъм. Трансформация на селото и селското стопанство на Балканите от XIX в. до втората световна война // Български фолклор. София, 1994. № 3—4. С. 11.

¹⁰ *Елдъров С.* «Голямото разочарование»... С. 178.

¹¹ *Димитров А.* Указ. соч. С. 52.

¹² *Янчев В.* Войската и гражданските власти. 1878—1912 // Модерна България... С. 83.

¹³ Там же. С. 67.

¹⁴ *Мишев Р.* Военно обучение и специализация на български офицери в Русия в началото на XX в. // Летопис на дружбата. София. 1981. Т. 8. С. 335.

¹⁵ *Даскалов Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 122—123.

¹⁶ Там же. С. 123.

¹⁷ *Зафиров Д.* Българската армия — монархически и републикански образ // Исторически преглед. 2002. № 1—2. С. 195—196.

¹⁸ *Даскалов Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 124—125.

¹⁹ *Стоилов П., Йонов М., Петров Л.* Българската армия като институция. 1878—1944 // България 1300... С. 374, 377.

²⁰ *Даскалов Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 126.

²¹ Там же.

²² *Марков Г.* България и Балканския съюз срещу Османската империя. 1912—1913. София, 1989. С. 19.

²³ *Мишев Р.* Указ. соч. С. 346.

²⁴ *Фичев И.* Балканската война. Преживелици, бележки и документи. София, 1940. С. 72—73.

²⁵ *Марков Г.* Поуки от Балканските войни 1912—1913 гг. // Военноисторически сборник. София. 2003. № 1. С. 24.

²⁶ Там же. С. 26—27.

²⁷ *Марков Г.* Българското крушение 1913. София, 1991. С. 62.

²⁸ *Марков Г.* България и Балканския съюз... С. 17.

²⁹ *Матошич Й.* Кървава България. София, 1991. С. 40.

³⁰ Цит. по: *Христов Хр.* Александър Стамболийски в новата и най-новата история на България // Александър Стамболийски. Живот, дело, завети. София, 1980. С. 29.

³¹ *Тодорова Цв.* Политическите партии, властта и държавата в идеологията на Александър Стамболийски // Александър Стамболийски... С. 118.

³² Цит. по: *Бел Дж. Д.* Александър Стамболийски и БЗНС. 1899—1923. София, 1993 / Пер. с англ. С. 100—101.

³³ Там же. С. 101.

³⁴ *Христов Хр.* Указ. соч. С. 29—30.

³⁵ *Тодорова Цв.* Указ. соч. С. 118.

³⁶ *Бел Дж. Д.* Указ. соч. С. 100.

³⁷ *Гочев М.* Варненска окръжна земеделска дружба. София, 1978. С. 51—52.

³⁸ *Бел Дж. Д.* Указ. соч. С. 102.

³⁹ *Христов Хр.* Указ. соч. С. 31—32.

⁴⁰ *Горџевић Д.* Милован Миловановић. Београд, 1962. С. 165.

⁴¹ *Илчев И.* Македонският възел // *Bulgarien Quarterly*. 1991. Зима. Т. 1. Кн. 3. С. 77.

⁴² *Кьорчев Д.* Време на надежди и катастрофи. 1905—1913 гг. Дневници и политически студии. София, 1994. С. 147.

⁴³ *Стателова Е.* Някои характерни черти на българския буржоазен партиен печат в навечерието на Балканските войни. 1909—1912 гг. // *Известия на Института за история*. София, 1970. Т. 21. С. 183.

⁴⁴ *Бошнакова М.* За революционера Милан Матов и неговите спомени // *Матов М.* За премълчаното в историята на ВМРО. Спомени. София, 2007. С. 11.

⁴⁵ *Матов М.* Указ. соч. С. 177.

⁴⁶ Там же. С. 185.

⁴⁷ Там же. С. 183.

⁴⁸ Там же. С. 186.

⁴⁹ Там же. С. 188.

⁵⁰ Там же. С. 190.

⁵¹ Там же. С. 194.

⁵² Там же. С. 178.

⁵³ *Куманов М.* Македония. Кратък исторически справочник. София, 1993. С. 57.

⁵⁴ *Матов М.* Указ. соч. С. 186.

5. Мобилизационное единение народа

Объявление мобилизации и начало Балканской войны 1912 г. описывается и в Болгарии, и в Сербии как грандиозное *общенациональное событие*, потрясшее каждую из этих стран. Действительно, такое событие можно отнести к категории тех, что благодаря великому порыву, совместно пережитому приливу радостных чувств и энтузиазма, способствуют превращению охваченного им населения в нацию, а затем эхом передается из поколения в поколение. Его воздействие настолько велико, что даже те профессионалы, кто спустя почти столетие занимается строгим научным анализом истории Балканских войн, сохраняют свежесть пережитых когда-то людьми начала XX в. патриотических *чувств*, и у кого в некоторых случаях бессознательное прорывается даже теперь столь сильно, что начинает преобладать над сознательным, объективным.

Но сербский и болгарский народы пришли к Балканской войне 1912 г. и связанным с ее началом состоянием эйфорического энтузиазма разными путями.

В Сербии войну ждали с жадным нетерпением. Длительное предварительное воспитание народа в воинственном духе вылилось в его бурное ликование при известии о начале войны. На войну, пишут историки-«сербисты», шли как на праздник, как на свадьбу. На призывные пункты явилось много добровольцев, записывались даже больные, говоря, что выздоровеют в пути. Главным ресурсом в будущих сражениях была живая сила, на нее и полагались сербские власти¹.

О Болгарии придется рассказать подробнее. Для оценки состояния общества накануне войны воспользуемся весьма любопытными наблюдениями французского военного атташе, прибывшего в Болгарию в мае 1912 г. Майор К. Л. де Матарел, участник нескольких французских военных кампаний в Африке и, следовательно, достаточно опытный в военном деле человек, проявил себя наблюдательным офицером. В регулярно отправлявшихся им донесениях по своему ведомству он сообщал и о расстановке сил в болгарских верхах, и о настроениях в обществе в связи с готовившимся кровопролитием.

Так, в докладе от 16/29 июня 1912 г., т. е. за три-четыре месяца до начала Балканской войны, Матарел отмечал, что под армейскими знаменами находится только половина состава военнослужащих, поскольку наступило время уборки урожая, и люди заняты на полях. Но, передает он слова заместителя начальника Генерального штаба, в случае необходимости всех можно собрать и привести в боевую готовность за 4—5 дней. «Хочет ли общественное мнение войны?» — задается Матарел интересующим и нас вопросом. И на основе собранного им материала отвечает: «По-видимому, нет», упоминая при этом бытующее мнение, что болгарин пробуждается только в случае, если затронут его интересы. И заключает: «А в этот момент ничто им не угрожает, и масса остается безразличной»².

Француз не удовлетворяется единственной констатацией, наоборот, постоянно следит за изменениями в настроении общества. Вот характерная запись из того же доклада: «... Ни большинство населения, ни официальные круги, похоже, не хотят войны при нынешнем положении вещей»³. Под официальными кругами Матарел скорее всего имел в виду царя и некоторых его приближенных.

Действительно, царь колебался. Изменение в 1911 г. статьи 17-й Конституции означало не только сосредоточение в его руках всей внешней политики, вплоть до заключения тайных союзов и договоров без согласования с парламентом, но и всей моральной ответственности в случае принятия роковых решений. А потому, видимо, он и не торопился воевать.

В марте 1911 г. царь Фердинанд вручил мандат на формирование Совета министров Ивану Евстратиеву Гешову. Глава нового правительства и одновременно министр иностранных дел был выходцем из богатой торговой семьи. Патриотически настроенный с молодых лет и прошедший курс финансовых и *политических наук* в Манчестере И. Гешов много сделал для развития экономики и культуры Болгарии. О себе он говорил: «До 1912 года я был самым большим миролюбом в Болгарии»⁴. Правдивость этих слов не однажды подтвердили современники. По природе и воспитанию, пишет фактически его биограф Елена Стателова, Гешов — человек мирного просветительского труда, ему чужды рискованные революционные акции и их непредсказуемые последствия⁵. Он стал известен как разумный экономист, банкир, публицист, переводчик, меценат, работал в нескольких правительствах Болгарии. Будучи родственником известного богача и финансиста, а затем и главным его наследником, И. Гешов участвовал в создании Болгарской Академии наук, в строительстве здания Софийского университета, совершил множество других благотворительных акций. Как экономист и предприниматель первым выступил за политику

поощрения местной промышленности, предоставления ей льгот, способствовал созданию торгово-промышленных палат, был одним из инициаторов и организаторов ставшей известной Первой болгарской сельскохозяйственной и промышленной выставки в 1892 г. в Пловдиве. С 1901 г. возглавил Народную партию русофильской в основном ориентации.

В состав правительства Гешова вошли: авторитетный деятель Народной партии — богатый финансист Теодор Теодоров, работавший до этого в нескольких правительствах (учился в учебных заведениях Николаева, Одессы, Парижа), а также зять премьера Димитр Ябланский, крупный акционер, экономист и хозяйственный деятель, сторонник аграрной ориентации экономики Болгарии. Министром просвещения стал Стефан Бобчев — человек разносторонних, преимущественно гуманитарных способностей (юрист, фольклорист, славист); среднее образование он получил в Константинополе, затем изучал медицину, право в Москве. Как и Гешов, Бобчев являлся одним из создателей Болгарской Академии наук и Софийского университета.

Что можно сказать о таких людях, даже без особой личностной характеристики их, опираясь только на дарованный ими Болгарии культурный и экономический багаж? Зачем нужна была им война, если каждый из них столько сил и личных финансов вложил в строительство экономики и культуры нового государства. Учитывая еще, что в начале XX в. экономика страны переживала большой по своим масштабам экономический бум (так называемые «семь жирных лет»). И прерывать хозяйственные успехи войной?! Нельзя не добавить, что в составе кабинета Гешова в 1911 г. не было военного министра. Лишь с января 1912 г. в этом качестве стал работать 22-летний Никифор Никифоров, за два года до этого окончивший Военное училище в Софии.

Трудно предположить, что такое правительство имел в виду царь в качестве своей опоры, если он предполагал в близкое время начать войну. Тем больше усилий приходилось прилагать милитаристским кругам, чтобы «расшевелить болгарское общественное мнение». И в первую очередь — «умеренного и осторожного», по мнению российских дипломатов, царя Фердинанда⁶.

Став премьер-министром, Гешов сразу же оказался втянутым в сети политики ВМОРО, направленной на разжигание милитаристской общественной реакции в Болгарии с целью ускорить решение македонского вопроса военным путем. Позже (когда ему уже приходилось оправдываться за свои действия) Гешов напишет: первой своей обязанностью я посчитал заниматься злосчастным македоно-одринским вопросом,

который с Берлинского конгресса терзал Болгарию; македоно-одринская *анархия* создавала столько опасностей, что «само будущее Болгарии могло быть скомпрометировано гибельным действием “македонствующих”»⁷. С таким пониманием тогдашнего состояния македоно-одринской проблемы, очевидно, было связано и намерение Гешова «взять македонский вопрос из рук повстанческого комитета»⁸. Выстраивая свою политику, он попытался летом 1911 г. урегулировать отношения с Турцией, вступить в переговоры с турецким посланником в Софии на предмет заключения соглашения между странами. Но турецкое правительство не сделало ни шагу к новой политике.

Тем временем «македонствующие» и армейские круги, а также «либеральные» партии, слывшие патриотическими, повели активную милитаристскую кампанию: для них война являлась единственным средством решения македонского вопроса.

Печать всех партий значительно активизировалась, газеты перешли на ежедневный выпуск. Они становились своеобразным выразителем общественного мнения⁹, «примеряя» к себе имидж «четвертой власти». Обработка населения проводилась также с помощью митингов, собраний и пр., что не укрылось от внимания Матарела. В середине июля — месяц спустя после его первого сообщения — Матарел свидетельствовал: «Действительно, продолжается обработка общественного мнения, но, похоже, что это напрасно /.../ Короче, в целом общественное мнение остается спокойным и можно верить, что так и будет продолжаться, пока не случится какое-либо из осложнений, рассмотренных в моих последних письмах (турецкая революция, но действительная, а не только ее угроза, высадка итальянцев в Европейской Турции)»¹⁰.

Матарел не упускал из виду активизацию милитаристов, особенно армейских и «македонцев». В прошлом месяце, писал он, в Софию вернулись из заграничной поездки посланцы ВМОРО, которые настоятельно требовали от великих держав вмешаться в македонские дела, но потерпели в этом неудачу. Организацией митингов «македонцы», живущие в Софии (их около 10 000), пытались возбудить общественное мнение и «увлечь таким образом правительство». Но в целом, считал тогда атташе, «они не могут надеяться вовлечь Болгарию в авантюру»¹¹.

Однако в его докладе от 14/27 июля 1912 г. уже звучит тревога: «В армии офицеры македонского происхождения проявляют в последнее время сверхвозбудимость. Некоторые из них хотели бы даже начать военные действия без объявления войны, чтобы повести за собой правительство. С этой целью они пытались договориться и разослали письма в ряд воен-

ных гарнизонов в Царстве. Но и самые горячие из них вынуждены были признать бесперспективность проекта и отказаться от него»¹².

Для миролюбивого Гешова наступление «македонствующих» явилось большим испытанием. Он вынужден был отступить: «Ни одно правительство в парламентской стране, не может бороться с общественным мнением*»; и это будет настоящим несчастьем, если *наша миролюбивая политика рухнет под натиском возбужденного не по нашей вине общественного мнения*» (курсив мой. — Р. Г.)¹³. Но именно так и случилось: в вязкой для поборников войны атмосфере необходимо было реальное кровавое действие, способное вызвать бурное негодование царя и общественности. И оно произошло. Его сознательно придумали и произвели «македонствующие», устроив в Турции на переломе июня/июля 1912 г. в городке Кочани террористический акт против турецких властей — взрыв двух бомб в разных частях поселения. Это немедленно вызвало ответные действия: турецкие власти закрыли выход из городка, войска набросились на болгарские кварталы; началась кровавая резня местного населения, в ходе которой было убито около 40 человек, многие ранены¹⁴. Террористическая акция оказалась приурочена к только что закончившемуся турецкому судебному процессу по поводу подобного же теракта в городе Штипе, совершенного в ноябре 1911 г. Провокация получила, таким образом, двойной резонанс. Руководителями обеих акций, как выяснилось позже, явились Тодор Александров (уроженец Штипа) и Александр Протогеров (родился в Охриде). Болгарское население, естественно, не было извещено о конкретных организаторах теракта и в резне, устроенной турками, обвиняло исключительно турецкие власти.

Как имевшая цель «ускорить» движение Болгарии к войне, провокация — приходится это констатировать — безусловно, удалась: она возбудила страшную народную ярость в отношении турок. Эмоции перелхестывали через край. В донесении от 28 июля/10 августа 1912 г. Матарел недвусмысленно резюмировал: «Резня в Кочани должна была произойти не для того, чтобы привлечь внимание к Македонии, а чтобы *заставить болгар заниматься ею*. Все последнее время они в целом оставались совсем безразличными и были глухи к призывам бунтовщиков. В моем последнем письме я сообщал о напрасной попытке бунтовщиков вызвать волнения в армии»¹⁵ (курсив мой. — Р. Г.).

* Обучаясь в Англии, юноша Гешов «восхищался систематическим насаждением там принципа законности и уважения общественного мнения (курсив мой. — Р. Г.)». Е. Стателова. Указ. соч. С. 13.

Действительно после событий в Кочани «общественное мнение» зашевелилось. Уже со 2 августа газеты запестрели воинственными заголовками: кампанию открыли независимые, т. е. непартийные, вестники «Утро» и «Дневник». Характерным для них стало навязывание воинственного настроения якобы от имени народа. «Народ приказывает: война!», — заявляло «Утро»; «Война? Народ хочет войны», — уверял «Дневник». Кампания не была стихийной. Как сообщал участник событий, в начале августа в городском казино в центре Софии состоялась встреча директоров и редакторов частных ежедневных газет и печатных партийных органов, на которой в течение двух с лишним часов обсуждался вопрос, какую позицию должна занять пресса в складывающейся ситуации. Решение было принято «патриотическое». Кто созвал и организовал это собрание, участник его не посчитал нужным обнародовать. И кампания пошла по нарастающей: 18 августа — призыв «К оружию» («Военен глас»), 23 августа — заголовок «Непобедимость болгарской армии» (официоз «Мир»), 24 августа — «Долой миролобов!» («Военен глас»), 28 августа — «Нужна война» (Там же), 30 августа — «Есть только один путь — война» («Народни права») и т. п.¹⁶

К кампании активно присоединился Союз офицеров запаса, он еще в начале Итало-турецкой войны «обращал внимание правительства на благоприятную стратегическую обстановку для болгарской армии, которую политики не должны пропустить»¹⁷. В начале августа 1912 г. офицеры запаса уже энергично настаивали на войне с Турцией.

В милитаристском ажиотаже «земледельцы» не упускали возможности поднять голос протеста. 8 августа 1912 г. Стоян Омарчевский писал в газете «Земледелско знаме» по поводу резни в Кочани: «Действительно, младотурецкая партия — это новое проявление исчадия Абдул-Хамидовщины /.../ Но отсюда не следует, что Болгария должна кровью смыть, нанесенное ей резней в Кочани унижение. Отсюда не следует, что Болгарию надо толкать в военную авантюру, о которой мечтают сегодня неудачливые политиканы, головорезы и болгарские младотурки. Сегодня болгарские черкесы-радослависты и государственные разбойники-стамболовисты вместе с генералами опять зовут к войне. Но это — грохотанье пустых бочек, оно чуждо внушительному большинству болгарского народа, и должно быть чуждо. Да, мечта о войне может быть только у людей с больной головой, у чужих орудий, агентов-provокаторов. Но объединенное в Земледельческий союз крестьянство ведет и будет вести постоянную и непримиримую войну здесь, внутри Болгарии, с палачами, угнетателями народа, эксплуататорами и живодерами /.../ Объединенное

болгарское крестьянство знает очень хорошо, что македонский вопрос — не только болгарский, и что, даже если за свободу Македонии будет заплачено кровью болгарина, то все равно те, чьи интересы переплетаются там, не позволят какое бы то ни было “пристегивание” Македонии к Болгарии»¹⁸.

12 августа на конгрессе македонских эмигрантских обществ (участвовало 550 делегатов) была принята резолюция с требованиями — к *болгарскому правительству: немедленно объявить мобилизацию* (вспомним события в Софии в сентябре 1903 г!), а к правительствам великих держав — предоставить автономию Македонии и Одринской области с генерал-губернатором христианином во главе. С этого момента, пишет болгарский автор В. Янчев, популяризация войны стала основной темой для офицеров запаса. Дошло до того, что глубоко *монархическая организация стала угрожать монарху — верховному главнокомандующему*: или он, наконец, поведет народ и армию, или народ сам пойдет, избрав более решительного вождя, который слышит волю народа¹⁹.

Одно из последних довоенных сообщений Матарела — от 25 августа/7 сентября значительно отличается по содержанию от предшествующих. «Нынешнее положение трудно определить. Мы в ожидании», — в этой фразе французского атташе ощущается напряженное состояние духа в стране. И дальше он так суммирует свои выводы: «Сведения, которые удалось собрать, позволяют мне установить, что:

1) Царь и правительство обеспокоены состоянием общественного мнения и боятся, что их толкнут на принятие тяжелых решений под угрозой революции в стране.

2) Сознание народа (выделено Матарелом), действительно, в пользу войны.

3) Среди части населения и, особенно, среди македонских бунтовщиков существует большое возбуждение, они заявляют, что *предпочитают видеть Болгарию исчезнувшей* (курсив мой. — Р. Г.), нежели сохранять нынешнее положение.

4) Офицеры македонского происхождения — в нервном возбуждении и требуют защиты членов своих семей, еще находящихся в Македонии...»²⁰

В каждом из четырех процитированных пунктов (их на самом деле больше) есть на что обратить специальное внимание. Фактом становится, что *Болгарию подняли на дыбы, главным образом, вызывающие, противозаконные, провоцирующие действия «македонствующих»*.

В отличие от уличных событий 1903 г., милитаристская кампания 1912 г. привела Болгарию к войне. В 1912 г. выбор между войной (фактически за новые территории, ибо вопрос об автономии в ходе союзных переговоров приобрел эфемерный характер) и безопасностью страны государственная власть сделала в пользу первой. Возможно, она слишком высоко оценила свою готовность к войне, которая — всегда риск. Быть может, сказалось обстоятельство, что Болгария, действительно, оказалась пристегнута к стратегическим планам самостоятельных революционных структур, т. е. ВМОРО, и одновременно заложником их действий и ответчиком за их последствия²¹. А у ВМОРО, как известно, была склонность назначать срок восстания, не завершив в достаточной степени его подготовки.

К 17 сентября 1912 г., когда Фердинанд подписал указ о всеобщей мобилизации, общественное настроение в Болгарии было уже достаточно разогрето. Царский указ люди встретили со спонтанным воодушевлением, они обнимались на улице, поздравляли друг друга. Этот чудесный момент наступившего, наконец, часа «X» и охватившего всех поголовно патриотизма и энтузиазма, и был отражен газетчиками, журналистами, многотиражной прессой, многочисленными свидетелями, а затем и литераторами, историками, мемуаристами и т. п., и таким в их описании ушел в будущее, чтобы на долгие годы приобрести непреходящее значение.

Поддался общему настроению, не разглядел провокации или ему не позволили ее увидеть и премьер-министр Гешов. Вот его запись: «Не только участились пограничные инциденты, которые так сильно возбуждали болгарское общественное мнение, но и резня, как в Штипе и Кочани, убийства и грабежи, истязания и преследования, систематическое унижение болгарских солдат в турецкой армии, все это так увеличило число молодых болгар, бегущих из Македонии и Одринской области, что и наиболее миролюбивые болгарские государственные деятели должны были ужаснуться и спросить, не связано ли это с планомерным намерением младотурок обезболгарить и обесхристианить Македонию и Одринский край, чтобы таким образом радикально решить македоно-одринский вопрос»²².

Воинственный энтузиазм продемонстрировали и депутаты Народного собрания, созванные 27 сентября на чрезвычайную сессию для объявления в стране военного положения. Вот когда в полной мере проявилось себя незавидное качество болгарских политиков — руководствоваться, прежде всего, эмоциями²³. Безудержный энтузиазм охватил присутствующих. Тронную речь царя народные избранники встретили криками «ура!» и бурными аплодисментами. Гешов в своем выступлении с большим удовлетворе-

нием говорил о заключении Балканского союза как о соглашении четырех христианских балканских государств, называл союз «эпохальным делом» и «историческим событием», которое создаст условия для мирной «добророседской жизни» на Балканах²⁴. Представители всех партий горячо поддержали предложение правительства о военном положении. Эмоции били через край²⁵. Героическим одиночкой оказался лишь социал-демократ Я. Сакызов. Он заявил, что премьер гораздо больше порадовал бы болгарский и все балканские народы, если бы объявил не о мобилизации армии, а о соглашении между балканскими странами «на почве экономической, культурной, а затем и политической, и только в последнюю очередь, если необходимо, — военной». Это вызвало смех в зале, оратора прерывали, откровенно ругали. Заседание пришлось прервать на полчаса. Но Сакызов не сдавался: А что вы будете делать потом, пророчески продолжал он, объединенные сегодня, разве завтра вы не наброситесь друг на друга? Не выдержав «противоестественных» выпадов, депутаты стали покидать зал²⁶.

Но нужное решение законодательный орган принял. Главное было достигнуто.

Однако Я. Сакызов оказался не одинок. В Центральном государственном архиве в Софии хранится рукописный дневник (еще один дневник!), в котором неизвестный автор, по-видимому, «широкий» социалист, находясь в Константинополе, записывает 5 октября 1912 г. (день объявления Болгарией войны Турции): «Ура! Ура! Энтузиазм, энтузиазм повсюду! Говорится, сообщается, пишется в газетах о большом энтузиазме, полном воодушевлении; сердца всех — стариков, отцов, матерей, братьев, сестер — все, да все, полны одним стремлением — умереть за свободу раба, возвеличить славянство, православных, христиан. Каждый родился будто бы для того, чтобы исполнить одну-единственную мечту, один-единственный исторический идеал — умереть на войне с турчином, пожертвовать собой ради креста, борющегося с полумесяцем; на самом же деле население заставляют подняться силой закона, кто сопротивляется — тому смерть. Принуждение — вот то, что порождает энтузиазм в огромной массе. В условиях «обязательного патриотизма» просто невозможно оказаться вне рядов энтузиастов войне»²⁷.

Мобилизация была объявлена, несмотря на то, что еще 3 сентября российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов заявил болгарскому посланнику в Петербурге генералу С. Паприкову, что на материальную помощь со стороны России Болгария рассчитывать не может, даже если будет разбита, но, главное, предупредил, какому риску подвергает себя Болгария, собираясь воевать: фактически, сказал он, она «ставит на кон»

все свое существование в качестве самостоятельного государства. Характерно, что в донесении в Софию о состоявшемся разговоре, Паприков упоминал, прежде всего, о новых проявлениях симпатии к славянам со стороны российского общественного мнения, что, видно, для него стояло на первом месте, и только потом о позиции Сазонова²⁸. Сазонов же, проявляя глубокое беспокойство, 8 сентября сделал еще одно предупреждение — о необходимости крепко подумать, прежде чем начать действовать. 10 сентября о позиции Сазонова, посетившего Лондон, писал оттуда в Софию болгарский посланник в Великобритании М. Маджаров, добавив от себя: на великие державы Болгария не может рассчитывать; если отмахнуться от получаемых ею советов, Болгарию постигнет катастрофа.

Но никто этих советов не слушал!

19 сентября, после объявления союзниками мобилизации, М. Маджаров телеграфировал из Лондона: Сазонова нашел очень встревоженным; он заявил, что считает провокаторами нас, а не Турцию; на мои слова, что весь болгарский народ верит, что российский император не оставит нас в трудные минуты, Сазонов желчно заявил: сам российский император предупредил Данева*, что момент для столкновения с Турцией выбран очень неудачно, и если это не было сообщено болгарскому правительству, приходится только сожалеть.

С такой психологической нагрузкой в виде неотрегулированных отношений с Россией отправлялась Болгария в свой военный поход.

Получив санкцию парламента, Фердинанд 5 октября 1912 г. объявил Турции войну. В «Манифесте к болгарскому народу» в качестве цели войны царь объявлял «возвращение человеческих прав христианскому населению Турции». Этот документ примечателен во многих отношениях. Во-первых, упоминаниями в нем «великой христианской освободительницы» и Царя-освободителя затевавшаяся война Болгарии против Турции как бы освящалась именем России, хотя именно Россия выступала в то время за сохранение статус-кво на Балканах. Во-вторых, *поводом к войне Фердинанд называл не что-нибудь, а именно резню в Штипе и Кочани*. «Анархия в Турции угрожает и нашей государственной жизни, — говорилось в документе. — После резни в Штипе и Кочани турецкое правительство вместо того, чтобы дать страдальцам удовлетворение и правду, чего мы потребовали, заявило о мобилизации вооруженных сил. Так было поставлено на испытание наше долготерпение»²⁹. Явилась ли эта завуали-

* Стоян Данев — в то время Председатель парламента.

рованная ложь во благо? Но факт остается фактом: именно погромы в Штипе и Кочани были провозглашены поводом к войне, и тем самым провокационные теракты Т. Александрова и А. Протогерова как бы брались Фердинандом под личную защиту. Здесь уже можно говорить о полном слиянии государственной политики Болгарии и ЦК ВМОРО.

«Повелась», как говорится, на провокацию и огромная часть болгарского общества, разгоряченного многомесячной активной агитацией в прессе в пользу войны, митингами и пр. *Эмоциональный фактор* сыграл очень большую роль в развязывании войны³⁰. Но основное было достигнуто: «Никогда народ и правительство, — свидетельствует современник тех событий, — не были так единодушны, так едины, так сплочены для разрешения национальной задачи, относительно которой все имели совершенно определенное представление»³¹.

Так, всеми правдами и неправдами, было достигнуто мобилизационное единение народа. В пропагандистской милитаристской кампании акцент был поставлен психологически верно, ударение сделано на самую болевую для народа точку: на страдания болгар, еще находящихся под османской властью, из-за жестокостей и зверств турок. Для мобилизации народного гнева этот способ являлся более надежным, чем разглагольствования о долге перед родиной, о национальном идеале, о Сан-Стефано, о территориальных проблемах. Простому человеку было легче понять происходящее, сконцентрировавшись на одном и очевидном пункте.

Впрочем, не только для совсем простого народа. Васил Коларов, 35-летний «тесняк», а на войне подпоручик запаса, продвигаясь с отрядом в сторону Македонии, записывал 23 октября 1912 г. в дневнике: «Погромы болгарского населения в Штипе и Кочани были непосредственным поводом к войне. Мы захотели обеспечить безопасность этому населению и объявили войну»³².

По объявленному призыву в армию явилось, по некоторым сведениям, 130 тыс. человек, к ним стали присоединяться добровольцы, а эмигрантское македонское население, насчитывавшее в Болгарии свыше 200 тысяч, стало вооружаться и организовываться в команды³³. Из них было сформировано македоно-одринское ополчение, действовавшее затем в составе Болгарской армии. Им командовал опытный армейский генерал-майор запаса Н. Генов, его помощником явился уже упомянутый Александр Протогеров, входивший в свое время в ВМОК и участвовавший во многих легальных и нелегальных террористических акциях освободительного движения.

* * *

Первая Балканская война отмечена рядом побед болгарского оружия, в ходе ее войны показали немало примеров героизма и самопожертвования, и Болгария вправе гордиться их подвигом. Болгарские войска одержали ряд важных побед, их успехи были настолько убедительными, что вызывали удивление даже у западных наблюдателей. С нескрываемым удовлетворением генерал Радко Димитриев писал: «Болгарский народ дал армии около 12% населения. Такого напряжения Европа не знала до сих пор, разве только в теории. Мы первыми реализовали теорию, создав в полном смысле слова армию — вооруженный народ. В истории новейших войн только буры и черногорцы приближались к такому напряжению»³⁴.

Союз Болгарии с Сербией был воспринят в болгарском обществе с большим воодушевлением. Хотя условия его держались в секрете, сам факт доброжелательных отношений с западным соседом, по-видимому, отвечал внутренним потребностям болгарского населения, в основном, как известно, крестьянского. Это видно из дневниковых записей В. Коларова. Вот, например, его запись от 4 октября 1912 г. во время марша его колонны: «После обеда сербские войска идут непрерывно мимо нас. “Ура!” — “Живео!” звучит со всех сторон. Неописуемый восторг, радость, слезы. Здесь братаются две армии, два народа с готовностью сражаться плечом к плечу и умирать за общую цель, устанавливая связи между собой. Ах, останутся ли эти связи и после предстоящих испытаний!»³⁵ Так крестьяне в солдатских шинелях воспринимали свою балканскую общность, для которой государственные границы лишь помеха.

На первом этапе войны болгарские войска одержали ряд внушительных побед, так что уже в конце октября Турция запросила перемирия. Хотя заключить его в выгодных для Болгарии условиях было бы выигрышно, Фердинанд отверг предложение. Не останавливаясь на деталях, здесь отметим, что, несмотря на ряд новых успехов в ходе боевых действий, дальше для болгар началась лишь растрата завоеванного, потеря темпа, в том числе из-за затянувшихся на несколько месяцев лондонских переговоров о мире. Не помогли даже успехи, достигнутые в чрезвычайно тяжело давшихся боях за овладение Одринской крепостью. Вероятно, не без нажима Фердинанда с его ориентальскими фантазиями, болгарские войска дошли почти до предместий Константинополя, что, конечно, весьма настрожило Россию.

К Лондонскому миру Болгария подошла сильно «ощипанной». Весь период от начала войны до весны 1913 г., на мой взгляд, был проигрыш-

ным для болгарской дипломатии. «Союзники» и их покровители из числа великих держав очень постарались использовать слабости и невысокую в целом квалификацию болгарских специалистов, *как военных, так и дипломатов*. Примером политической неадекватности премьер-министра Болгарии явилось его беззаботное отношение в период подготовки Балканского союза к официально неоформленному нейтралитету Румынии. Когда же Румыния предъявила весьма значительные территориальные притязания к Болгарии в качестве компенсации за свое неучастие в войне (не ударила Болгарию в спину), Гешов пришел в полное расстройство от такой для него неожиданности. В письме к С. Бобчеву, болгарскому представителю в Петербурге, он писал 12 декабря 1912 г.: «Если бы нам сказали перед войной, что потребуют у нас территории, я, по крайней мере, не решился бы, на войну»³⁶. Он считал достаточными некие договоренности, перечисляя их в том же письме: «У нас есть в архиве уверения германского дипломата, государственного секретаря по внешним делам А. фон Кидерлен-Вехтера и российского дипломата С. Свербеева, “что румыны не будут требовать болгарские города” /.../ Прошу *очень серьезно* поговорить по этому поводу с г. Сазоновым, сказав ему, что русские гарантировали нам целостность территории»³⁷.

К сожалению, Гешов не уловил момента, когда после первого успешного для болгар этапа войны положение в стане союзников стало все более запутываться. Преданный русофил он не сразу понял, почему Россия соглашается на «ампутацию», как он это понимал, Болгарии в пользу Румынии, а потом и в пользу Сербии, почему российское императорское правительство постоянно советует болгарам проявить «разумную уступчивость». Русские советы производили тяжелое впечатление на Гешова и министров, констатирует болгарская исследовательница П. Кишкилова³⁸.

«Союзники» также не теряли времени, ведя переговоры о совместном выступлении против Болгарии. И эти приготовления не были тайной для общественности. 9 апреля 1913 г. Христиан Раковский пишет болгарскому общественному деятелю Николе Сакарову (место подачи письма не обозначено): «С огромной мукой вижу, что становлюсь пророком зла /.../ что принесение столь многочисленных жертв закончится истинным бесчестием для болгарского народа. Чем больше приближаемся к развязке, тем яснее становится, что болгар ждет настоящая национальная катастрофа»³⁹.

С тревогой ждут развязки и деятели ВМОРО. Уже упомянутый мемуарист М. Матов приехал примерно в то же время из Битольского округа в Софию, чтобы встретиться с Гешовым и выяснить, что тот думает о сербо-греческих приготовлениях и их планах выступить против Болга-

рии. Судя по рассказу М. Матова, Гешов уклонился от встречи, а председатель Народного собрания С. Данев не мог сказать ничего вразумительного, кроме того, что он уверен в России, и что Россия «все урегулирует». Если все это соответствует действительности, то, очевидно, что гражданская власть в Болгарии в это время испытывала не что иное, как паралич.

И совсем тяжелым испытанием для премьера, который весной 1913 г. фактически уже не контролировал обстановку, стала для него новость о том, что копии болгарских депеш из российского МИДа попадали российскому посланнику в Сербии Н. Гартвигу и сообщались Пашичу⁴⁰. Тем сильнее были личные терзания Гешова. Слишком поздно он осознал, что «Россия делает свою, а не славянскую политику на Балканском полуострове, что она требует более сильной Сербии, чтобы использовать ее как орудие против Австрии»⁴¹.

В недавно вышедшей статье отечественного автора Е. А. Степановой публикуется интересный документ, имеющий непосредственное отношение к поднятому вопросу. Это «весьма доверительное письмо» А. А. Нератова, временно замещавшего С. Д. Сазонова и писавшего от лица последнего, Н. Г. Гартвигу от 23 апреля 1913 г. Документ, сообщает Е. А. Степанова, в свое время не вошел в публикацию «Международные отношения в эпоху империализма». Приведу выдержки из письма Нератова:

«К точке зрения права присоединяется оценка, исходящая из принципа политической целесообразности. И сербами, и греками указывается на подавляющее превосходство, которое получит Болгария при размежевании, отдающем в ее владение территории, значительно превосходящие объем тех, которые выпадают на долю остальных Балканских государств. Сербия, по-видимому, опасается, что болгарское правительство, завершив процесс племенного объединения болгарского народа, охладит к общеславянским интересам и будет склонно завязать близкие отношения с Австрией за счет своих соседей. Опасения эти подтверждаются политикой венского кабинета, несомненно, стремящегося сблизиться с Софией и в той же мере посеять недоброжелательство между нею и Белградом, и одновременно взрастить зародыш взаимного недоверия и подозрения между ними и балканскими государствами /.../ Укрепление и усиление Сербии представляет в наших глазах интерес первостепенного значения. Сознание важности этой цели усугубляется в нас всеми событиями Балканской войны. В ней Сербия воочию доказала свою жизнеспособность и дисциплину — народную и военную. Отныне возможность создания прочного заслона для дальнейшего проникновения Австрии на Балкан-

ский полуостров является самоочевидной. Будущие перспективы в Сербии, которая только начинает процесс своего племенного объединения, в то время как Болгария, быть может, его закончила, рисуются нам не в призрачном, а в реальном виде. Для России представляется несомненным интерес содействовать всемерному достижению Сербией ее национального и государственного идеала»⁴². Далее Нератов пишет о трудностях положения России, которой «политическая целесообразность» предписывает всецело поддержать сербские пожелания, хотя именно Россия стояла у истоков Балканского союза, засвидетельствовавшего договоренности между союзниками.

Из процитированного видно, что и российская дипломатия оперировала не столько реальными, сколько приблизительными представлениями о состоянии болгарского общества, как уже закончившего свое объединение, а сербского — как только приступающего к этому. Или это были только случайные, придуманные аргументы. Но свои геополитические позиции Россия определила точно. И письмо Нератова в целом достаточно красноречиво, чтобы понять, в каком безысходном положении оказывалась в результате Болгария, в то время, когда назревала Межсоюзническая война. Против нее были не только бывшие союзники — Сербия и Греция, не только вскоре присоединившаяся к ним Турция, но, хотя и не воевавшая открыто, — также Россия.

Для понимания позиции России небезынтересно привести отрывок из письма-объяснения Д. Ризова, которое он давал в январе 1914 г. в связи с парламентским расследованием причин национальной катастрофы 1913 г. В документе Ризов проанализировал действия болгарской стороны и нашел в них восемь ошибок. Ошибка под номером три состояла в изменении характера войны и превращении ее из освободительной в завоевательную со стремлением получить границу по линии Мидия—Родосто: эта ошибка породила «вредную легенду, будто мы домогаемся гегемонии на Балканах, легенду, которую сербы и греки очень легко использовали против нас. Мир начал удивляться тому, что мы не хотим сделать Сербии и Греции уступки в Македонии, а сами захватываем всю Фракию и простираем наши границы у ворот Константинополя. Это стремление к «Рогу»* в немалой степени охладило отношение к нам и со стороны русских (курсив мой. — Р. Г.), которые начали уж совсем подозрительно смотреть на наши претензии...»⁴³

* Очевидно, речь идет об известной бухте Золотой Рог у входа в Босфорский пролив.

В том же письме Ризов указывает, что 16 апреля, а затем 18 апреля 1913 г. он сообщал Гешову, что узнал «из авторитетных источников» относительно переговоров между Румынией, Сербией и Грецией «о соглашении против нас»⁴⁴.

Гешов, пытавшийся всеми силами предотвратить войну между союзниками, еще 18 марта 1913 г. писал Бобчеву: «Плохо, если не сумеем посмотреть на наше положение с государственной точки зрения и позволим быть зажатыми обручем *союзных врагов* (курсив мой. — Р. Г.). Поэтому я не перестаю проповедовать здесь умеренность в отношении всех, благоразумие во всем»⁴⁵. Но было уже поздно. Ах, если бы все это, или хотя бы часть случившегося, предусмотреть заранее! 17 мая 1913 г. Иван Евстратиев Гешов подал в отставку.

Была ли неизбежной 2-я Балканская — Межсоюзническая война? В Болгарии у нее имелись и сторонники, и противники. Чаша весов колебалась. Колебалось, по-видимому, даже руководство ВМОРО.

В конце мая 1913 г., говорится в воспоминаниях М. Матова, авторитетный Хр. Татарчев — член Заграничного ЦК ВМОРО — собрал у себя 10—12 македонских руководителей, чтобы обсудить положение и, в частности, вопрос о возможной (а по существу уже назревшей) межсоюзнической войне. «Все согласились, — пишет М. Матов, — что наше положение станет очень деликатным, если говорить, что мы согласны на такую войну»; другой член Заграничного ЦК Христо Матов (брат Милана) заключил, что мы должны заявить правительству, что не желаем вмешиваться в его дела, чтобы «не вгонять в пот» эмиграцию и нас в случае неудачи. Поручили Хр. Татарчеву и Хр. Матову определить, кто выполнит это решение⁴⁶. Но еще до того, как это произошло, Тодор Александров, соглашавшийся со всеми остальными, на следующий день в ходе встречи с министром земледелия и государственного имущества Д. Христовым, к которому он явился с небольшим поручением (не имевшим отношения к поднятой проблеме), на вопрос члена правительства: что думают наши македонские круги, если начнем войну против Сербии и Греции, и не нападут ли на нас румыны и турки, ответил министру: мы думаем, они не могут напасть на нас, *войну нужно начинать*⁴⁷. Узнав о поступке Т. Александра, Татарчев отправился «к некоторым министрам, чтобы разъяснить наши вчерашние соображения во избежание неправильного понимания»; в то же время он сказал, что будет еще зондировать мнения.

Сюжет рассказан М. Матовым в книге, которая называется «О том, что умалчивается в истории ВМОРО». Главка, посвященная сюжету, также имеет свое название — «Наше участие в 16 июня 1913 г.», т. е. в событи-

ях 16/30 июня, когда болгарские войска напали на позиции союзников и началась Межсоюзническая война. О достоверности самого рассказа и, в частности, поведения отдельных лиц, по мемуарам, как всегда, судить трудно. Тем более, что из контекста ясно, — отношения между автором и Т. Александровым недружественные, если не враждебные. Но очевидно одно: связь деятелей ВМОРО с правительственными чиновниками была самой живой и непосредственной, и обмен мнениями между ними по острым политическим и государственным вопросам никак не исключался. Таким вопросом могла быть и назревавшая Межсоюзническая война. Возможно, под этим рассказом скрывается желание автора снять, или, по крайней мере, уменьшить, сократить вину и ответственность ВМОРО за развязывание 2-й Балканской войны, на что, как он пишет, указывал в своих воспоминаниях Фердинанд, как непосредственно испытывавший угрозу со стороны Внутренней организации⁴⁸.

К тому времени единство, меньше года тому назад демонстрировавшееся обществом, распалось. Подняла голову оппозиция, требовавшая раскрытия содержания соглашений между членами Балканского союза, которое держалось в тайне, испортились отношения между представителями коалиционных партий внутри кабинета министров; военное командование стало действовать «на свою голову», усилив разногласия между Дворцом, правительством и главнокомандующим. Царь, забыв о своих посреднических функциях главы государства, пошел ва-банк. «Царь Фердинанд, — пишет Г. Марков, — поступил как “верховный начальник” и поставил правительство перед свершившимся фактом»; он без согласия правительства приказал войскам пойти в атаку на сербские позиции в роковой день 16 июня 1913 г. За подписью главнокомандующего Савова 15 июня в 20.00 в войска была отправлена телеграмма: «Очень быстро. Из главной квартиры /.../ Чтобы наше молчание против сербских атак не отразилось на духе войска, с одной стороны, и не окуражило противника еще более, с другой стороны, приказываю атаковать противника самым энергичным образом по всей линии, но, не открывая полностью наши силы и не вовлекаясь в продолжительный бой»⁴⁹. Г. Марков сообщает, что правительство попыталось остановить боевые действия, не поставив опять-таки царя в известность об этом шаге⁵⁰. Но было уже поздно.

Логика воинственного азарта имеет свои законы. 2-я Балканская война, закончившаяся страшным поражением Болгарии, стала роковой с точки зрения последующей судьбы страны.

Десятки современников событий и специалистов-историков более позднего времени «до дна» проанализировали неутешительные итоги по-

литической и дипломатической подготовки войны, ее организации, хода и поражения. Пожалуй, наиболее выразительными являются горькие слова Г. Маркова: «Непростим проигрыш войны еще до ее начала»⁵¹. И нельзя не признать, что одним из главных факторов фатального итога войн 1912—1913 гг. стал непрофессионализм власти.

Иван Гешов был только одним из представителей политико-государственного класса Болгарии, который как премьер-министр не смог и не мог в силу обстоятельств справиться с чудовищным кризисом 1912—1913 гг. В социокультурном плане болгарская политико-государственная страта далеко еще не созрела, чтобы ставить перед обществом разумные и просчитанные, выполнимые задачи и, главное, чтобы уметь вовремя остановиться. Чтобы понять, что *мечта* народа об объединении, это еще *не реальная необходимость в данный момент*. Что всему свое время. И если говорить о взаимоотношениях между властью и обществом, то в 1912 г. острое возбуждение общественного мнения было использовано властью фактически против *долговременных интересов Болгарии*. Г. Марков признает, что «судьбоносное лето действительно фатального 1913 г. стало *поворотным пунктом* (курсив мой. — Р. Г.) в новой истории болгарского народа»⁵². Это верно. Но, по моему мнению, дело обстояло серьезнее, и скорее следует говорить о точке невозврата в деле реализации национального идеала.

Это обстоятельство не было глубоко осознано болгарскими политиками, дипломатами, военными в 1913 г. Прав, очевидно, И. Илчев, считающий, что боль поражения была чрезвычайно острой и деформировала анализ, что на первый план выступили эмоции — чувства обиды и оскорбленной справедливости, а потому, пишет он, действия политиков иногда исходили из «параллельной реальности», т. е. не из самой действительности, а из представления о ней⁵³. В самом деле, только в шоке от произошедшего погрома можно было спустя два года «полезть на новую Голгофу» — вступить в Первую мировую войну.

Премьер-министр Иван Гешов и первоначальный состав его кабинета демонстрировали сравнительно высокий образовательный уровень исполнительной власти в Болгарии. Но это обстоятельство не стало препоной для катастрофы. Приходится согласиться с болгарской исследовательницей Д. Мишковой, утверждающей, что даже такие центры власти тонули в болоте нерасторопного управленческого аппарата, который составлялся преимущественно из представителей среднего класса — слабо экономически, политически и в образовательном отношении⁵⁴. Однако, по моему мнению, это только одна сторона дела. Вторая сторона заключается в том,

что сама болгарская элита, хотя и имевшая заграничное образование и даже приобретшая некоторый внешний лоск, оставалась ментально связанной все с той же полуархаичной-полумодернизированной балканской социокультурной средой и, как таковая, была только относительно высоким культурно-историческим выражением своего места и времени. И если верно утверждение, что образование — это еще не культура, то тем большим является расстояние между образованием и культурой социально-политической, управленческой. Невысокий уровень последней особенно остро дал о себе знать в кризисное время Балканских войн, когда в наибольшей степени нужны были тонкая дипломатия, продуманная программа действий, сплоченность высшей власти, взаимодействие гражданского и военного руководства и многое другое. Центральная власть в целом не могла обеспечить этих условий. «Военная катастрофа, — считает Д. Луджев, — впервые со всей определенностью продемонстрировала нехватку государственно-управленческого багажа, дефицит его был одним из самых больших в Новой истории Болгарии»⁵⁵.

По большому счету во многом не отвечал задачам момента и премьер Ив. Гешов. Безусловная честность, признанная современниками, помноженная на излишнюю доверчивость и наивность, отсутствие навыков просчитывать возможные варианты политического решения, иметь разработанную альтернативу и т. п. — все это негативно отразилось на событиях 1912—1913 гг., а для самого Гешова вылилось в личную драму. В числе других он оказался в списке виновников тяжелого военного поражения Болгарии, подлежавших суду.

* * *

Примечательны во многом неожиданные для болгарской историографии рассуждения С. Влахова-Мицова в отношении Балканских войн: болгарская армия, пишет он, проявила в двух балканских войнах исключительный героизм, но на короткое время; в этом сыграла свою роль «настроенность всего народа на политику одного удара»⁵⁶. В качестве важного фактора автор указывает на то, что «для нации в целом оказалось невозможным выдерживать длительное напряжение»; окопная война была очень трудной для болгарской армии, но и продолжительные бои приводили к ее быстрому истощению. «Даже идея национального объединения, — отмечает он, — не могла надолго удержать воюющих болгар от деморализации, в отличие, например, от немцев и русских, которые были в состоянии воевать по 5—6 лет непрерывно»⁵⁷.

Далее С. Влахов-Мицов оперирует такими цифрами (точность приводимых данных и их объективность оставим на совести автора): в 1913 г. Болгария капитулировала, потеряв, по его подсчетам, из 720 тыс. мобилизованных 66 тыс. убитыми и около 60 тыс. ранеными, т. е. потери составили меньше 20%. Тогда как Австро-Венгрия и Германия сдались в конце Первой мировой войны после того, как 90% и почти 65% их армий (соответственно) вышли из строя, а Россия и Франция одержали свои победы, принеся в жертву по 76,3% и 73,3% состава, а Румыния — 71,4%. «Эти цифры, — считает С. Влахов-Мицов, — являются объективным сравнительным показателем готовности той или иной нации осуществить свои национальные интересы»⁵⁸. Он отмечает также, что деморализация коснулась и болгарских верхов; большая часть болгарской армии вообще, по его мнению, не участвовала в Межсоюзнической войне, а при вступлении румынских войск на территорию Болгарии правительство распорядилось не оказывать им никакого сопротивления; была отвергнута и идея объявить народную войну против агрессоров. «Так что вина за первую национальную катастрофу, — заключает автор, — является коллективной»⁵⁹.

Последнее утверждение Влахова-Мицова представляется неточным: в круг виноватых он включает, по-видимому, и весь народ и, в частности, его служивых — тех же крестьян, как не проявивших в должной мере «духа нации». Но для формирования такого духа нужно время, а того, что было отпущено историей населению страны, очевидно, оказалось недостаточно. Да, скорее всего он и не мог быстро сформироваться в по-прежнему преимущественно крестьянской стране с общим невысоким уровнем культуры и грамотности; к тому же массовидная глыба сельского населения вообще не любит и не хочет воевать и не слишком жаждет разделения себя на этнические или национальные группы, тем более, когда это навязывают сверху. «Болгары всегда жили в сравнительно гомогенной и нивелированной этносоциальной и культурной среде», — признает болгарский ученый М. Лалков⁶⁰.

Действия политиков, базировавшиеся, главным образом, на такой иррациональной основе, как чувства обиды и обманутой справедливости, т. е. исходили как бы из «параллельной реальности», из собственного представления о действительности, и о том, что справедливо, а что — нет, немало способствовали тому, что в 1918 г. последовал новый катастрофический военный провал Болгарии — на этот раз в мировой войне. Преследуя, казалось бы, только узкоспециальные (отдайте нам наше!), собственные цели, болгарские стратеги не умели понять всей опасности вступления малой «державицы» в многостороннюю европейскую войну,

капацитета для которой, в первую очередь социокультурного, они не накопили. В известной мере искусственно взращенные патриотизм и энтузиазм в рядах армии и частично населения Болгарии могли быть лишь «оркестровым» сопровождением, но не боевым оружием на поле брани начала XX века — века, уже ставшего на путь агрессивного империализма и явившего миру совершенно новую войну и по масштабу действий, и по технологическому оснащению воюющих; а, кроме того, — по морально-боевым качествам как высшего военно-политического руководства стран-участниц, так и рядового состава военнослужащих. Не Болгарии с ее далеко еще не изжитой архаикой в политико-экономической и особенно социальной области было с ними тягаться.

Дальнейшее известно: в 1918 г. Фердинанд вынужден был отречься от престола и вернуться в родной Кобург. Болгария на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. была признана агрессором и получила очень тяжелые условия мирного договора. Для ее населения начался период весьма сложной адаптации к новым условиям государственно-политической и общественной жизни, который целесообразно рассмотреть отдельно.

В результате взбалмошная болгарская политическая «элита», обаявшись идеей «Великой Болгарии», не рассчитала сил и потерпела поражение масштаба «национальной катастрофы». При этом не успокоилась, а передала будущему поколению политиков «битую карту» Сан-Стефанской Болгарии: ревизия, а затем и реванш стали главным содержанием не только международных отношений, но и всей внутренней жизни Болгарии межвоенного периода. Модернизационные возможности страны из-за военных поражений, территориальных потерь, необходимости платить высокие репарации оказались серьезно подорванными.

Можно долго рассуждать о том, могла ли Болгария избежать войны... Как мы видели, об этом размышляли люди начала XX в. — современники событий. Противники войны, особенно «земледельцы», говорили о том огромном уроне, который неизбежно нанесет война хозяйству страны, и о необходимости заботиться в первую очередь о развитии экономики, о сбережении человека труда. Болгарская историография из-за общественной и политической живучести мифа о Сан-Стефано, как бы требовавшей соблюдать корректность при изучении такого объекта, как Балканские войны, подобный вопрос долгое время не поднимала. Р. Даскалов, например, считает, что *начало переосмысления* социоистории Балканских войн относится примерно к концу 1960-х годов публикацией статьи А. Велева «Политические партии в Болгарии и Балканские войны»⁶¹.

Ныне можно назвать еще нескольких болгарских авторов, критически анализирующих ситуацию 1912—1913 гг. Тот же Р. Даскалов ставит вопрос: возможно ли было сначала заняться развитием и обогащением страны, «и только потом направить усилия на объединение?»⁶² Сам Даскалов уходит от ответа, но упоминает мнение коллеги С. Грынчарова, который пишет: это было бы действительно мудрое решение, но с задней датой и без учета тогдашних реалий. П. Анчев развивает мысль дальше, хотя и в несколько ином направлении. Он считает, что применительно к концу XIX — началу XX в., когда на международной арене шла подготовка к «приданию новых очертаний на карте Европы», Болгарии предстояло сделать решительный выбор. «Какой? Болгария, — размышляет П. Анчев, — уже должна была осознать свои не территориальные и националистические интересы, а экономические и рыночные выгоды. Ей нужен был покровитель, который инвестировал бы капиталы в промышленность, открыл свои рынки и гарантировал стабильность болгарской валюты. Болгарии нужно было приобщиться к европейскому капиталу /.../ В начале XX века Болгария как страна с бурно развивавшейся экономикой начала испытывать потребность в “жизненном пространстве”». И далее: «Национальное объединение стало синонимом жизненного пространства»⁶³. То есть, по Анчеву получается, что война все-таки была нужна, но, главным образом, из экономических соображений, а не ради освобождения братьев в Македонии и Одринской Фракии, призывы к чему являлись, по его мнению, «прикрытием империализирующихся претензий болгарской буржуазии на расширение рынков и приобретение сырьевой базы, в частности, для легкой промышленности, и выхода в Эгейское море».

А ведь подобной (экономической, в первую очередь) была мотивация и сербских властей в преддверии Балканской войны! И выбор обе страны сделали соответствующий. Хотя с высоты XXI в. для Болгарии кажется лучшим было бы не ввязываться в международные конфликты. Во всяком случае, неудачными войнами модернизационный процесс в стране оказался прерванным, благоприятная для его дальнейшего развития конъюнктура начала XX в. упущенной. Следующий благоприятный момент пришел только через 35 лет — во второй половине 1930-х годов. Но темп уже был сорван. Да и промежуток с середины 1930-х гг. до начала новой мировой войны был совсем мал. Так что Болгарии для полного прохождения цикла буржуазной модернизации просто не хватило исторического времени, и часть его — в погоне за национальным идеалом — была использована малопродуктивно.

Примечания

¹ *Перович Л.* Сербия в модернизационных процессах XIX—XX веков // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.) СПб., С. 35—36.

² Балканската война през погледа на един французин. Сборник от документи / Съст. Ст. Славова и Цв. Дойнова. София, 1977. С. 26.

³ Там же. С. 27.

⁴ *Гешов Ив.* Балканският съюз. Спомени и документи. 2-ро изд. София, 1915. С. 9.

⁵ *Стателова Е.* Иван Евстратиев Гешов или трънливият път на създанието. София, 1994. С. 19.

⁶ *Исаева О. Н.* Образ царя Фердинанда в донесениях российских дипломатов // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 53.

⁷ *Гешов Ив.* Указ. соч. С. 9.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ *Топенчаров В.* Българската журналистика. 1903—1917. София, 1981. С. 176.

¹⁰ Балканската война... С. 42.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Там же. С. 42.

¹³ *Гешов И.* Указ. соч. С. 11.

¹⁴ *Кьорчев Д.* Указ. соч. С. 142.

¹⁵ Балканската война... С. 47.

¹⁶ *Топенчаров В.* Указ. соч. С. 553 и др.

¹⁷ *Янчев В.* Офицери без пагони. Съюзът на запасните офицери в България. 1907—1945. София, 2000. С. 18.

¹⁸ Цит. по: *Гешков Т. И.* Земледелският съюз против войната. Как сдружените земледелци се бориха против престъпните безумия на партиите. София, 1921. С. 8—9.

¹⁹ *Янчев В.* Офицери без пагони... С. 18.

²⁰ Балканската война... С. 67.

²¹ *Димитров А.* Указ. соч. С. 54. Эти слова автора относятся к событиям 1903 г., но так как тогдашние обстоятельства были во многом повторены в 1912 г., считаю полезным при всей условности такого приема, напомнить о них, говоря о кануне Первой Балканской войны.

²² *Гешов И.* Указ. соч. С. 13.

²³ *Илчев И.* България и Антанта през първата световна война. София, 1990. С. 7.

²⁴ Балканските войни по страниците на българския печат. 1912—1913 / Съст. *П. Кишкилова.* София, 1999. С. 6.

²⁵ *Кьорчев Д.* Указ. соч. С. 102.

²⁶ Там же. С. 103.

²⁷ Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 366-б. Оп. 2. А. е. 647. Л. 19—20.

²⁸ В этом, казалось бы, незначительном нюансе отразился зафиксированный отечественным историком Б. М. Туполевым факт: Сазонов явно преувеличивал возможности России контролировать действия балканских союзников и предотвратить те из них, которые противоречили бы российским интересам. См.: *Туполев Б. М.* Балканский узел // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 65.

- ²⁹ Държавен вестник. София. 1912. 5 окт. № 225.
- ³⁰ Ср.: *Илчев И.* България и Антанта през първата световна война. С. 6–7.
- ³¹ *Кьорчев Д.* Указ. соч. С. 143.
- ³² *Коларов В.* Победи и поражения. Дневник. София, 2001. С. 103.
- ³³ *Мадол Х. Р.* Указ. соч. С. 87. Эти данные о численности и составе явившихся по призыву — не единственные, существуют и другие.
- ³⁴ *Димитриев Р.* Трета армия в Балканската война 1912 г. София, 1922. С. 34.
- ³⁵ *Коларов В.* Указ. соч. С. 34.
- ³⁶ *Гешов Ив. Евст.* Лична кореспонденция / Съст. Р. Попов, В. Танкова. София, 1994. С. 245.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Кишкилова П.* България 1913. Кризата във властта. София, 1998. С. 12.
- ³⁹ ЦДА. Ф. 366-б. Оп. 1. А. е. 309. Л. 1.
- ⁴⁰ *Гешов Ив. Евст.* Лична кореспонденция. С. 261. Письмо Гешова Бобчеву от 18 апреля 1913 г.
- ⁴¹ Там же. С. 256. Письмо И. Гешова М. Маджарову (болгарский посланник в Лондоне) от 7 апреля 1913 г.
- ⁴² *Степанова Е. А.* Ни мира, ни войны: МИД России и сербо-болгарский спор (1913) // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2007. Т. IV. С. 165–166.
- ⁴³ ЦДА. Ф. 366-б. Оп. 1. А. е. 911. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2–3.
- ⁴⁵ *Гешов Ив. Евст.* Лична кореспонденция. С. 251.
- ⁴⁶ *Матов М.* Указ. соч. С. 243.
- ⁴⁷ Там же. С. 244.
- ⁴⁸ Там же. С. 245.
- ⁴⁹ ЦДА. Ф. 366-б. Оп. 2. А. е. 657. Л. 2. Копия.
- ⁵⁰ *Марков Г.* Поуки от Балканските войни... С. 27.
- ⁵¹ Там же. С. 24.
- ⁵² Там же. С. 25.
- ⁵³ *Илчев И.* България и Антанта... С. 6–7.
- ⁵⁴ *Мишкова Д.* Българският опит в политическата вестернизация... С. 31.
- ⁵⁵ *Луджев Д.* Двойната модернизация на България. XIX–XX в. // Историята — професия и съдба. Сборник в чест на 60-годишнината на член-кореспондент д. ист. науки Георги Марков. София, 2008. С. 109.
- ⁵⁶ *Влахов-Мицов Ст.* Указ. соч. С. 106.
- ⁵⁷ Там же. С. 107.
- ⁵⁸ Там же. С. 106.
- ⁵⁹ Там же. С. 105.
- ⁶⁰ *Лалков М.* Историята като признание и «искра божия» // Модерният историк... С. 11.
- ⁶¹ Etudes historiques. Sofia, 1968. Т. 4.
- ⁶² *Даскалов Р.* Указ. соч. Т. I. С. 184.
- ⁶³ *Анчев П.* Разумът в българската история. Опит за теория на България. София, 2005. С. 227, 234, 235.

IV. Феномен Болгарской православной церкви (1870—1940 годы)

Религия, являющаяся частью жизни общества и временами даже определяющая его тонус, как и деятельность церкви в области социокультурных связей, входят в систему неотъемлемых факторов модернизационных преобразований. Роли обоих факторов в этом процессе уделяли большое внимание ученые разных специальностей, занимавшиеся и занимающиеся изучением сути модернизации, ее истоков и протекания в различных странах, характерных черт и особенностей.

Если говорить о христианской религии, то нельзя не видеть, что протестантизм, католичество и православие — три ее главные конфессии — проявили себя совсем не однозначно уже на раннем модернизационном этапе. Широко известна трактовка Реформации М. Вебером как разрушившей контроль церкви над социальной жизнью и обозначившей переход истории от Средневековья к Новому времени. *Протестантизм* способствовал формированию новых мотиваций трудовой деятельности человека, прославлению духа капитализма, буржуазной этики и культуры. Э. Хобсбаум указывал на несовместимость традиционного религиозного мировоззрения и идеологии национализма, свойственной Новому времени.

Католическая церковь и в еще большей степени православная не только не торопились следовать за социальными новшествами, но, наоборот, воспринимали модернизационные реформы, которые проводились светскими властями, оппозиционно и даже враждебно. Священнослужители связывали их, прежде всего, с разрушением многовековых традиций, наступлением на влияние церкви в обществе, с пугающим изменением ментальности народа. Эта позиция с течением времени оказалась способной к развитию: церковь, не желавшая быть пассивным инструментом, старалась, как все общественные структуры, адаптироваться к меняющемуся миру. Насколько такое было возможно в каждом конкретном случае, ибо христианский эмос — это эмос любви, а не страсти к золоту, и по своей сути он антибуржуазен. Недаром М. Вебер отмечал, что католическое окружение в целом не благоприятствовало развитию буржуазной культуры.

Как бы то ни было, в конце XIX в. папа Лев XIII провозгласил программу примирения католической церкви с современной цивилизацией. Призвав священнослужителей уходить из ризниц в народ, он определил одно из главных направлений их деятельности — в *социальной области*. Поскольку именно в социальной помощи нуждалось население модернизовавшихся европейских стран, особенно его нижние слои. Другой их функцией было опекать души своей паствы, помогать ей в трудные, разрушительные для многих времена, когда человек в существенно изменившихся внешних условиях пытается найти себя, обрести свое новое внутреннее Я. При этом Рим не упускал цели укрепить собственные государственно-политические позиции, в том числе путем создания христианско-демократических партий и соответствующих социальных организаций, наставляя их лидеров на участие в избирательной и политической борьбе и т. п.

Православная церковь наиболее цепко держалась традиционных принципов. Большинство западных ученых проводит между Западом и Востоком цивилизационную границу, исходя при этом из представления, что центральной, определяющей характеристикой цивилизации является религия¹, почему в восточноевропейском регионе нельзя, дескать, питать больших надежд на возможность интенсивного общественного развития. Некоторые из них пишут об особой «православной цивилизации», подчеркивая, что Реформация, Просвещение и другие значительные явления, имевшие место на Западе, коснулись православной цивилизации лишь своим крылом².

Но, полагаю, что православную церковь вряд ли правильно совсем игнорировать при обсуждении проблем модернизации. Ибо, как бы там ни было, она продолжала по-своему осуществлять свои функции в тех православных странах, в том числе балканских, которые постепенно со второй половины XIX в. также начали втягиваться в процессы реформ и социальных трансформаций. А значит, православие оказывало то или иное воздействие на модернизирующееся население этих государств, на его традиционные связи и новые социальные отношения, действовало, возможно, косвенно, не прямо. Но как? Каким образом? В каком направлении? В этом состоит один из вопросов.

С. Хантингтон, например, считая полезным помогать населению, переживающему в модернизационные времена «ощущение отчужденности и распада», когда разрываются традиционные связи и социальные отношения, уверенно заявляет: «Решение проблем дает религия»³. Вернее, на мой взгляд, было бы сказать: «может дать решение», и в таком качестве подобную формулу естественно применить и к православной церкви.

В теоретических изысканиях последнего времени появилась даже концепция *религии как фактора стабильности общества*⁴, хотя, конечно, деятельность церкви может быть и дисфункциональной, разрушительной с точки зрения задач модернизации. Во всяком случае, поле деятельности для православной церкви в модернизирующемся обществе достаточно широкое. Но, естественно, в каждом конкретном случае картину получаем специфическую.

В том числе имея в виду Болгарскую православную церковь (БПЦ).

Болгарская историография конца XX — начала XXI в. обогатилась изрядным количеством работ, посвященных БПЦ. Они содержат немало нового конкретного материала, размышлений и констатаций их авторов — историков, этнологов, социологов, философов и других специалистов. Болгарские коллеги нередко связывают свои исследования исторического прошлого с проблемами сегодняшнего дня, в частности с проявлениями морально-этического и психологического кризиса 1990-х годов, когда актуальными стали вопросы осмысления более чем тысячелетнего пути, пройденного болгарским народом, с пережитыми им многочисленными «ударами судьбы», вариантами самоидентификации, вплоть до появления в литературе печального образа болгарина как «человека на перекрестке» (по-русски: человека на семи ветрах). Хотя издавна считалось, что перекрестье — удачное сочетание условий для жизни человека и общества. Появилось также множество научных и публицистических работ о типических чертах болгарина, сильных и слабых сторонах его характера, психологических особенностях.

Знакомство с этими трудами помогает лучше понять картины прошлого, условия и атмосферу, в которых осуществляла свою деятельность БПЦ в последней трети XIX — первой половине XX в. В настоящей главе мы старались использовать доступную болгарскую литературу в максимальной степени.

* * *

Известны заслуги «древних» болгар в распространении христианства и христианской культуры в раннефеодальном обществе. Известна и роль болгарской церкви в сохранении болгарского языка и этничности в 200-летний период византийского, а вслед за тем и почти 500-летнего османского владычества. Но тогда была потеряна государственность, что, как констатируют ученые, сопровождалось разрывом болгарского исторического континуитета⁵. На протяжении примерно 200—300 лет (XV—XVIII вв.)

понятия «болгарин», «болгары» выпали, исчезли из местного лексикона, в том числе из уст служителей церкви в болгарских землях, которые, защищаясь от наступления ислама, выступали в то время с *общехристианских позиций*⁶, т. е., очевидно, не делая упора на том, что разделяло, например, православие и католичество. Лишь мощная проповедь о. Паисия — болгаре, проснитесь! — с выходом его «Истории славяноболгарской» в 1762 г. как будто пробудила народ от летаргии. Наступало Новое время, начинался переход мировой истории в то новое русло, которое организовывалось идеей прогресса и свободы. Эти импульсы стали ощущать на себе и балканские народы.

В развитии процесса модернизации современные исследователи отмечают *иницирующую роль светского просвещения*. Именно оно, считает английский философ К. Доусон, революционизировало европейскую мысль и изменило сам дух западной культуры⁷. Интеллектуальная революция способствовала довольно быстрой секуляризации культуры, сопровождавшейся развитием духовного кризиса. Его проявлением считали возникший *вакуум религиозности*. Несомненно, западное влияние в свою очередь стало катализатором секуляризации восточных культур, имевшей своим результатом *ослабление восточных религий*⁸.

Что в деятельности Паисия было самое важное с точки зрения интересующей нас темы? Это — проповедь развития болгарского просвещения, которое затем, уже может быть независимо от Паисия, быстро стало развиваться и как *светское*. Сколь бы узким ни был слой болгарской интеллигенции в 20—50-е годы XIX в., ее деятельность в свою очередь способствовала спаду религиозности и стремлению, по крайней мере, части населения, к собственной идентификации. Современный болгарский православный автор К.-А. Бойкикева, соблюдая строгость церковного подхода, пишет: через светское образование на болгарские земли стал вливаться яд вольнодумства, материализма, равнения на Европу; происходило «духовное раздвоение народной психологии, стремление “отторгнуть духовную православную сущность”»⁹.

Говоря о 1856—1878 гг., П. Петков замечает, что даже у представителей болгарской интеллектуальной элиты «отсутствовало ясное воспоминание о последнем болгарском государстве»¹⁰.

Если развивать эту тему дальше, то обнаруживается, что *новые духовные, «ядовитые» веяния* на болгарских землях, которые тогда находились в составе Османской империи, реализовывались через борьбу за церковь, т. е., с определенной точки зрения, — за ретро-институт, столп Средневековья. Казалось бы, — исторический парадокс! Но дело в том, что речь

шла о возрождении собственной, *национальной* церкви, ибо до тех пор она целиком находилась в руках инородцев-греков. Школьное обучение также традиционно было в их руках. И самое важное — Вселенская патриархия в Константинополе, которой подчинялась болгарская церковь, проявляла недвусмысленное стремление стать объединителем всех балканских христиан *под знаком эллинизма*. Кроме того, вековое сотрудничество с султанской властью Вселенской патриархии порождало желание последней ничего не менять в этом отношении и сохранять «подчиненное положение православных христиан османской власти»¹¹.

Когда же в 1830 г. Греция *первой на Балканах* приобрела статус независимого государства и на правах этого первого (успешного!) поторопилась заявить о своих *мегаломанских претензиях*, болгары оценили *опасность эллинизации* как нешуточную. «Мы хотим прежде всего сохранить нашу народную индивидуальность, — говорилось в передовой статье газеты «Македония» от 16 декабря 1867 г., — т. е. совокупность существенных отличительных черт нашей народной индивидуальности... И, в первую очередь, сохранить свой язык, потому что именно он — корень нашей народности: пока мы имеем язык, сохраняем нашу народность, потеряем язык — потеряем и нашу народность»¹².

1830 год многие болгарские исследователи связывают с годом начала борьбы за болгарскую церковь. Она приняла, по-видимому, действительно довольно широкий размах, хотя импульс к ее развертыванию исходил от немногочисленной интеллигенции и экономически «продвинутых» деятелей. И что характерно: первопричиной явились не столько идеологические и патриотические мотивы, сколько *экономические* — выступления против церковной налоговой системы и злоупотреблений греческого духовенства, против его поведения в отношении болгарской паствы (конфликты с представителями Константинопольской патриархии во Враце, Самокове, Скопье и других местах происходили уже в 1820—1830-е годы). Эти обстоятельства отмечает в своем скрупулезном исследовании Л. Любенова¹³.

Наступление Нового времени давало о себе знать не только экономически, но и *политически*. Как пишет болгарский ученый П. Петков, для «материалистов» было характерно не просто отрицательное отношение к Константинопольской (греческой) патриархии, но в определенной степени уже и *антирелигиозные и антицерковные настроения* вообще. Это проявилось в начавшейся широкой публицистической кампании, центральным тезисом которой явился постулат с фактически двойным содер-

жанием: мы воюем за церковь, говорили его авторы, главное предназначение которой — *национально-политическое, объединительное*, а ее *духовные функции* считаем *анахронизмом*¹⁴. Как тут не вспомнить мудрого английского ученого-психолога Э. Фромма, так оценившего радикальное изменение гуманистических этических принципов на Западе в XVIII в.: «экономическое поведение отделилось от этики и человеческих ценностей»¹⁵. В нашем случае речь шла о том, что при подневольном положении болгарского населения внутри Османской империи и отсутствии, кроме церкви, каких-либо других болгарских представительных (перед турецкими властями) структур с рядом административных функций, именно ее хотели использовать в роли *традиционно объединяющей силы* (как это сложилось в Средневековье), на которую, считалось, единственно можно было попытаться опереться и в новых, меняющихся условиях.

В такой постановке вопроса просматривается довольно прагматичный расчет интеллигентствующей публики: использовать церковь, прежде всего, в политических целях, т. е. для объединения народа вообще, так сказать на перспективу, для создания основы политического общества. А дальнейшая судьба самой церкви как организации, традиционно несущей функции духовного окормления православного народа, молодых политиков интересовала мало.

Неудивительно, что 1830—1870 гг. наполнились язвительной печатной пропагандой против греческого духовенства, в ней участвовали Г. С. Раковский, Др. Цанков, П. Славейков и другие молодые писатели и публицисты. Для большего возбуждения народа (но может быть, скорее, из-за недостатка собственной культуры, несмотря на уже приобретенный имидж писателя или литератора), они не стеснялись грубых слов, уничтожающих неприличных выражений¹⁶. Между тем сами издательские центры находились за границами собственно болгарского расселения (Бухарест, Одесса и др.), где в то время группировались «люди дела» — революционно настроенные эмигранты, испуленно поддерживавшие идею народного восстания против турок, но не умевшие, несмотря на все попытки, претворить ее в жизнь. Если говорить строго, их «революционаризм» в свою очередь «поедал» религиозную веру: известны факты, что собираемые в отряды четники целовали не Евангелие, а кинжал и пищаль; или о том, что популярный поп Грую, находясь в полном вооружении, чтение «Верую» на знаменитом собрании в Обориште начал словами: «Верую во единого четника балканского...»¹⁷

Поддержка поднятой кампании выражалась в отказе народа в ряде

мест участвовать в богослужениях на греческом языке, что служило важным подспорьем для обоснования многократных письменных обращений к Вселенской патриархии и к султану с требованием независимой болгарской церкви. Лишь в 1870 г. последовал султанский ферман об учреждении Болгарской православной церкви со статусом Экзархии. Однако из-под ее руководства изымались города и села с греческим или эллинизированным населением, хотя бы оно и составляло меньшинство¹⁸.

А в 1872 г. из-за отказа Вселенской патриархии признать БПЦ как обвиняемой в еретизме и отступлении от веры она перешла на положение схизматической, т. е. отдельной, непризнанной, и находящейся в определенном смысле в изоляции от других православных церквей*. Схизма была отменена только в 1945 г.

Итак, *первая особенность — возрождение болгарской национальной церкви по времени совпало с общим духовным кризисом в Европе* и спадом религиозности там. Но в известной мере и среди болгарского населения, что изначально делало почву под ногами БПЦ очень нетвердой. Столкновение явлений возрождения и кризиса, т. е. восходящего и нисходящего движений, как правило, разрушает саму систему. Что, возможно, и стало одной из причин ряда неблагоприятных для болгарской православной церкви последствий.

Некоторые из них проявились уже вскоре после того, как Болгарская православная церковь получила независимость. Если частью общественных деятелей перед нею ставилась объединительная задача и еще в 1875 г. Хр. Ботев вновь напоминал в газете «Знаме»: «/Болгарская/ экзархия нужна лишь для того, чтобы собрать разрозненные части народа и соединить их в единое целое»¹⁹, то, едва став независимой, БПЦ оказалась разделенной — в Софии был составлен Св. Синод как руководящий орган церкви, но одновременно в Константинополе располагался (вплоть до 1913 г.) болгарский Экзархат во главе с Экзархом, который именно себя считал главой БПЦ. Так возник первый конфликт — *внутрицерковный*, знаменовавший слабость церкви как не имевшей, прежде всего, единства в руководстве. Допуская такое раздвоение и тем самым нарушая собственный Устав²⁰, БПЦ теряла часть своей устойчивости.

* В болгарской историографии существуют разнящиеся друг от друга объяснения причин схизмы; судить, какая из них верна, не представляется возможным. Но обращают на себя внимание слова академика Д. Косева о том, что болгарский народ отнесся к объявлению схизмы — «этому враждебному акту Патриархии *стойко*но (курсив мой. — Р. Г.)» (Косев Д. Указ. соч. С. 176).

Болгарская экзархия в Константинополе являлась официальным османским институтом, хотя финансово содержалась Княжеством. При этом османская власть разрешала Экзархии создавать широкую духовную и просветительскую сеть в Македонии и Фракии. Неудивительно, что конституировавшаяся в 1870 г. Экзархия в период после Освобождения 1878 г. «вступила с самочувствием объединительницы болгарского народа»²¹; хотя забот у нее прибавилось в связи с территориальным переделом, проведенным, согласно решениям Берлинского конгресса, когда Экзархия понесла реальные потери части земель и населения: так, болгарской пастве, находившейся в ведомстве Русенского и Варненского митрополита, пришлось перейти к румынскому владыке, а в Пиротской и Вранской епархий — к сербскому²². Но если целью Экзархии было «прибрать к себе всех болгар» в вилайетах Европейской Турции, развивая у них болгарское сознание, то интересы БПЦ в Княжестве, как пишет болгарский автор Х. Темелски²³, были более узкими.

Дело в том, что помимо внутрицерковного, в едва определившемся в 1879 г. Княжестве возник *конфликт по линии церковь — государство*. К моменту создания первых государственных структур в Княжестве Болгария именно церковь была единственным более или менее сформированным общенародным органом. К тому же православное священство обладало некоторым административным опытом: будучи под турецкой властью оно по традиции выполняло не только духовные, но частично и некоторые административные функции, касавшиеся общинных дел и семейных отношений.

И в Новое время оно продолжало расширять их. Например, Пловдивское епархиальное церковное настоятельство в 1860-е годы увеличило свои полномочия и функции, наполнив новым содержанием традиционную форму церковного настоятельства и превратившись, таким образом, «в областное полифункциональное учреждение». В этом качестве, указывает болгарская исследовательница О. Маждракова-Чавдарова, настоятельство выполняло обязанности не только церковной епархиальной власти, но и финансового и административного органа, поддерживавшего связи, как с османскими структурами, так и с болгарским представительством в имперской столице (в свое время оно было выделено болгарским населением и направлено в Константинополь)²⁴.

Казалось бы, исходя из такого управленческого опыта и наличия определенных навыков, представители БПЦ вправе были ожидать «законного места» во властных структурах нового государства. Но не тут-то было. Хотя поначалу и, наверное, под влиянием деятелей Русского гражданско-

го управления, именно епископ (затем митрополит) Климент возглавил два правительственных кабинета (правда, оба весьма краткосрочных), но восторжествовать в таком качестве священнослужителям не позволили. Уже в Учредительном собрании 1879 г. проявились трения между представителями БПЦ (среди «нотаблей»-учредителей Собрания их было около десятка) и светскими деятелями, настроенными антиклерикально²⁵.

Так родилась *оппозиция: правительство — Синод*, а фактически, пишет К.-А. Бойкикева, борьба за преобладание между церковной и светской властью. Это *второй существенный момент*, отметим мы, *характеризующий положение БПЦ в Княжестве Болгария*. Сложившееся положение было закреплено законодательно. В принятой в том же 1879 г. Конституции православие провозглашалось ведущей конфессией в Княжестве, однако сама БПЦ признавалась автономной. Таким образом, отношения между церковью и государством должны были выстраиваться в рамках дуалистического разделения властей²⁶ (фактически по Хантингтону — на западный манер).

В 1880 и 1881 гг. в Софии созывались архиерейские соборы, на которых обсуждался главный вопрос — как управлять церковью. Усилия направлялись на выработку Экзархийского устава, основой которого стал бы Устав 1871 г. (первоначальный). Но пока суть да дело, деятель Либеральной партии Драган Цанков начал действовать через голову Св. Синода и без ведома Экзарха: в июле 1880 г. он опубликовал «Временные правила духовного управления христиан, мусульман и евреев». «Это явилось первой попыткой, — пишет Л. Любенова, — изъять у церкви дела, связанные с просвещением, брачно-семейными отношениями и ее автономным правом вести свои финансы»²⁷. Так было положено начало контроля государства над церковью, считает она. И когда в 70-е годы XIX в. болгарское духовенство попыталось «наложить руку» на школу, оно встретило сильное сопротивление со стороны народного учительства, стремившегося сохранить свою свободу и независимость²⁸.

За этим в 1883 г. последовало принятие Народным собранием официального Экзархийского устава, в который вошли положения, выработанные Д. Цанковым. Новый Устав 1895 г. в основном подтвердил складывавшуюся систему, в том числе принцип *несоборного* управления церковью (еще один факт, требующий, по нашему мнению, внимания!).

Священству приходилось только жаловаться, что его не допускают до «воспитания» молодежи, преподавания в школах. Как пишет К.-А. Бойкикева, в 1906 г. профсоюз учителей добился от министра народного просвещения И. Шишманова, чтобы уроки вероучения проводили учителя,

а не священники²⁹. Установившиеся правила позволяли вести в отношении священнослужителей по-настоящему репрессивную политику.

Особенно усилились репрессии против церкви при правительстве Ст. Стамболова³⁰. Оно бесцеремонно вмешивалось в дела Стара-Загорской епархии, в 1891 г. объявило ее временно закрытой. В 1888 г. с использованием полиции правительство Стамболова разогнало Св. Синод, переместило его в провинцию, так что он надолго потерял возможность собираться. Годом раньше сторонники премьера, настроенные русофобски, ворвались в софийскую митрополию с требованием к митрополиту «убраться из столицы» и угрозами — если в течение трех дней он не сделает этого, с ним поступят «самым жестоким образом»³¹. В 1880 г. было закрыто духовное училище в Самокове, в 1886 — семинария около Лесковца.

О характере взаимоотношений Стамболова с церковными иерархами лучше всего свидетельствуют его собственные признания, отраженные в личной переписке. Так, в одном из документов (без даты) Стамболов требовал от пловдивского окружного управителя — лица административного — обеспечить победу на выборах митрополита Натанаила и не позволить выиграть их второму кандидату — митрополиту Кириллу. В отношении митрополита Симеона, избегавшего случаев видеть князя Фердинанда и тем как бы выражавшего «презрение к господарю», Стамболов требовал предупредить священнослужителя, что его поведение может иметь для него плохие последствия. Не стеснялся Стамболов и непосредственно угрожать «Его Блаженству», требуя от него выполнения неких договоренностей; если этого не будет сделано, говорилось в очередной телеграмме (без даты), то «Синоду не будет позволено приехать в Софию, и мы примем все меры перед Народным собранием для обеспечения интересов отечества от посягательств высшего духовенства»³² (курсив мой. — Р. Г.).

Речь шла об отчаянном сопротивлении Экзарха Йосифа I стремлению Стамболова добиться изменения статьи 38-й Тырновской конституции, что позволило бы князю Фердинанду жениться на католичке. В борьбе с Экзархом Стамболов использовал свои связи с турецкими чиновниками, натравливал их на зависимого от них по положению Экзарха. В личном дневнике Йосиф I записал: «Он угрожал мне, что примет меры против газеты “Новини”, если она будет продолжать писать по этому вопросу, а меня заключит в монастырь... Мне, Экзарху, не позволено высказать свое мнение по вопросу, подвергающему веру народа серьезной опасности. Кто, впрочем, может в Болгарии высказать свое мнение или голосовать против правительства»³³.

Возможно, конфликт администрации со священнослужителями, его жесткость при Стамболове были связаны с прорусской ориентацией значительной части болгарских иерархов. Она проявлялась в поминовении в ходе церковных служб русского царя-освободителя и отказе почитать главу болгарского государства — князя Фердинанда — как инославного, в сопротивлении прославлению католических святых, проведению панихид по католикам и протестантам, чего добивались князь Фердинанд и Стамболов³⁴. И это не случайно: среди болгарского духовного клира было немало русских воспитанников.

В довольно острой форме противоречия между светской властью и экзархом проявились накануне Балканской войны 1912 г.: Йосиф I выступал за мирную эволюционную политику, лояльную султанской Турции, позволявшей Экзархии вести болгарскую пропаганду в македонских землях. Что стало противоречить настроениям правительственных кругов, подогреваемым руководством Внутренней македоно-одринской революционной организации³⁵. Деятельность ВМОРО и Верховного македонского комитета способствовали изменению доминирующего направления внешней политики Болгарии. В тревоге по этому поводу Экзарх сетовал в 1900 г. в докладе Св. Синоду, что «революционные апостолы» стремятся насиловать время и «естественный ход событий»; по его мнению, правительство должно было прекратить поддержку революционного движения³⁶.

Обобщая, болгарский автор П. Петков называет отношение государства к церкви «обидно пренебрежительным»; он подчеркивает, что такое отношение не могло не влиять негативно на духовно-нравственную атмосферу в стране³⁷. К этому следует добавить, что в программах политических партий мы не найдем ни идей, ни простого интереса к проблемам православной церкви, словно никто из политиков не был заинтересован в урегулировании ее отношений с государством.

Пренебрежительное отношение государственной власти к церковным делам сказалось и в том, что после смерти Экзарха Йосифа I в 1915 г., несмотря на неоднократные обращения Св. Синода к царствующей династии провести выборы нового Экзарха, до конца существования буржуазной Болгарии этого так и не было сделано.

Подобным образом — *складывание в обществе неуважения к институту церкви*, в том числе среди простого населения, — по-видимому, действовал на предыдущем этапе сам характер борьбы за национальную церковь. Негатив, обращенный, главным образом, к иерархам Вселенской церкви в Константинополе, одновременно насыщал и внутриболгарскую атмосферу, что отразилось, по мнению некоторых болгарских авторов, на

психологии нескольких поколений. И. Еленков, например, пишет, что жесточенность выступлений против греческого духовенства *сломала благоговейное отношение и к духовенству, и к вере* и в результате длительной кампании болгары получили привычку не уважать греческих владык. А когда пришли «свои» — болгарские владыки, не стали уважать и их. По мнению этого автора, отрицание все больше приобретало общий характер, захватывая и духовенство — служители церкви в свою очередь охладели к вере.

Этот момент представляется кардинально важным. К нему приложима, с определенными оговорками, известная констатация: гидра революции пожирает своих детей. Применительно к собственно Болгарской Православной Церкви, можно сказать, что, получивши долгожданную самостоятельность, церковь на пути к ней растеряла и свои внутренние силы, и, в известной степени, массовую опору для дальнейшего интенсивного развития.

«Греческое воспитание», распространявшееся не только на паству, но и на болгарское духовенство, имело и другое последствие. Современные болгарские авторы прямо пишут: воспитанные греческим духовенством болгарские пастыри впитали его качества, стали повторять его образ жизни, сребролюбие, интриганство. Эти свойства, видимо, присущие грекам, но не соответствовавшие менее изощренной натуре болгар, становились в ряде случаев препятствием для единения болгарских священников с народом, они (болгарские пастыри), замечает И. Еленков, «не умели обращаться с населением», защищать его перед властями, стать его вождями, заслужить авторитет³⁸.

Профессиональные качества болгарского православного священства и не могли быть высокими. Экзарх Йосиф I зафиксировал в дневнике: «Высшие иерархи слабы, без строгой дисциплины, без самоотверженности», на их «единомыслие и искренность невозможно рассчитывать»; а «низшее духовенство является слишком невежественным, непрофессиональным, невлиятельным и недисциплинированным, чтобы иметь больше влияния на народ, чем интеллигенция»³⁹. Религия у нас, отмечалось в софийском журнале «АБВ», не имела традиций дискуссий и диспутов даже в рамках богословской схоластики⁴⁰.

Известный болгарский историк Николай Генчев, изучая социально-психологический облик болгарского духовенства, не мог пройти мимо такого обстоятельства — прослойка духовенства в составе населения Болгарии была существенно меньше, чем в католических странах. Это происходило, по его мнению, во-первых, из традиции, а, во-вторых, из по-

ложения церкви после 1878 г. В средние века, делится он, у нас не было прославленных каноников, писателей и теологов, не связанных с клиром, отсутствовали судебные магистраты, известные учителя, знатоки античной древности, нотариусы, врачи, адвокаты, люди интеллектуального труда, не занятые непосредственно в государственной или церковной иерархии⁴¹.

Духовенство в целом консервативно, отмечает еще одну его черту болгарский автор Д. Василева, службы происходили на староболгарском языке, и это лишало их эффекта; священники редко выступали как проповедники, что расчищало почву для деятельности католических и протестантских миссий⁴².

В сложный «перестроечный» период своего существования, строительства после Освобождения нового государства православные болгары вступили без признанного духовного лидера. У них не существовало ни общebolгарского религиозного центра, ни «общebolгарской святости»⁴³. Святые Кирилл и Мефодий, а также Иоанн Рильский, хотя и имели давнюю традицию, однако лишь как общеславянскую, и лишь со временем приобрели качества «небесных покровителей» именно болгар. В этом отношении Русская церковь с преподобным Сергием Радонежским или Сербская церковь со своим святителем Саввой⁴⁴, ассоциировавшимися в той или иной степени с объединительной тенденцией, находились в более благоприятном положении.

Неудивительно, что паства в основном соблюдала лишь обряды. По отзыву одного из современников, «верующие не понимают литургии. Они появляются не надолго во время службы, поклоняются, зажгут купленную у дверей свечу и уходят»⁴⁵. В ряде мест вообще не было священников с духовным образованием. Некоторые села в течение 30 лет обходились без священнослужителей⁴⁶.

На перо просто просится зарисовка из народной жизни и, главное, простодушное наставничество сельского священника из рассказа известного болгарского писателя Николая Хайтова, хорошо знавшего сельский быт Родоп. Желая помочь свояку, попавшему в трудную ситуацию из-за пустячного дела, пишет он, местный поп советовал: сходи к такому-то и к такому-то из администрации; да не с пустыми руками, они — тузы-то наши не любят, когда к ним с пустыми руками приходят. И даже одолжил денег на мзду, сказав: «Своих у меня нету, дам тебе из церковных... Помни, что ты должен Иисусу Христу и святым и обязан их деньги поскорее вернуть!» Когда дело уладилось, священник продолжал наставлять в прежнем духе, дескать, теперь надо всех отблагодарить. Что совсем выбило свояка

из равновесия: «Дураки вы набитые! Тому подарить, этому подарить, чтобы те, которые у нас в селе заправляют, связи имели и себе кошельки ворованными деньгами набивали!.. Поп испугался: Свояк, говорит, на мне сан священнический, я в такие дела впутываться не могу! Мне архиерей уже и так замечание сделал, чтобы я не вмешивался, занимался своими молитвами, а потому ты уж не обессудь, если завтра мы с тобой на улице встретимся, и я не поздороваюсь. Ряса должна быть нейтральной»⁴⁷.

В свете сказанного представляется полезным упомянуть о несколько неожиданном и, к сожалению, оставшемся нераскрытым, неаргументированным замечании Д. Василевой о том, что светская интеллигенция в первое десятилетие после Освобождения обсуждала вопрос о создании православного проповеднического института, о стремлении укрепить авторитет духовенства, в частности, путем приглашения церковников на различные праздники с богослужением и т. д. Речь шла также о попытках христианизации народной культуры в противовес праздникам языческого характера. Но эта «светско-духовная гармония», по мнению Д. Василевой, была недолгой; ее разрушило сближение БПЦ с государственными структурами, прямое или косвенное вмешательство в политическую борьбу⁴⁸.

Как бы то ни было, определенные меры для изменения положения принимались: в 1901 г. был построен комплекс зданий Софийской духовной семинарии, в 1923 г. в Софийском университете открылся богословский факультет. Отношения БПЦ с государством то улучшались, то вновь портились. Так, при правительстве А. Стамболийского БПЦ подверглась новым, специфическим гонениям — часть монастырских земель подлежала отчуждению по закону об аграрной реформе, чтобы затем включить ее в государственный фонд, создававшийся для наделения крестьян землей. Поэтому нет ничего странного, что государственный переворот 1923 г. священством был встречен с облегчением и надеждой. 23 июня 1923 г. газета «Църковен вестник» писала: «Неужели в высокий исторический момент, переживаемый страной, правительство, пришедшее к власти во имя объединения народных сил, не захочет видеть церковь около себя?»⁴⁹ Жалоба была услышана: новый премьер и одновременно министр просвещения А. Цанков, несмотря на возражения ряда депутатов парламента, распорядился включить представителя Св. Синода в Высший учебный совет, а священников — в школьные настоятельства на местах. Аргументом было: «Во всяком случае, священник все-таки имеет образование и может стоять часто гораздо больше, чем все члены сельского школьного настоятельства»⁵⁰. Теперь церковь почувствовала возможность поучаствовать в распространении религиозного мировоззрения среди молодежи. В част-

ности, был введен специальный день для христианизации молодого поколения — для посещения учащимися храмов, религиозных собраний и бесед, для получения религиозной литературы. Но еще и в 1928 г. БПЦ пришлось обращаться к властям со специальным посланием, в котором содержался призыв к широкому доступу христианской религии в школу⁵¹.

Попытку поднять авторитет церкви, когда после неудачных войн и национальных катастроф 1913 и 1918 гг. и связанным с ними крушением всех внешнеполитических надежд население погрузилось в пучину мрака и разочарования, предпринял митрополит Стефан. Своим вниманием к страждущим он хотел объединить их вокруг церкви, а ее самую сделать важным элементом политического механизма. Митрополит Стефан был высокообразованным, интеллигентным человеком, прекрасным оратором. Современники называли его Златоустом. В 1904 г. он окончил Духовную академию в Киеве, в 1915—1919 гг. продолжил образование в Швейцарии, где специально изучал протестантское и католическое богословие, отведя по два года на знакомство с каждым.

Избранный в 1922 г. софийским митрополитом Стефан стал заметной общественной личностью. Интересен наказ при вступлении Стефана на митрополичий пост от верующих Софийской епархии. В наказе под названием «От Вас Софийская епархия ожидает» на первом месте стояло: мы ждем, что Вы поднимете *духовно-нравственный и умственный уровень* духовенства, потому что по опыту известно, сколь многого следует желать в этом отношении. В Наказе низкий уровень духовенства объяснялся тем, что оно не имело возможности работать над собой, «как следует», ибо находилось в плохих условиях, нередко испытывало пренебрежение, забвение, унижения и оскорбления⁵².

Слушать проповеди митрополита Стефана стекались большие массы народа. В 1927 г. по его инициативе был создан Общеболгарский союз «Отец Паисий». Эта преимущественно интеллигентская организация призывала к объединению всех общественных сил, к их солидарности, а в скрытой форме — и к мирной ревизии Нейиского мирного договора 1919 г. В ноябре 1929 г. в 10-ю годовщину подписания договора о мире Союзу «Отец Паисий» вместе с союзами офицеров и унтер-офицеров запаса удалось организовать массовое движение по всей стране с требованиями сокращения или отмены репарационных платежей. Больших последствий акция не имела.

Скорее всего, Стефан явился православному миру Болгарии слишком поздно. Принципиально изменить положение в церкви, а также в построениях священнослужителей и их паствы вряд ли в то время было возможно.

Изолированное из-за схизмы положение БПЦ среди других православных церквей, вероятно, явилось толчком для активного вовлечения митрополита в экуменическое движение. Впрочем, биограф Стефана открыто писал об этом: после схизмы болгарская Экзархия оказалась в положении изоляции по отношению ко всем остальным православным церквям; «поистине международная атмосфера была невыносима для нас», приводит он слова Стефана⁵³; вот почему, продолжает биограф, Стефан еще в качестве архимандрита и епископа стал поддерживать зародившееся на Западе сближение всех христианских церквей, что нравилось далеко не всем болгарским церковникам⁵⁴. Еще в 1911 г. комиссия Святейшего Синода констатировала, что БПЦ «живет жизнью одинокой, изолированной от других православных церквей... и как следствие многие болгары принимают церковь нашу не как Божественное учреждение с чисто духовными задачами, а как светское, национальное или политическое учреждение»⁵⁵. Если эти слова были произнесены людьми действительно верующими, то, очевидно, — это очень тяжелое признание. И не только само по себе, но и как признание недееспособности (или, по крайней мере, низкой дееспособности) БПЦ.

Современный болгарский православный публицист Г. Тодоров в свою очередь утверждает, что время схизмы (1872—1945 гг., т. е. на протяжении всего периода существования БПЦ в буржуазной Болгарии) явилось застойным для православной церкви. Ибо задерживалось богословское развитие болгарского духовенства, снижался престиж церкви, которая при конфликтах с властью не могла рассчитывать на поддержку со стороны других православных церквей⁵⁶. Но, на наш взгляд, правильно было бы считать застой тем же кризисом, только растянутым на десятилетия, тягучим, нерешаемым. Что же касается экуменического движения, то, как указывают некоторые современные ортодоксы, для православных, согласно церковной догматике, это явление противоестественное.

О состоянии БПЦ в конце 1930-х годов весьма выразительно говорится в письме от января 1939 г., составленном кметами и церковными настоятелями общин Бургасского округа. Оно адресовано председателю Св. Синода, премьер-министру Болгарии и ряду других министров, председателю Народного собрания, копии отправлены в редакции десятка газет. Главная мысль послания — разрастающийся в стране духовно-религиозный кризис: «Народная церковь отступила от своей прошлой общественно-религиозной деятельности. Она стала мертвой без живой творческой воспитательной религиозной деятельности, занимаясь только требо-

ми. Ей не хватает творческих деятелей. Мы являемся свидетелями, как специально подобранные проповедники и миссионеры иноверных церквей снуют в народе, проводят религиозные беседы, открывают клубы, детские сады и школы и расходуют огромные суммы на “освоение” народа, и таким образом раскалывают народное единство. А наша церковь пребывает в полном бездействии. Известно, что наше побережье, особенно город Бургас, населено смешением разных народов, вер и сект, а для отпора иноверной напасти у нас нет достойных подготовленных духовников...»⁵⁷

Таков получался итог 70-летнего существования Болгарской православной церкви. Сколь ни медленно и непланово происходили в Болгарии процессы модернизации, они все-таки происходили. Но БПЦ оказывалась в стороне от них. Как показывают болгарские авторы, их православная церковь являлась не столько духовным, сколько политическим учреждением. Приведу наиболее емкую в этом отношении характеристику фактического статуса БПЦ, принадлежащую Л. Любеновой: «Из-за политики государства — поставить церковь под свой контроль, БПЦ постепенно теряла свой авторитет и престиж в обществе, ее служители превращались в государственных чиновников, все более зависевших от политики дня. Общая незаинтересованность в финансовом укреплении церкви, частные действия в пользу личного благоудетельствования, политические интересы и т. п., все это постепенно вело к бесконтрольности, нарушениям закона и даже краже имущества. Что, конечно, отражалось на моральном престиже церкви — углублялась пропасть между клиром и народом, а также между низшим и высшим духовенством. В период после Освобождения церковь как институт оказалась не в состоянии сама конституироваться и превратилась в придаток государства, что делало ее легко уязвимой и неспособной связать свою деятельность с духовными и общественными потребностями православных христиан»⁵⁸.

Но если православная церковь в Болгарии не могла в полной мере «присутствовать в обществе силой своего духовного и морального авторитета»⁵⁹, то и своего политического качества (вернее сказать — квазиполитического) не использовала в должной мере, не пыталась помочь модернизируемому государству обеспечить внутреннюю стабильность. Чем оправдывала жесткие слова одного из болгарских авторов: «Исторический путь БПЦ — ее пассивность»⁶⁰. Впрочем, в период до «национальных катастроф» никто из политической элиты, которая сама была раздроблена и бесконечно «роилась», такой задачи перед церковью не ставил.

* * *

Религиозное сознание православных в болгарских землях Османской империи, а позже в Княжестве (с 1908 г. Царстве) Болгария постоянно подвергалось натиску приверженцев других конфессий. В одних случаях — *извне*, в других — еще и *изнутри*.

Католические и протестантские миссионеры вели тут деятельную работу с XVIII в. Протестантство не получило в болгарских землях большого распространения, хотя в некоторых местах к нему проявлялся интерес. В первую очередь, как считает болгарский автор В. Радева, — в среде зарождающейся буржуазии⁶¹. В Банско, например, протестантская пропаганда увлекала ремесленников, удивлявшихся, сколь выгодны рациональность и системность в работе: миссионеры подсчитали им, сколько денег и времени они сэкономят, если будут работать в дни многочисленных православных праздников. Хорошо воспринимало население и наставления на скромную и трезвую жизнь⁶². Протестантские школы были открыты в Пловдиве и Стара-Загоре. Но, в общем, протестантство не прижилось здесь. Очевидно, слишком контрастной была проповедуемая миссионерами трудовая этика по сравнению с общим замедленным темпом жизни и деятельности у балканских европейцев, к тому же столетиями впитывавшими в себя тягучий воздух Ориента. Всего по переписи 1934 г. протестантов в Болгарии насчитывалось около 5 тысяч из немногим более чем пятимиллионного состава населения.

Более активную деятельность развернули католические миссии.

В болгарской историографии признается, что для католиков Болгария была как бы автохтонной почвой. Сторонники этой точки зрения имеют в виду, что именно «родное» богомилство дало отмашку развитию ереси павликиан в Европе (в начале XVII в. павликиане окатоличились). В процессе последовавшего затем католического наступления на восток для нас особый интерес представляют уловки православных, к которым они прибегали, укрываясь от пропагандистских атак католических миссий, приезжавших *извне*: в пылу борьбы за собственную церковь и против засилья греков болгарские священники на местах не раз по собственной инициативе «заклучали унии» и даже переходили в католичество⁶³.

Слова оправдания для них находил российский консул в Битоле. В ноябре 1863 г. он сообщал в Петербург: «Крестьяне, не видящие со стороны своих епископов — их единственных законных защитников — ни малейшего сочувствия, перегруженные налогами, неуверенные в безопасности своего имущества и даже жизни, подвергаемые всевозможным

оскорблениям и преследованиям, нигде не получающие ни защиты, ни справедливого суда, поневоле бросились в сети католической пропаганды как в единственное открывающееся перед ними убежище от лежащего на них так долго ига»⁶⁴.

Любопытен случай, произошедший с тогда уже известным политиком Драганом Цанковым. В конце 1850-х годов он открыто стал выступать сторонником унии с Римско-католической церковью, ища у нее защиты на условиях сохранения православного обряда. В декабре 1860 г. большая делегация болгар (100—150 человек) во главе с Др. Цанковым прибыла в Константинополь, где все присутствовавшие болгары подписали протокол об унии с Римско-католической церковью⁶⁵. По приезде Др. Цанкова в Стара-Загора униатская пропаганда здесь получила возможность быстро расширяться, особенно среди зажиточных горожан, части интеллигенции и молодежи, «желавших получить образование на Западе»⁶⁶. Стара-Загора стала одним из центров униатской пропаганды. Известные успехи униатского движения имело также в Пловдиве, Видине, Тырново, Свищове, Шумене и др.

Униатская организация работала на болгарских землях с перебоями. Ватикан считал, что французское и итальянское духовенство мало подходит для униатской пропаганды среди славян, хотя и был создан Католический славянский комитет. На помощь Риму пришли поляки⁶⁷. После Берлинского конгресса 1878 г. католическая церковь стала особенно активно работать в Македонии и Фракии — провинциях, оставшихся под османской властью. В 1879 г. во Фракии насчитывалось 15 болгарско-униатских сел, в Македонии — 36. В 1886 г. в Солуни была открыта болгарская униатская гимназия, где ежегодно обучалось 50—75 учеников (существовала до 1914 г.). Другим центром болгарских униатов становится Одрин, где располагалась католическая миссия.

Напор католичества *изнутри* имел характер не всегда прикрытого государственного давления. Князь Фердинанд, католик по вероисповеданию, обосновавшийся благодаря усилиям С. Стамболова на болгарском престоле в 1887 г., не слишком утруждал себя соблюдением православных обычаев. Он позволил себе, например, в нарушение постановления Св. Синода отправиться на несколько дней с компанией-свитой в Калоян-женский женский монастырь, где, помимо веселья и музыки, для гостей во дворе был сооружен католический алтарь и отслужена месса.

Но по-настоящему опасным явилось стремление дуумвирата Фердинанд-Стамболов, действовавшего в течение нескольких лет, основать в Болгарии легитимную княжескую династию. Стамболов из-за неуре-

гулированности болгаро-российских отношений считал такой шаг, отвечающим болгарским государственным интересам. Его не смущало, казалось, несовместимое — католическая династия в православной стране! Прилагая титанические усилия, Стамболов добился от парламента изменения статьи 38 Конституции, благодаря чему открывалась возможность для женитьбы князя на католичке. Так в 1893 г. была создана юридическая основа для утверждения в Болгарии католической династии, считает П. Петков⁶⁸.

С гневом записывал в своем дневнике «консерватор» К. Стоилов: «Князь и наследник другой веры никогда не срастутся с народом, навсегда останутся иностранцами. Как будут выглядеть в глазах народа крещение и другие таинства, совершаемые чужим духовенством? Какую роль будет играть наше духовенство в таких торжествах?.. Мы боремся против иностранной религиозной пропаганды в Македонии, а принимаем ее в нашем дворце»⁶⁹.

Сопrotивлялся изменению статьи 38 Конституции, как уже говорилось выше, болгарский экзарх Йосиф I. И особенно активно — митрополит Климент, прочитавший яростную проповедь, за что в грубой форме был арестован и отправлен в заточение.

Вышедший из схватки с «консерваторами» победителем Стамболов в поздравительной телеграмме князю Фердинанду по поводу его помолвки с принцессой Марией Луизой писал: «Весть об этом очень обрадует преданный Вам народ, который в закреплении Вашей династии видит обеспечение своего будущего и счастья»⁷⁰. Тот же мотив — в телеграмме принцессе по случаю ее вступления в брак с князем Фердинандом, подчеркивавшийся ссылкой на якобы особую реакцию женской части населения. «Особенно обрадованы были этим великим событием, — утверждал Стамболов, — болгарские женщины, потому что в лице Вашего Царского Высочества они видят не только свою мать и покровительницу, но и основательницу первой болгарской династии»⁷¹.

Хотя женитьба князя на католичке состоялась, а после рождения престолонаследника Фердинанд успел торжественно оповестить папу римского об учреждении в Болгарии католической династии, с последней мечтой ему пришлось проститься: в 1896 г. дипломатическим путем были восстановлены российско-болгарские отношения, но условием этого успеха стал переход престолонаследника Бориса в православие. Кроме того, сам Фердинанд был отлучен папой от церкви. (Правда, Фердинанд заверял в узком кругу, что, несмотря на внешнеполитическое принуждение «перекрестить» малолетнего престолонаследника в православие, в семье он будет воспитываться по католическому обычаю.)

Конечно, подобные религиозно-политические кульбиты вряд ли могли содействовать укреплению православной церкви и религиозного мировоззрения народа. Митрополит Константин из Врацы возмущался: в нашем дворце три вероисповедания — католичество, протестантство, православие, и это разрушает наше духовное единство⁷².

Еще более опасный момент в ходе наступлении «внутреннего» католицизма на православие имел место после поражения Болгарии в Межсоюзнической войне 1913 г. Национальная катастрофа среди прочих тяжелых последствий вызвала новый кризис в отношениях между БПЦ и государством, что было связано с последовавшим за военным поражением изменением внешнеполитического курса страны и началом ориентации на Германию — под давлением царя Фердинанда и главы правительства В. Радославова. Если Фердинанд понимал крах прежней политики как свалившееся на страну несчастье и выход из положения выражал словами: «нет другого спасения для Болгарии, кроме возвращения в Рим»⁷³, то в противовес ему БПЦ — традиционно пророссийская — заявила, что спасение возможно только в православии и славянстве. Возникший конфликт Св. Синод назвал «еще не объявленной, но незаконной войной»⁷⁴. Показывая свою власть и силу, правительство прекратило денежные выплаты БПЦ за второе полугодие 1913 г, внесло в Народное собрание предложение об изменении Экзархийского устава. И принятый курс на сближение с Германией менять не собиралось.

Одновременно в стране значительно усилилась католическая пропаганда. Более того, по слухам, якобы велись конкретные переговоры относительно принятия унии с Римской церковью. Причем в болгарских правительственных кругах подобный поворот рассматривался как возможный и даже желательный. По сообщению российского вице-консула в Софии Джакелли от 7 августа 1913 г., «мысль о необходимости унии усиленно проводилась министром иностранных дел Болгарии Геннадиевым и успела захватить широкие слои в государстве: “простонародья, чиновников и даже духовенства”»⁷⁵.

Вопрос, по-видимому, действительно обсуждался в государственных структурах. Во всяком случае, специалист по истории католичества в Болгарии С. Елдыров считает возможным говорить даже о большем: в сжатый срок трех войн и двух национальных катастроф, пишет он, болгарские католики-успенцы (с центром в Пловдиве) пережили большие надежды на возможность реализации проекта *Великой «католической» Болгарии*⁷⁶.

Лишь после смерти Экзарха Йосифа I в июне 1915 г. «война» государства и церкви временно прекратилась. Новый наместник-председатель

Св. Синода Парфений целиком согласился с прогерманским курсом правительства Болгарии и принял его сторону. Прекратилось и выражение каких-либо симпатий к России.

Следует отметить, что роли католичества и униатства в общественной жизни страны, в болгарской историографии последних лет уделяется, на мой взгляд, чрезмерное внимание. Хотя и признается, что удельный вес приверженцев этого вероисповедания был невелик. Например, в 1881 г., когда проводилась перепись населения, католиков насчитывалось всего 5,5 тысяч, что составляло 0,28% от всего населения⁷⁷. В 1934 г. их стало больше — 41 тысяча, что при возросшем до 5,3 млн человек всего народонаселения составило 0,77%⁷⁸. При этом общественное значение этого меньшинства некоторыми исследователями оценивается, как представляется, слишком высоко. Так, например, С. Елдыров пишет, что путь для эмансипации православной церкви от Константинопольской патриархии и создания Болгарской экзархии расчистило именно униатское движение эпохи Возрождения⁷⁹. И, думается, совершенно права Л. Любенова, научно обоснованно возвышающая голос протеста против ряда преувеличений и диспропорций⁸⁰.

Так же высоко оценивает С. Елдыров распространение униатства в македонских землях, которое, по его мнению, явилось «средством национального спасения болгар в Македонии». Из дальнейшего следует, что этот автор считал бы положительным для Болгарского государства принятие униатства «в качестве возможного выбора всей нации, проходящее через несколько этапов». В этом смысле и идея 1913 г. о принятии унии, когда соответствующий вопрос был поставлен перед Экзархом Йосифом I в Константинополе, описывается им в том же благоприятном духе и настроении⁸¹.

Но православная церковь подходила к оценке деятельности униатов и католиков, видимо, с другими мерками, примеры чего приводит сам Елдыров. Он, в частности, заявляет, что униатство, которое БПЦ считала «религиозным диссидентством», являлось ее главным врагом; но основным противником все-таки было католичество и его служители⁸².

В межвоенный период при содействии западных представительств в Болгарии было открыто множество иностранных школ и церквей. В 1930-е годы в католической пропаганде участвуют польские миссионеры. Католики открывают семинарии, приезжают униатские священники, учителя, устраиваются пансионы — речь идет, говорит автор, о подготовке кадров.

Характерный при этом момент: известный болгарский католический епископ Е. Босилков (1900—1952) отмечал падение религиозности среди болгар-католиков, как и повсюду в Европе. В одной из духовных бесед, правда, не датированной, он говорил: «В отношении состояния религиозности в наших кругах в настоящий момент мы не должны впасть в заблуждение... Кто хорошо знает условия, мог бы ужаснуться пред бездною, открывающейся перед ним. Значительный процент воспитанных в католицизме в полной мере повернулись спиной к религии. Другая часть внешне остается равнодушной, хотя внутренне глубоко расстроена и сопротивляется. Наверное, еще большее число совершенно индифферентных составляют те, кто колеблется и неуверен в своей вере и, в конечном счете, примиряется одним: “может быть да, а может и нет”. Поэтому религиозная активность ограничивается лишь самым необходимым»⁸³.

Униатство в свою очередь не способствовало повышению культурного уровня его болгарских приверженцев. И. Еленков указывает на глубокое невежество униатов, отсутствие элементарной грамотности, суеверие и, главное, на мой взгляд, — *неясность религиозных убеждений*⁸⁴, *а отсюда и неустойчивость веры*. Не один И. Еленков отмечает, что граница между православными и униатами не была четко очерчена, ибо не существовало формальностей при переходе в католичество, не проводилось и специальной подготовки для желающих приобщиться к новому вероучению. Отсюда, заключает автор, религиозная жизнь присоединившихся к Риму болгар была неотличима от православной. В частности, православные из-за высоких тарифов не стеснялись венчаться в униатских храмах в Пловдиве, или в православных храмах в одном из центров униатства — Одрине⁸⁵. Впрочем, на нечеткость границы между конфессиями (своеобразная конфессиональная размытость) указывал в свое время еще русский философ В. С. Соловьев, имея в виду «белорусских и червонорусских мужиков», которые считали себя христианами римско-католического вероисповедания. «Собственно в религиозном отношении, — писал В. С. Соловьев, — существенной разницы между ними и православными нет, и те, и другие верят и поклоняются одному и Тому же»⁸⁶.

Лишь в 1905 г. Св. Синод БПЦ решил перенять опыт русской церкви в деле формализации перехода иноверцев в православие; стало действовать правило: если в прежней церкви переходящий не проходил миропомазания, то теперь ему предстояло его пройти, а кроме того, он должен был отречься от «неправильных учений церкви», в которой родился⁸⁷.

Интересны наблюдения относительно мотивов некоторых переходов из одной веры в другую: муж и жена 54 и 43 лет села Мыглиж, пишет Р. Ваташки, обратились к Стара-Загорскому митрополиту, говоря, что их смущает, что в селе только они являются католиками: «Мы всегда чувствовали недостаток общения с восточно-православными, потому что, хотя и по-человечески относимся к ним, все же ощущается некая пустота, которая нас разделяет и делает наши отношения не до конца откровенными. После долгого раздумья, не являющегося плодом увлечения, решили, что нужно перейти в религию наших дедов — в восточное православие»⁸⁸.

Веротерпимость, легкость перехода из одной конфессии в другую, отсутствие благоговейного отношения к собственному убогому в основном священству — все эти черты свидетельствовали о значительном размывании религиозного сознания болгар, о приверженности болгарской паствы, главным образом, к традиционной обрядовой стороне православия. Что и составило, пожалуй, одну из характерных черт ментальности болгарского народа.

Примечания

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. М., 2003. С. 59; см. также: Доусон К. Г. Боги революции. Пер. с англ. СПб., 2002.

² Хантингтон С. Указ. соч. С. 51.

³ Там же. С. 108.

⁴ Из истории цивилизации и современной религии / Отв. ред. Ш. М. Мунчев. М., 1997. С. 20.

⁵ Дунов З. Българинът между разума и вярата // Философският образ на кръстопътният човек в съвременната българска култура — рационалност, духовност, религиозност. Сборник научни трудове. София, 1996. С. 180.

⁶ Макарова И. Ф., Жила Л. И. Конфессии и формирование болгарской нации // Роль религии в формировании наций. М., 1999. С. 203—204.

⁷ Доусон К. Г. Указ. соч. С. 67.

⁸ Кажурин К. Я. Конец великой ереси: Французская революция и кризис западноевропейской культуры в оценке Кристофера Доусона // Доусон К. Г. Указ. соч. СПб., 2002. С. 26.

⁹ Бойкикева К.-А. Болгарская православная церковь. Исторический очерк. София, 2005. С. 151.

¹⁰ Петков П. Съдбата на българския възрожденски идеал (бележки върху развитието на идеите за държавно устройство и политическо управление и реализация им през XIX и XX век) // Двадесетият век. Опит за равностетка. София, 2003. С. 130.

¹¹ Либератос А. Вселенската патриаршия, национализмът и българският църковен въпрос. 1856—1872 гт. // Религия и църква в България. Социални и културни

измерения в православие и неговата специфика в българските земи. Научна конференция. 27—29.XI.1997. София, 1999. С. 131. Автор подчерква, че далеко не все исследователи поддържват неговата точка зрения относително взаимоотношения Патриархии и Османов.

¹² Цит. по: История на България. София, 1987. Т. 6. С. 151. См. напечатенна тук фотокопия на полоса от вестник «Македония».

¹³ Любенова Л. Икономически основи на църковния живот. 1878—1920 г. // Религия и църква в България... С. 178.

¹⁴ Петков П. Православна църква и държавна власт в Княжество България. 1878—1896 // Bulgarian Historical Review. Sofia. 2000. № 3—4. С. 73.

¹⁵ Фромм Э. Иметь или быть? Пер. с англ. М., 1990. С. 15.

¹⁶ Еленков И. Католическата църква в България и обществото и идентичности на принадлежниците към нея преди XIX и първата половина на XX в. // Балкански идентичности в българската култура от модерната епоха (XIX—XX вв.). София, 2002. Ч. II. С. 105.

¹⁷ Тодоров Г. 1876: Априлската самоизмама или бесовете български // Тодоров Г. България, православие, история. София, 2003. С. 51.

¹⁸ Косев Д. Борба за самостоятелна национална църква // История на България. София, 1987. Т. 6. С. 174.

¹⁹ Петков П. Православна църква... С. 73.

²⁰ Там же. С. 60.

²¹ Любенова Л. Указ. соч. С. 178.

²² Калканджиева Д. Българската православна църква и новият закон за вероизповеданията // Религия и политика на Балканите. Силистра, 2004. С. 150.

²³ Темелски Х. Българската екзархия — защитник на българина в Македония и Одринска Фракия // Религия и църква в България... С. 225.

²⁴ Маждракова-Чавдарова О. Българското епархийско настоятелство в Пловдив и националната легална борба (1861—1870) // Религия и църква в България... С. 161.

²⁵ Бойкичева К.-А. Указ. соч. С. 157.

²⁶ Ср.: Хантингтон С. Указ. соч. С. 98.

²⁷ Любенова Л. Указ. соч. С. 180.

²⁸ Генчев Н. Очерци социално-психологически типове в българската история. София, 1987. С. 140.

²⁹ Бойкичева К.-А. Указ. соч. С. 172.

³⁰ Ваташки Р. Старозагорската епархия в защита на православие (20 и 30-те години на XX век). Шумен, 2003. С. 38.

³¹ Попов Ж. Бурният живот на Димитър Петков. София, 1998. С. 62.

³² Личният архив на Стефан Стамболов. Писма, телеграми, записки и дневници. София, 1994. Т. 1. С. 103, 118, 122, 123, 125.

³³ Български екзарх Йосиф I. Дневник. София, 1992. С. 230.

³⁴ Бойкичева К.-А. Указ. соч. С. 159.

³⁵ Темелски Х. Указ. соч. С. 227.

³⁶ Михов М. Църквата в националната доктрина на българите в края на XIX и началото на XX век // Двадесетият век... С. 142—143.

- ³⁷ Петков П. Православная церковь... С. 75.
- ³⁸ Еленков И. Указ. соч. С. 106.
- ³⁹ Български екзарх Йосиф I. Указ. соч. С. 324.
- ⁴⁰ АБВ. София. 1998. 31 май. № 22.
- ⁴¹ Генчев Н. Указ. соч.
- ⁴² Василева Д. Светската и духовната интелигенция в България от Освобождението до Балканските войни // Бог и цар в българската история. Пловдив, 1996. С. 284.
- ⁴³ Мельников Г. П. Небесные заступники // Родина. М., 2006. № 4. С. 51—52.
- ⁴⁴ Св. Николай Сербский. Сербский народ как раб Божий. М., 2004. С. 29.
- ⁴⁵ Еленков И. Указ. соч. С. 112.
- ⁴⁶ Ваташки Р. Указ. соч. С. 66.
- ⁴⁷ Хайтов Н. Голая совесть / Пер. М. Тарасовой // Хайтов Н. Колючая роза. Рассказы. Эссе. Публицистика. М., 1983. С. 90, 93.
- ⁴⁸ Василева Д. Указ. соч. С. 286.
- ⁴⁹ Цит. по: Стойчев Т. Из борбата на прогресивното учителство против религията // Народна просвета. София. 1974. № 6. С. 110.
- ⁵⁰ Цит. по: Григоров Б. По пътя на реформа. Социал-демократията и борбите на трудещите се в България. София, 1981. С. 23—24.
- ⁵¹ Там же. С. 111.
- ⁵² Народен страж. София. 1922. № 7—8. Цит. по: Лазов Д. Екзарх Стефан I. Живот, апостолство и творчество. София, 1947. С. 87.
- ⁵³ Лазов Д. Указ. соч. С. 67.
- ⁵⁴ Там же. С. 100.
- ⁵⁵ Цит. по: П. Петков. Указ. соч. С. 71.
- ⁵⁶ Годоров Г. Указ. соч. С. 42.
- ⁵⁷ Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 173. Оп. 4. А. е. 1158. Л. 13—14.
- ⁵⁸ Любенова Л. Указ. соч. С. 189.
- ⁵⁹ Кацарски И. Българското православие и императивите на модернизацията // Религия и църква в България... С. 25.
- ⁶⁰ Там же. С. 21.
- ⁶¹ Радева В. «За» и «против» протестантството в Русе. 1878—1939 // Алманах за историята на Русе. Русе, 2002. С. 404.
- ⁶² Там же. С. 405.
- ⁶³ Там же. С. 404.
- ⁶⁴ Цит. по: Д. Косев. Указ. соч. С. 138.
- ⁶⁵ Ваташки Р. Указ. соч. С. 17.
- ⁶⁶ Там же. С. 57.
- ⁶⁷ Там же. С. 18.
- ⁶⁸ Петков П. Указ. соч. С. 65.
- ⁶⁹ Стошлов К. Дневник. София, 1996. Ч. 2. С. 143, 149.
- ⁷⁰ Стамболов С. Личният архив... С. 106.
- ⁷¹ Там же. С. 110—111.
- ⁷² См.: Лазов Д. Указ. соч. С. 55.

⁷³ *Елѣров С.* Католиците в България. 1878—1989. София, 2002. С. 764.

⁷⁴ Там же. С. 300.

⁷⁵ Цит. по: *Жебокрицкий В. А.* Попытка Ватикана навязать Болгарии церковную унию в 1913 г. // Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. М., 1969. С. 404.

⁷⁶ *Елѣров С.* Указ. соч. С. 764.

⁷⁷ Там же. С. 36.

⁷⁸ *Les Minorites ethniques en Europe Centrale et Balkaniques.* Paris, 1946. P. 22.

⁷⁹ *Елѣров С.* Указ. соч. С. 9.

⁸⁰ *Любенова Л.* Вечният двубой — православие и католицизъм // Проблемът Изток—Запад: историческа перспектива. София, 2003.

⁸¹ *Елѣров С.* Указ. соч. С. 253.

⁸² Там же. С. 302.

⁸³ *Босилков Е.* (1900—1952). Документи от архивите на България и Франция. София, 2002. С. 81.

⁸⁴ *Еленков И.* Указ. соч. С. 106.

⁸⁵ Там же. С. 107.

⁸⁶ *Соловьев В.* Задачи христианского государства // Родина. М., 1990. № 8. С. 27.

⁸⁷ *Ваташки Р.* Указ. соч. С. 87.

⁸⁸ Там же.

Приложение

Иван Илчев

Миф о Сан-Стефанской Болгарии как «священной корове» болгарского патриотизма

Скажу сразу, что в предложенном тексте я вовсе не ставлю под сомнение дату 3 марта как воплощение Начала, как повод для чествования. Наоборот. По пальцам можно пересчитать европейские народы, имеющие более значимый повод для торжества.

И не только потому, что был положен конец резне и издевательствам поработителей в отношении поработенных. Ни убийствами, ни издевательствами никого не удивишь ни в Средневековой, ни даже в Новой Европе.

И не только потому, что исчезла опасность ассимиляции болгар другим этносом. Всего за 150 лет до нашествия турок на Балканы славяне плотно заселяли пространство, которое ныне составляет Восточную и Центральную Германию. Они пали под натиском тевтонов, и теперь только такие имена, как Ганс Модров, напоминают о давно прошедших временах.

И не только потому, что болгары были подвергнуты систематическому экономическому гнету со стороны поработителей. Каждый, занимавший невысокую ступень в социальной иерархии, всегда являлся законной добычей для вышестоящего. Но если во время Тридцатилетней войны треть населения Германии погибла от голодной смерти, в болгарских землях такой способ перехода в вечность был практически неизвестен.

И не только потому, что болгары насильно обращались в мусульманство. Сменить веру или умереть — было судьбой всех протестантов, оказавшихся на пути победоносной армии католиков Валленштейна.

Не это было самым важным. Важным было то — и это само по себе оправдывает чествование, — что Сан-Стефано окончательно сломало начавшую уже разрушаться стену, которая отделяла Болгарию от Европы. Болгары, по крайней мере, теоретически, становились европейцами в полном смысле слова.

Но в нашем политическом сознании Сан-Стефано предстает не только и даже не столько, как освобождение, сколько как освобождение в «этнических границах болгарского народа». И потому в настоящих полемиче-

ских заметках речь пойдет, главным образом, о характерных особенностях механизма, сделавшего Сан-Стефанскую Болгарию частью политической мифологии. Сознательное противопоставление Сан-Стефанской Болгарии Берлинской Болгарии неправильно, так как первая практически не существовала ни одного дня. Мы и сейчас живем в государстве, отличающемся от определенной в германской столице для Княжества Болгария и Восточной Румелии территории всего на десяток процентов. Сан-Стефанская Болгария — это только миф, и как большинство мифов, он является посланием, знаком, заряженным взрывным эмоциональным содержанием. Как говорит Роллан Барт, миф — это слово, избранное историей. Сразу после Освобождения Сан-Стефанская Болгария была персонифицирована с личностью графа Николая Павловича Игнатьева, потому что психологически манипулировать персонифицированным образом значительно легче. Так Сан-Стефанская Болгария превратилась в одну из священных формул нашего развития.

Миф, не допускающий сомнений и вопросов, становящийся своего рода «священной короной» болгарского патриотизма, который постоянным повторением в учебниках, учебных пособиях, газетных статьях и политических речах, становится похожим на магическое заклинание буддистов «ом мани падме кум», повторяемое вплоть до полного превращения в зрительный образ, с некоей неясной надеждой, что самоповторение приведет к воцарению мифической справедливости, к блаженному раю. Конечно, у всех народов есть свои мифы; и вообще одна из основных составляющих мифа — это отсутствие достаточного количества точек соприкосновения с действительностью. И все-таки интересно, почему болгарское политическое сознание возвело в миф неудачу, несуществующее, невозможное, даже когда оно продиктовано из самых благих и бескорыстных намерений. Все это подобно тому, как идеи Василя Левского о революции, о способе освобождения страны и о методе последующего управления ею были целиком опровергнуты нашим последующим развитием и никогда не существовавшей Сан-Стефанской Болгарией.

Уже более века наши историки стенают, не хуже библейского Иова, когда речь идет о Сан-Стефанской Болгарии, призывая небесные проклятия на великие державы, которые из корыстных побуждений, из незнания, но не в меньшей степени и из неуважения к исторической этнографической картине, сложившейся на полуострове, в страхе, что Россия обеспечит себе плацдарм вблизи Эгейского моря, разрушили справедливое дело Сан-Стефано, обрекая, по словам Яворова, на «ужас без конца» дело болгарского народа.

А в чем, в сущности, несправедливость? В известной степени навязчивые мысли о Сан-Стефанской Болгарии и Берлинском договоре порождены нашим сознанием, в котором болгарские проблемы решаются будто бы только и исключительно на Балканах, — но это лишь наше воображение. К сожалению, и наша подготовка редко достигает европейских измерений этих проблем. Со времени подписания в Константинопольском предместье прелиминарного договора прошло уже почти 120 лет — время, кажется, достаточное, чтобы попытаться посмотреть на реальности более трезво. А если взглядеться в них, увидим, что Берлинский договор не более несправедливый и не более «злодейский», чем многие другие трактаты эпохи. Неужели во время Венского конгресса 1815 г или Парижского 1856 г. кто-нибудь озаботился правами народов? При этом отношение западных политиков, как ни странно, противоречило библейскому принципу: кто много имеет, тому и много дается. Болгары предлагали мало, практически не требовали почти ничего, но получили много.

Рассмотрим по порядку аргументы. XIX век тешил сам себя лестным определением как век национальностей, но никто из подписавших Берлинский договор — два князя, три графа и один маркиз — не считал себя сторонником этой идеи. Для них основанием для требований была не этнография, а стратегические интересы. Трудно было ожидать, что они изменят свои взгляды ради народа, еще только восстающего из-под руин прошлого. Да если бы и приняли во внимание достижения народоведения, что оно могло им сказать? Тогдашние политики были воспитанниками эллинской культуры, для них полуостров являлся законной частью эллинизма. Так они были научены в школе, и греческая диаспора в Европе делала все возможное для живого поддержания этого убеждения. Постепенное воскресение болгар привлекло благосклонное внимание дипломатов, путешественников, миссионеров и журналистов. К началу 70-х годов XIX века в правительственных канцеляриях уже имелось представление о том, что болгары населяют значительно более обширные районы полуострова, чем предполагалось раньше, но в политическом отношении, как политическая и культурная целостность, они еще не являлись для иностранцев самостоятельным фактором. Необходимо было время для осознания произошедших перемен.

Что сделали сами болгары к этому моменту, чтобы привлечь внимание Европы?

В начале века сербы непрерывно сражались в течение почти двух десятилетий, чтобы приобрести самостоятельность на территории, охватывающей не более одной трети их этнического расселения.

Греки вели свирепую и непрекращающуюся первобытную войну с турками на взаимное истребление в течение семи лет — с 1821 по 1828 г. В ней треть населения восставших областей погибла от мора и голода, под ножом и пульей. В результате только Пелопоннес и Аттика — опять-таки не более одной трети территории, населенной греками, — получили независимость, которую признали великие державы, а посаженный на престол король Отто нашел в Аттике крепкий дом из трех комнат, который и объявил королевским дворцом.

Румыны действительно не могли похвастаться особыми ратными успехами. Во время восстания греков они поднялись было на короткое время. Спустя два десятилетия последовали примеру европейской революции 1848—1849 гг., быстро перейдя от воодушевления к отчаянию, потерпев разгром. Но после провала уехавшие в эмиграцию лидеры кратковременного мятежа вели в течение десяти лет упорную, непрестанную пропаганду, требуя объединения румынских земель. Pamфлеты, петиции, меморандумы, публичные собрания, встречи с видными политиками, — было сделано все, чтобы румынский вопрос не остался забытым и при удобном случае был поставлен перед международным ареопагом. Это произошло после Крымской войны, когда Валахия и Молдавия практически объединились в одно Княжество, которое — опять-таки — охватывало только половину румынской этнической территории. Спустя два десятилетия потребовалось его участие в войне 1877—1878 гг., чтобы право Румынии на независимость было признано, и она полностью вырвалась из-под вассалитета Османской империи.

Албанцы, выставляя хотя и не всегда ясные требования, не переставали тревожить турецкую администрацию, периодически устраивали вооруженные выступления, которые жестоко подавлялись специальными отрядами. О черногорцах, всегда скорее хватавшихся за ружье, чем за плуг, я уже не говорю.

Что же могли предложить болгары?

Созданная Раковским, Каравеловым и Левским революционная организация в основном осталась неизвестной в Европе.

Апрельское восстание, которое вспыхнуло в действительно гораздо более трудных условиях чем в свое время восстание в Сербии или Греции. Но это не волновало современников в Европе, или, скорее, они не могли понять, что это за восстание такое, которое длилось около десяти дней, но в резне погибло от 12 до 30 тыс. человек. Не в сражениях, а в резне! Не забудем, что сочувствие к нашему народу родилось не благодаря героизму восставших, который, к сожалению, остался неизвестным, а из-за

воплей безжалостно убиваемых. Нигде в крупных европейских газетах возбуждающие общественное мнение журналисты не делали ударения на невероятную смелость тех, кто осмелился подняться на борьбу, не имея абсолютно никаких шансов на успех. Взору читателей были представлены залитые кровью ятаганы палачей и воздетые к небу руки посеченных людей, молящих о пощаде.

И поскольку несправедливо обиженный может надеяться на сочувствие и милость, то и помощь, которую он справедливо ожидает, не будет большой. Потому что человек подает милостыню не для того, чтобы обогатить нищего и сделать его равным себе, а чтобы облегчить его страдание в данный момент. Так сделали и великие державы. В сущности, они поступили щедрее, чем можно было ожидать — в Княжестве Болгария и в Восточной Румелии большую или меньшую степень самостоятельности получили почти две трети болгар.

Мир в Сан-Стефано, как и личность его творца отмечены множеством несоответствий с действительностью. Для графа Игнатьева действительность, похоже, выглядела как его собственное представление о ней. И потому, подготавливая договор, он дошел до того, что в дипломатии учтиво называется «несоответствием с предварительно взятыми обязательствами», а в повседневной жизни — гораздо более нелицеприятно — подтасовкой. Россия получила свободу действий в отношении Османской империи, при этом, однако, взяв на себя определенные обязательства в отношении основных партнеров-соперников. Согласилась, что не будет создавать на Балканах большого славянского государства. Негласно приняла положение о том, что Балканы к западу от реки Вардар являются сферой влияния Австро-Венгрии, а Эгейское море — сферой влияния Великобритании. Это граф Игнатьев знал отлично и не имел оснований удивляться реакции западных государств, вознегодовавших против преступившего через свое слово. Не случайно, Санкт-Петербург так быстро отказался от Сан-Стефанского договора, а точка, которую поставил после своей подписи его автор, превратилась в последнюю точку его карьеры как дипломата. Несмотря на свой дипломатический опыт, граф Игнатьев превратился после Сан-Стефано в весьма одиозную фигуру, чтобы играть в дальнейшем сколько-нибудь значимую роль в российской дипломатии.

Конечно, и другие великие государства всегда, когда имели к тому возможность, переступали через свое слово. Но это иной вопрос — они это делали, когда были сильны, а Россия была слаба и изолирована. То, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку, говорили древние. Впрочем, у графа Игнатьева уже был опыт в проведении такой тактики при подго-

товке Пекинского договора с Китаем в 1860 году, которым Приморье было присоединено к России. Тогда, однако, никто ему активно не противодействовал. В 1878 г. против Сан-Стефанского договора выступила практически вся Западная Европа.

Имели ли основания страхи Запада в связи с российским стремлением к теплому морю? Этот вопрос был и еще остается дискуссионным. Но укажем, что в годы Первой мировой войны, когда в Антанте было оформлено в договорах будущее присоединение Проливов к России, в дипломатических канцеляриях Освободительницы обсуждались планы раздела Болгарии: западная ее часть должна была отойти к Румынии и Сербии, а восточная — к России, для обеспечения сухопутного пути к Проливам.

В создавшихся в начале 1878 г. условиях, когда британский флот был в шаге от вступления в Босфор, Сан-Стефанский прелиминарный (слово, которое мы обычно опускаем, говоря о нем) договор был не только безумием, но и недомыслием, недостойным опытного дипломата. Что заставило графа Игнатьева сделать это? Человек искушается предположить, что выставленные в договоре условия, которые непременно должны были быть отвергнуты великими державами, изначально имели целью поставить болгар в положение быть вечно обязанными русским и испытывать вечную неприязнь к Западу. Я провел больше года, изучая документы графа, знаю его византийские ходы, но все же определенного ответа на этот вопрос дать не могу.

Каковы наши аргументы в пользу требований болгар, положенных в основу Сан-Стефанского договора? В первую очередь укажем, что ни один болгарин в годы до Апрельского восстания не разработал целостной национальной доктрины, которая совпадала бы с границами, начертанными в Сан-Стефано. И это ясно для историков. Нигде не упоминается, что деятели национального освобождения имели ясную, подробную и точную «территориальную программу» будущей Болгарии. Действительно, говорится, что их целью было завоевать свободу болгар Мизии, Фракии и Македонии, но авторы, пишущие об этом, сами хорошо знают, как трудно дефинировать три этих понятия, знают, что национальная революционная организация не могла по ряду причин покрыть большую часть болгарской этнической территории.

Для обоснования правоты своих требований мы часто ссылаемся на решения Цариградской конференции 1876 г., предложившей создать две автономные области, охватывающие этническую территорию болгарского народа.

В сущности, границы этих двух областей были приняты британской дипломатией — традиционным противником российской дипломатии, потому что доклады британских консулов создали у маркиза Р. Ар. Солсбери достаточно ясное представление о соотношении сил в Восточной области и, прежде всего, о балансе между христианами и мусульманами в ней. Для него, хотя центром Восточной области была средневековая болгарская столица Тырново (интересно, знал ли об этом Солсбери?), численность мусульман в ней, вероятно, была близка к численности христиан. Этой области якобы было предназначено стать более сильной гомогенной преградой перед российским проникновением к Цариграду. Предполагалось, что к ней направятся мусульмане, выселяющиеся из Западной области, и таким образом здесь утвердилось бы превосходство ислама, благодаря чему британская цель была бы обслужена еще в большей степени. С нынешней точки зрения парадокс заключался в том, что Македония для англичан являлась более болгарской областью, чем Восточная Болгария (был и другой мотив — Западная Болгария должна была остановить австрийское продвижение к Эгейскому морю). Независимо от английских соображений, для нас признание границы двух автономных областей было исключительно важным, так как они были приняты практически всеми великими державами.

Иногда ссылаемся на границы Болгарской Экзархии, включавшей накануне Освободительной войны немалую часть Македонии, и что важно — после свободного волеизъявления ее населения. Но Патриархия во время греческого восстания охватывала почти весь Балканский полуостров, а при обсуждении в 1830 г. в Лондоне границ Греции никто не подумал о том, чтобы принять во внимание этот факт.

Мы «удобно» забываем, что население многих территорий, отнятых у Сан-Стефанской Болгарии, имело, мягко сказать, неясное национальное сознание. Как правило, представители интеллигенции в Македонии, испытывавшие потребность самоопределиться национально, воспринимали себя болгарами. Но все же сознание многих было в немалой степени религиозным и локальным, а не этнически определенным. И в этом нет ничего странного. Почти все из начавших в конце XVIII в. войну за независимость Северной Америки воспринимали себя американцами только в локальном смысле, но не в национальном. Во многих периферийных районах Франции и в конце XIX в. — после целого столетия гражданского образования — национальное сознание еще не доминировало в полной мере над локальным. Государство — тот институт, что через свои учреждения — церковь, армию и школу — укрепляет национальное сознание населения, но именно государства не было у болгар.

Этот факт наиболее важен для болгар-мусульман. После создания самостоятельного Княжества Болгария из него десятилетиями уезжали в Турцию болгары-мусульмане. Вина болгарского государства по отношению к этому населению огромна, но это другой вопрос. И после Балканских войн — сорок лет спустя после рассматриваемых событий — мусульмане Вардарской Македонии, попавшей под власть Сербии, переселились не в Болгарию, как делали практически все их православные братья, а смотрели в сторону Цариграда.

Во время, когда определения «старшего брата» имели силу закона, утверждалось, что в Берлине был нарушен естественно сложившийся национальный рынок, направленный внутрь самого себя в рамках огромной империи, и то когда два из наиболее крупных его потребительских и торговых центров находились в периметре болгарских земель. И действительно, при непредубежденном взгляде ясно, что торговля в Македонии шла с юга на север по долине рек Вардар и Морава к Солуни и Центральной Европе, имея минимальный интерес к Фракии и Мизии. Экономика же последних была подчинена интересам, прежде всего, Цариграда и торговле по Дунаю. Среди рекламных объявлений, публиковавшихся в периодической печати того времени, не найдем ни одного, исходящего из городов болгарской этнической территории на полуострове, которая выходила бы за дальнейшие рамки Княжества Болгария и Восточной Румелии, даже изменявшиеся. И четыре десятилетия спустя, накануне Балканских войн болгарские консулы в Солуни указывали на очень слабую связь между болгарским и македонским рынками.

Национальная программа болгар или то, что более всего подходит к этому понятию, как ни неприятно говорить об этом, была разработана иностранцем. И этот миф целиком связан с личностью иностранца. Что весьма мало приятно с точки зрения нашего дальнейшего развития. Это позволяет недругам спекулировать границами, начертанными в Сан-Стефано, а болгары обречены на колебания между признательностью к Европе и неприязнью к ней.

Одним из частных результатов мифологизации Сан-Стефанской Болгарии явилось рождение дополнительного мифа об автономии Македонии в качестве необходимой и, самое важное, — якобы, осуществимой цели болгарской внешней политики. Но об этом я писал в другом месте.

Мифологизация образа Сан-Стефанской Болгарии, его прочное утверждение в повседневном политическом сознании болгарина чрезвычайно ухудшили условия, в которых пришлось действовать болгарской дипломатии. Каждое отступление от ее границ, даже в случае получения значи-

тельных приобретений в других направлениях, оценивалось как национальное преступление. Не случайно, что болгарским дипломатам потребовалось почти четыре десятилетия, чтобы проглотить комок в горле и дойти до мысли о необходимости двигаться в направлении раздела Македонии. И когда в ходе Балканской войны Болгария получила, а затем потеряла исключительно важную и потенциально богатую Восточную Фракию — это не оказало на массовое сознание сильного впечатления. Эта область не входила в Сан-Стефанскую Болгарию, и потому потеря ее была «проглочена» легче.

Миф о Сан-Стефанской Болгарии утвердил в сознании болгар их роль жертвенного агнца — невинной жертвы, хладнокровно и без ропота принесенной родителями (великими державами) во имя божества, названного европейским равновесием. Этот образ, однако, содержит в себе подсознательно и элемент чуда: вот сын Авраама в последний момент триумфально встанет с жертвенного камня. К сожалению, как хорошо известно, чудеса происходят редко.

Миф о Сан-Стефанской Болгарии и попытки его реализации надолго ухудшили любые возможности для взаимопонимания между Болгарией и соседними государствами. Границы, начертанные графом Игнатьевым, независимо от их изначальной справедливости, вошли в противоречие с национальными программами всех соседей Болгарии. Все они почувствовали себя затронутыми. Сан-Стефано создало основу для антиболгарского фронта на Балканах, который практически с тех пор и доньше ни на миг не терял своей актуальности. Он обрек на провал все попытки участия Болгарии в краткосрочных балканских соглашениях и, как мы все хорошо это видим, они всегда были направлены против Болгарии и в ущерб ей.

Журнал «История». София, 1995.

№ 6. С. 55—60.

Печатается с разрешения автора.

Перевод Р. П. Гришиной.

Оглавление

Предисловие	3
I. С точки зрения теории	8
II. Между традицией и модерном	
1. Модернизация по-балкански: диктует матрица	32
2. Этатизм в действии	54
3. Рождение нового сельского типа	71
4. К проблеме нации и национализма	98
5. Болгарская историография последних лет о нации и национализме ...	116
III. Гримасы политической модернизации в Болгарии. Этап 1879—1918 годов	
1. Установление конституционной монархии в стране	125
2. Трудности «приживания» института монархии	130
3. Сан-Стефано? Да, Сан-Стефано!	148
4. Война или модернизация?	177
5. Мобилизационное единение народа	195
IV. Феномен Болгарской православной церкви	219
Приложение	
Илчев Иван. Миф о Сан-Стефанской Болгарии как «священной корове» болгарского патриотизма	246
Оглавление	255

Научное издание

ГРИШИНА РИТТА ПЕТРОВНА

ЛИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ В БОЛГАРИИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(БЕГ ТРУСЦОЙ ПО
ПЕРЕСЕЧЕННОЙ МЕСТНОСТИ)

Обложка — *М. И. Леньшиной*

Книга подготовлена к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Подписано в печать 00.00.2008. Печ. л. 16,0.
Тираж 300 экз. Заказ № . Цена договорная.

Одринъ. - Изгледъ на една стара чаршия.
Adrianopel. - Ansicht auf einen alten
Markt.

Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии
(бег трусцой по пересеченной местности)